МЭРИ ЛЮ
НАСТАЛО ВРЕМЯ РЕВАНША!
WILDCARD
ТЕМНАЯ
ЛОШАДКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

После того, как Эмика Чен, узнав правду о сети «НейроЛинк», едва осталась в живых во время чемпионата Warcross, девушка понимает, что больше не может доверять никому, ведь ее предал самый близкий человек. По крайней мере Эмика считала именно так.

Намеренная положить конец коварным планам Хидео, Эмика вместе с «Всадниками Феникса» соглашается вступить в борьбу с невидимой угрозой на неоновых улицах Токио. И в этой схватке ей поможет таинственный Ноль. Вот только у всего есть своя цена, и девушка скоро узнает, насколько она высока.

Как далеко готова зайти Эмика, пойманная в сети предательства, когда на кону не только ее жизнь, но и любовь, пусть и к тому, кто уже однажды обманул ее…

- Мэри Лю
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Район Синдзюку
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
    - ■ 6
    - ■ 7
    - ■ 8
    - ■ 9
    - ■ 10
    - ■ 11
    - ■ 12
    - ■ 13
    - ■ 14
    - ■ 15
    - ■ 16
    - ■ 17
    - ■ 18
    - ■ 19
    - ■ 20
    - ■ 21
    - ■ 22

        - 23
        - 24
        - 25
        - 26
        - 27
        - 28
        - 29
        - 30
        - 31
        - 32
    - Тиёда
        - 33
        - 34
        - 35
    - Благодарности
- notes
    - 1

Мэри Лю
Wildcard: Темная лошадка

Посвящается Примо, который всегда помогает мне двигаться вперед

Copyright © 2018 by Xiwei Lu
© А.Сибуль, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

К другим новостям: уже третий день штаб-квартиры полиции по всему миру осаждают толпы людей. Известный криминальный авторитет Джейкоб «Туз» Кейган этим утром сдался властям в 8-м округе Парижа. Этот странный поступок многих поставил в тупик. В США двое беглецов из списка «Десяти самых разыскиваемых ФБР преступников» были найдены мертвыми – оба инцидента расценили как самоубийство. Это был утренний обзор.

– утренний выпуск новостей TOKYO SUN

Во сне я с Хидео.

Я знаю, что это сон, потому что мы лежим в белой кровати на самом верху небоскреба, которого я никогда раньше не видела, в комнате из чистого стекла. Взглянув вниз, вижу десятки и десятки этажей под нами, потолок-пол, которые исчезают где-то далеко внизу, устремляясь глубоко под землю.

А может, там вообще нет твердой основы.

Мягкие лучи рассвета проникают в комнату, прогоняя тусклую синеву ночи, и подсвечивают нашу кожу теплым сиянием. Но на небе все еще можно ясно разглядеть невероятное покрывало из звезд – золотых и белых блесток. За окном спальни простирается бесконечный город, огоньки тянутся вдаль, пока не исчезают в облаках на горизонте.

Это уже слишком. Во всех направлениях бесконечность. Я не знаю, куда падать.

А потом губы Хидео касаются моей ключицы, и чувство

дезориентации покидает меня, сменяясь ощущением тепла. Он здесь. Я наклоняю голову, приоткрываю губы, мои волосы струятся по спине. Я поднимаю глаза к стеклянному потолку и созвездиям.

«Прости», – шепчет он. Его голос эхом отдается в моей голове.

Я качаю головой и хмурюсь. Не могу вспомнить, за что он извиняется, но его глаза такие печальные, что мне и не хочется вспоминать. Что-то не так. Но что именно? Меня не покидает чувство, что я не должна здесь быть.

Хидео прижимает меня к себя. Чувство усиливается. Я смотрю на город через стекло: этот фантастический пейзаж выглядит не так, как должен, или все дело в звездах над головой. Нет, что-то не так…

Я напрягаюсь в объятиях Хидео. Он хмурится и кладет руку мне на щеку. Хочется продолжить наш поцелуй, но движение в другом конце комнаты отвлекает меня.

Там кто-то стоит. Фигура полностью в черном, черты лица скрыты под темным шлемом.

Я смотрю на него. И вдруг стекло вокруг нас разлетается вдребезги.

Район Синдзюку
Токио, Япония

1

ВОСЕМЬ ДНЕЙ ДО ЦЕРЕМОНИИ ЗАКРЫТИЯ WARCROSS

Кто-то наблюдает за мной.

Я это чувствую – невидимый взгляд, прикованный к моей спине. От жуткого ощущения, что тебя преследуют, покалывает кожу, и я постоянно оглядываюсь через плечо, пробираясь по мокрым от дождя улицам Токио на встречу с «Всадниками Феникса». Мимо меня спешат прохожие – постоянный поток цветных зонтов и деловых костюмов, каблуков и овер-сайз пальто. Я все время представляю, как их потупленные взгляды обращаются в мою сторону, куда бы я ни пошла.

Возможно, это паранойя, которая приходит после многих лет работы охотником за головами. *Ты на людной улице, говорю я себе. Никто тебя не преследует.*

Прошло три дня с запуска алгоритма Хидео. Теперь мир должен быть самым технически безопасным за всю историю. Каждый, кто использовал контактные линзы Henka Games хотя бы раз, теперь должен был оказаться под полным контролем Хидео, не в силах нарушить закон или причинить вред другому человеку. Только те немногие, кто все еще пользуется бета-версией, не подвержены их воздействию. Так что теоретически меня не должно волновать, что за мной кто-то следит. Алгоритм не позволит им навредить мне.

Размышляя над этим, я замедляю шаг и вижу длинную очередь к местному полицейскому участку. Люди сдаются властям за любое нарушение закона, от неоплаченной парковки до мелких краж и даже убийств. Это продолжается уже три дня.

Мое внимание переключается на полицейский заслон в конце улицы. Всех направляют в обход другого квартала. Огни скорой помощи отражаются от стен, освещая накрытые простыней носилки, которые поднимают в машину. Я успеваю заметить, как один из полицейских показывает на крышу соседнего здания, и понимаю, что здесь произошло. Должно быть, еще один преступник прыгнул навстречу смерти. Сводки новостей кишели самоубийствами.

И я помогла всему этому случиться.

Я борюсь с тревогой и отворачиваюсь. В глазах каждого заметна пустота. Они не знают, что в их разум вторглась искусственная рука, лишившая их воли.

Рука *Хидео*.

Одного напоминания достаточно, чтобы я остановилась посреди улицы и закрыла глаза. Я сжимаю и разжимаю кулаки, а

сердце подпрыгивает в груди от его имени. Я такая идиотка.

Как от одной мысли о нем меня одновременно переполняет и отвращение, и желание? Как могу я в ужасе смотреть на эту очередь в полицейский участок, стоящую под дождем, и в то же время краснеть из-за сна, где я в постели Хидео глажу его руками по спине?

Между нами все кончено. Забудь его. Я снова открываю глаза и иду дальше, пытаясь сдержать вырывающуюся из груди злость.

Я успеваю спрятаться в теплых коридорах торгового центра Синдзюку, когда на землю обрушивается ливень, размывая отражения неоновых фонарей на мокрых тротуарах.

Не то чтобы гроза мешает подготовке к предстоящей церемонии закрытия Warcross, которая ознаменует конец игр этого года. Через мои бета-линзы я вижу, что дороги и тротуары раскрашены в алые и золотые оттенки. Так отмечен каждый район Токио: цветами самой популярной команды. Над головой запускают роскошные виртуальные фейерверки, пронзающие темное небо цветными вспышками. Любимая команда района Синдзюку – «Всадники Феникса», так что огни принимают форму феникса, изгибающего шею в победном крике.

Всю следующую неделю по всему миру будут объявлять десятку лучших игроков чемпионатов этого года, избранную голосованием фанатов Warcross. Эти десять игроков сразятся в последнем турнире во время церемонии закрытия и станут главными звездами на весь год, прежде чем следующей весной снова примут участие в игре церемонии открытия. Однажды я взломала и прервала такую игру – это перевернуло всю мою жизнь и привело меня сюда.

Люди на улицах с гордостью носят костюмы лучшей десятки этого года. Я вижу нескольких двойников Эшера в костюме, в котором он был на нашей игре в «Белом мире»; другие одеты как Джена, третьи – как Рошан. Кто-то все еще яростно оспаривает финал. Очевидно, что там жульничали – использовали бонусы, которых не должно было быть в игре.

Конечно же, это сделала я.

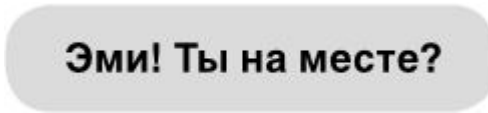
Я поправляю маску на лице так, чтобы несколько прядей радужных волос выпали из-под капюшона моего красного дождевика. Мои резиновые сапоги хлюпают на мокром тротуаре. Я создала случайное виртуальное лицо, наложив его на мое собственное, так что, по крайней мере, посмотрев на меня, люди с очками или контактными линзами «НейроЛинк» увидят незнакомку. А если мне вдруг встретится тот, на ком нет ни того, ни другого, маска поможет мне смешаться с толпой.

– Sugoi[1]! – восклицает кто-то, проходя мимо меня.

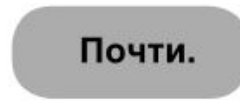
Обернувшись, я вижу пару большеглазых девочек: они улыбаются, глядя на мои волосы. Перед моими глазами бежит перевод их японских фраз на английский: «Вау! Хороший костюм Эмики Чен!»

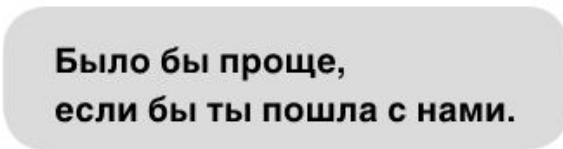
Они жестикулируют, словно хотят сфотографироваться со мной, и я подыгрываю, показывая пальцами знак победы “V”. «*Интересно, они обе тоже под контролем Хидео?*» – думаю я.

Девочки кивают в знак благодарности и идут дальше. Я поправляю свой электрический скейтборд на плече. Хорошая временная маскировка – притворяться самой собой, но, привыкнув выслеживать других, я чувствую себя невероятно уязвимой.

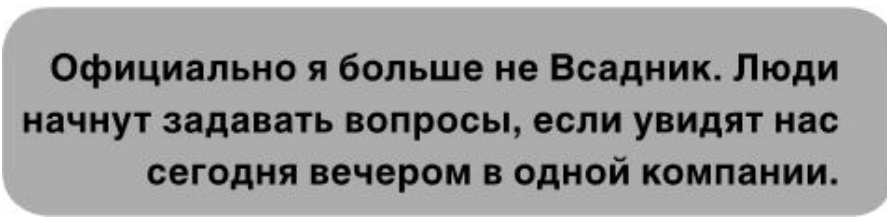


Передо мной в виде полупрозрачного белого текста появляется сообщение Хэмми, снимая мое напряжение. Я инстинктивно улыбаюсь и ускоряю шаг.





Я снова бросаю взгляд через плечо. Конечно, она права, но, когда я последний раз находилась в одной комнате вместе с моими товарищами по команде, Ноль чуть не взорвал нас всех.



Но с нами ты будешь в большей безопасности.

Без меня будет безопаснее.

Я практически слышу ее вздох. Она снова отправляет мне адрес бара.

Скоро увидимся.

Я прохожу через торговый центр и выхожу через другую дверь. Здесь пестрые кварталы Синдзюку сменяются сомнительными улицами Кабуки-тё – квартала красных фонарей Токио. Мои плечи напрягаются. Здесь совсем *небезопасно*, особенно по сравнению с Нью-Йорком. Стены покрывают странные светящиеся экраны, рекламирующие услуги прекрасных девушек и красивых парней с волосами, уложенными в виде колючек, и еще более подозрительные баннеры, значение которых я даже не хочу понимать.

Полуобнаженные виртуальные модели стоят у дверей баров, приглашая посетителей заглянуть внутрь. Они игнорируют меня, когда понимают, что пометки в профиле выдают во мне иностранку и переключают свое внимание на более выгодных местных японцев, гуляющих по улицам.

Но я все равно ускоряю шаг. Ни один квартал красных фонарей в мире не безопасен.

Я ныряю в узкую улочку на границе Кабуки-тё. *Piss Alley*, так называется эта группка маленьких переулков. «Всадники» выбрали это место для встречи сегодня вечером, потому что она закрыта для туристов во время сезона чемпионатов Warcross. Хмурые телохранители в костюмах стоят у входов и выходов из переулков, прогоняя любопытных прохожих.

Я на секунду отключаю свою маскировку, чтобы охранники увидели мое настоящее лицо. Один из них наклоняет голову и пропускает меня.

По обеим сторонам улиц тянутся крошечные бары саке и лавки с якитори. Через запотевшие стеклянные двери я вижу спины членов других команд, столпившихся перед дымящимся грилем. Они громко спорят насчет виртуальных проекций на

стенах, где крутят интервью с игроками. Свежий запах дождя смешивается с ароматами чеснока, мисо и жареного мяса.

Я стягиваю дождевик, отряхиваю его и складываю, вывернув наизнанку, в свой рюкзак. А потом направляюсь к последней стойке. Этот бар побольше других и выходит в тихий переулок, закрытый с другой стороны. Дверной проход подсвечивается веселыми красными фонариками, а вокруг на стратегических позициях стоят мужчины в костюмах. Один из них замечает меня и пропускает вперед.

Я прохожу под фонарями и захожу через раздвижные стеклянные двери. Меня окутывает теплый воздух.

> Вход в Бар «Полуночные чувства»
> +500 очков. Дневной счет +950
> Уровень 36 | К 120 064

Я оказываюсь посреди уютного зала с барной стойкой, на которую шеф-повар выставляет миски с раменом. Он останавливается, чтобы объявить о моем прибытии.

Все поворачиваются в мою сторону и поочередно приветствуют меня.

Тут Хэмми, наш Вор, и Рошан, наш Щит. Эшер, наш Капитан, сидит на стуле, а его стильная коляска сложена позади него. Даже Тримейн, технически играющий за «Бригаду Демонов», здесь. Не убирая локтей с барной стойки, он кивает мне сквозь поднимающийся от миски пар. Он сидит подальше от Рошана, который перебирает четки на запястье и демонстративно игнорирует своего бывшего друга.

Моя команда. Мои друзья. Жуткое ощущение, что за мной наблюдают, почти исчезает, когда я смотрю на их лица.

Хэмми взмахом просит подойти. Я с благодарностью сажусь на пустой стул рядом с ней. Шеф-повар ставит передо мной миску рамена и отходит, оставляя нас наедине.

– Весь город празднует, – бормочу я. – Люди понятия не имеют, что сделал Хидео.

Она забирает свои кудрявые волосы в тугой высокий пучок и кивком указывает на экран на стене, где повторяют Финал:

– Ты как раз вовремя, – говорит она. – Хидео собирается сделать объявление.

Мы смотрим на экран, Хэмми наливает мне чашку чая. Теперь показывают комнату, переполненную репортерами, лица которых повернуты к сцене. Все нетерпеливо ждут прибытия Хидео. Кенн, креативный директор Warcross, и Мари Накамура, исполнительный директор Henka Games, уже там, о чем-то перешептываются друг с другом.

Внезапно в комнате на экране начинается переполох – на сцену выходит Хидео. Он поправляет лацканы пиджака, а затем со своей обычной, спокойной, плавной грацией присоединяется к своим компаньонам и пожимает им руки.

Даже его вид на экране производит на меня такое сильное впечатление, словно он вошел в бар. Я все еще вижу того же парня, за которым наблюдала всю свою жизнь, лицо, на которое останавливалась посмотреть в газетах или по телевизору. Я впиваюсь ногтями в стойку, пытаясь скрыть свою досадную слабость.

Хэмми это замечает и бросает на меня сочувствующий взгляд.

– Никто не ожидает, что ты быстро его забудешь, – говорит она. – Я знаю, что он пытается контролировать весь мир и все такое, но все равно в костюме он выглядит круче моделей на показе Balmain.

Эшер хмурится:

– Я вообще-то еще здесь.

– Я же не сказала, что хочу встречаться с ним, – отвечает Хэмми и протягивает руку, чтобы погладить Эшера по щеке.

Я наблюдаю, как Хидео и Кенн тихо переговариваются. Интересно, насколько Кенн и Мари посвящены в планы Хидео? А что, если в этом замешана вся компания? Но как тогда им удалось сохранить такое в секрете? И неужели так много людей согласилось принять участие в чем-то настолько ужасном?

– Как вы знаете, – начинает Хидео, – во время Финала чемпионата обманный ход принес «Всадникам Феникса» победу над командой «Андромеды». После того, как наша креативная группа изучила это дело, – он делает паузу, чтобы взглянуть на Кенна, – мы пришли к выводу, что обман был активирован не кем-то из игроков, а внешней стороной. Мы решили, что лучшим вариантом будет провести официальный матч-реванш между командой «Андромеды» и «Всадниками Феникса» через четыре дня. А церемония закрытия состоится еще через четыре дня после этой игры.

После слов Хидео комната сразу же наполняется шумом голосов. Эшер откидывается назад и хмурится, глядя на экран:

– Ну, это все-таки случилось, – обращается он ко всем нам. – Официальный матч-реванш. У нас есть три дня на подготовку.

Хэмми заглатывает лапшу.

– Официальный матч-реванш, – повторяет она без всякого энтузиазма. – Такого никогда не было в истории чемпионатов.

– У «Всадников Феникса» появится много недоброжелателей, – добавляет Тримейн. Из других баров уже ясно слышатся выкрики «Обманщики!».

Эшер пожимает плечами.

– С таким мы уже не раз сталкивались. Не так ли, Блэкборн?

Лицо Тримейна ничего не выражает. Нам не передается возбуждение из-за новой игры, и мы просто продолжаем смотреть. Матч-реванш – не сенсация. Если бы репортеры только знали, что Хидео действительно делал с помощью «НейроЛинка»…

«Я устал от ужасов этого мира, – сказал он мне. – *Так что я заставлю их прекратиться».*

– Ну, – начинает Рошан, проводя рукой по лицу, – если Хидео и беспокоит то, что случилось за последние несколько дней, он этого не показывает.

Тримейн сосредотачивает свое внимание на чем-то невидимом и быстро стучит по барной стойке. Несколько недель назад я бы возмутилась, оказавшись с ним в одной комнате. И сейчас я все жду, когда он огрызнется и снова назовет меня «принцессой Персик», но оказывается теперь он на нашей стороне.

– Что-то нашел? – спрашиваю я его.

– Я раскопал достоверные сведения о том, у скольких людей новые линзы. – Тримейн откидывается назад и выдыхает. – Девяносто восемь процентов.

В зале повисла такая густая тишина, что, кажется, ее можно было резать ножом как пирог. Девяносто восемь процентов всех пользователей теперь находятся под контролем алгоритма Хидео. Я думаю о длинных очередях, о полицейской ленте. От осознания масштаба происходящего у меня кружится голова.

– А другие два процента? – выдавливает из себя Эшер.

– Это те, кто все еще использует бета-линзы, – отвечает Тримейн, – и кто еще не переключился на другие. Эти ребята пока в безопасности. – Он окидывает взглядом бар. – А также мы и официальные игроки, ведь нам выдали бета-версии до того, как вышли финальные. Многим в «Темном мире», готов поспорить, тоже ничего не грозит. И единицам людей по всему миру, которые вообще не пользуются «НейроЛинком». Вот так. Все остальные в ловушке.

Никто не хочет ничего добавлять. Я не озвучиваю эту мысль, но знаю, что мы не сможем оставаться с бета-версиями навсегда. Говорят, что в эти линзы загрузят обновление, которое превратит их в линзы алгоритма во время церемонии закрытия Warcross.

А это произойдет через восемь дней.

– Осталось семь дней свободы, – наконец говорит Эшер, озвучивая то, о чем мы все думаем. – Если хотите ограбить банк, это ваш шанс.

Я бросаю взгляд на Тримейна:

– Получилось найти новую информацию по поводу самого алгоритма?

Он качает головой и поднимает перед нами экран. Это лабиринт из светящихся букв.

– Я не могу найти даже малейший его след. Видите это? – Он показывает на блок кода. – Основная последовательность регистрации. Здесь должно что-то быть.

– То есть ты хочешь сказать, что там не может быть алгоритма? – спрашиваю я.

– Да, я считаю, что это невозможно, да. Это все равно что смотреть на стул, парящий в воздухе без каких-либо канатов.

Я пришла к такому же заключению за последние несколько бессонных ночей, которые провела за исследованием каждой расщелины «НейроЛинк». Ничего. Как бы Хидео ни ввел свой алгоритм, найти его я не могу.

– Возможно, единственный способ получить к нему доступ – через самого Хидео, – вздыхаю я.

На экране Хидео теперь отвечает на вопросы журналистов. Он стоит в расслабленной позе, лицо кажется серьезным, а волосы немного взъерошены, но уложены идеально. Выглядит прекрасно, как всегда. Как он может оставаться таким спокойным? Я наклоняюсь вперед, словно тех нескольких мгновений, которые мы провели вместе в наших недолгих отношениях, достаточно, чтобы понять, о чем он думает.

Сон, приснившийся мне прошлой ночью, снова возникает в голове, и я почти чувствую, как его ладони скользят по моим голым рукам. У него такое грустное лицо. «*Прости*», – шепчет он. Потом появляется темный силуэт, наблюдавший за мной из угла комнаты, и стекло вокруг нас разлетается вдребезги.

– А как насчет тебя? – говорит Тримейн, вырывая меня из мыслей. – Есть новости от Ноля? Ты связывалась с Хидео?

Я делаю глубокий вдох и качаю головой.

– Я ни с кем не связывалась. По крайней мере, пока.

– Ты же не рассматриваешь предложение Ноля серьезно, правда? – Эшер подпер голову рукой и смотрит на меня с тревогой. С таким же выражением он смотрел на меня, будучи Капитаном, когда думал, что я не собираюсь выполнять его команды. – Не делай этого. Очевидно, что это ловушка.

– Хидео тоже оказался ловушкой, Эш, – говорит Хэмми. – И никто из нас этого не ожидал.

– Ну, Хидео никогда не пытался взорвать наше общежитие, – бормочет Эшер. – Слушайте, даже если Ноль серьезно хочет, чтобы Эми присоединилась к нему и помогла остановить Хидео, у

него должны быть еще какие-то мотивы. Он вообще-то не примерный гражданин. Его помощь может принести куда больше проблем.

Тримейн кладет локти на стойку. Я все еще не привыкла видеть искреннюю тревогу на его лице, но оно меня успокаивает. Напоминает о том, что я не одна.

– Если мы с тобой, Эм, будем работать вместе, то сможем избежать помощи Ноля. Должны быть какие-то ниточки к Сасукэ Танака.

– Сасукэ Танака исчез без следа, – тихо говорит Рошан, наматывая на палочки лапшу. Его голос звучит спокойно и жестко.

Тримейн бросает на него взгляд:

– Следы всегда остаются, – отвечает он.

Эшер успевает заговорить прежде, чем между Рошаном и Тримейном повисает неловкая тишина.

– А что, если сначала связаться с Хидео? Скажи ему, что узнала, что его брат жив. Ты говорила, что он создал это все – Warcross, алгоритм – из-за брата, не так ли? Разве он не сделает ради него все, что угодно?

В мыслях я вижу, как Хидео смотрит на меня. *Все, что я делаю, я делаю ради него*. Он сказал мне это несколько недель назад, в горячем источнике, пока мы смотрели, как в небе появляются звезды.

Даже тогда он планировал свой алгоритм. Его слова обрели теперь новый смысл, и от этого у меня внутри все сжимается. Тепло воспоминания превращается в лед.

– Если Ноль действительно его брат, – отвечаю я.

– А ты считаешь, нет? Мы все это видели.

– Я знаю одно: что не могу быть полностью уверена. – Я без аппетита размешиваю лапшу в миске.

Хэмми задумчиво склоняет голову, и я буквально вижу, как в ее голове начинают крутиться шестеренки.

– Возможно, кто-то украл личность Сасукэ. Может, пытается сбить со следа, используя имя мертвого мальчика.

– Профиль-призрак, – бормочу я, соглашаясь. Я знаю про это потому, что сама так делала.

– Эми не стоит рассказывать Хидео ничего важного, если это может оказаться неправдой, – продолжает Хэмми. – Иначе он поведет себя непредсказуемо. Сначала нам нужны доказательства.

Рошан внезапно встает, со скрежетом отодвигая стул. Я резко поднимаю взгляд, но он уже выходит из бара через раздвижные двери.

– Эй, – зовет Хэмми, – ты в порядке?

Он останавливается, чтобы оглянуться.

– Что в порядке? То, что мы все сидим здесь, обсуждаем технические подробности того, как Эми должна броситься очертя голову в дело, в котором может погибнуть?

Мы замираем, так и непроизнесенные слова повисают в воздухе. Я никогда раньше не слышала злость в голосе Рошана, и это кажется неправильным.

Он смотрит на своих товарищей по команде, а затем его взгляд останавливается на мне.

– Ты ничего не должна Хидео, – говорит он тихо. – Ты выполнила то, для чего тебя наняли. Не твоя задача копаться в прошлом Ноля, в том, что произошло между ним и братом или в том, что он собирается сделать с Хидео.

– Эми единственная, кто… – начинает Эшер.

– Как будто ты когда-нибудь думал о том, что нужно *ей*, – резко отвечает Рошан.

Я в удивлении вскидываю брови.

– Рошан, – говорит Эшер, внимательно наблюдая за ним.

Но Рошан поджимает губы.

– Слушай, если команда Ноля все еще собирается остановить Хидео, пусть она это делает. Пусть они сцепятся друг с другом. Тебе не нужнов это лезть. Отступи и не вмешивайся. Не стоит. И никто из нас не должен убеждать тебя в чем-то другом.

Прежде чем я успеваю ответить, Рошан отворачивается и выходит на улицу, в ночную прохладу. Дверь с резким стуком захлопывается за ним. Все вокруг меня беззвучно выдыхают.

Я поворачиваюсь к Хэмми.

– Это из-за того, что он здесь, – бормочет она, кивая в сторону Тримейна. – Он выбивает Рошана из колеи.

Тот смущенно откашливается.

– Он прав, – наконец говорит Тримейн. – Насчет опасности, я имею в виду.

Я смотрю на место, где только что сидел Рошан, и вспоминаю, как он перебирал четки на запястье. Перед глазами у меня до сих пор стоит последнее сообщение от Ноля – маленькие белые буквы, которые замерли в ожидании.

Мое предложение все еще в силе.

Хэмми откидывается назад и скрещивает руки на груди.

– Почему ты все не бросишь? – спрашивает она.

– Беспокойство за судьбу мира – недостаточная причина?

– Нет, тут нечто большее.

В моей груди нарастает раздражение.

– Все это происходит из-за меня. Я напрямую была с этим связана.

Хэмми не отпугивает резкость моих слов.

– Но ты же знаешь, что это не твоя вина. Скажи мне почему?

Я колеблюсь, не желая произносить истинную причину. Краем глаза вижу профиль Хидео, подсвеченный зеленым. Он сейчас не спит и находится онлайн. И мне сразу хочется связаться с ним.

Мне ужасно не нравится, что он все еще так на меня действует. Хотя в конце концов в жизни каждого был человек, по которому сходишь с ума, несмотря ни на что. Не то чтобы раньше я не наслаждалась мимолетными увлечениями, которые длились всего несколько недель, но все же…

Он больше, чем увлечение, награда охотника или цель. Он навсегда связан с моей историей. Хидео, укравший у всего мира свободу воли, – это все тот же Хидео, который оплакивал своего брата так сильно, что в его темных волосах появилась серебряная прядь. Тот же Хидео, что любит своих родителей. Тот же Хидео, который однажды вытащил меня из тьмы и позволил мечтать.

Я отказываюсь верить, что он монстр. Я не могу смотреть, как низко он падает. Я продолжаю бороться, потому что мне нужно снова отыскать того парня, его бьющееся сердце, похороненное во лжи. Мне нужно остановить его, чтобы спасти.

Когда-то он протянул мне руку помощи. Теперь моя очередь помочь ему.

* * *

К тому времени, когда мы вышли из бара, время уже перевалило за полночь, а ливень превратился в слабый туман. На улицах все еще встречаются люди. Только что объявили первых двух звездных игроков, их виртуальные фигуры парят под каждым уличным фонарем города.

ХЭМИЛТОН ХИМЕНЕЗ, США |
«Всадники Феникса»
ПАРК ЙИМИН. Южная Корея |
«Гончие»

Хэмми едва смотрит на кадры своих лучших маневров в игре, танцующих под светом фонарей.

– Ты должна вернуться вместе с нами, – говорит она,

осматривая район.

– Все будет хорошо, – уверяю я. Если кто-то и преследует меня, лучше бы не делать так, чтобы он следил и за моими товарищами.

– Это Кабуки-тё, Эм.

Я криво ухмыляюсь.

– И? Алгоритм Хидео управляет большинством людей здесь. Чего бояться?

– Очень смешно, – раздраженно отвечает Хэмми, изогнув бровь.

– Слушай, нам не стоит перемещаться всем вместе. Ты же знаешь, так мы становимся слишком соблазнительной целью, даже несмотря на алгоритм. Я позвоню тебе, когда вернусь в отель.

Хэмми понимает, что разговор окончен. Она разочарованно поджимает губы, но потом кивает.

– Ага, лучше бы тебе это сделать, – бросает она через плечо, машет мне рукой и уходит.

Я наблюдаю, как она присоединяется к другим, и все направляются к станции метро, где их ждет частная машина. Пытаюсь представить ребят до того, как к ним пришла слава, когда они впервые приехали в Токио. Чувствовали ли они себя настолько незаметными, чтобы спокойно воспользоваться метро? Ощущали ли себя одинокими?

Когда мои друзья исчезают в тумане дождя, я тоже ухожу. Я привыкла передвигаться одна. Но все равно без них мое одиночество кажется сильнее, а пространство вокруг – более пустым. Я засовываю руки в карманы и пытаюсь игнорировать виртуального зазывалу, подскочившего ко мне с улыбкой и на английском приглашающего меня в один из хост-клубов.

– Нет, – отвечаю я ему. Он сразу же исчезает, вновь появляется у входа в клуб и начинает высматривать другого потенциального клиента.

Я убираю волосы под капюшон и продолжаю идти. Всего неделю назад я, скорее всего, шла бы рядом с Хидео. Его рука была бы на моей талии, пальто – на моих плечах. Он бы, наверное, смеялся над какими-нибудь моими словами.

Но сейчас я одна, прислушиваюсь к монотонному хлюпанью ботинок по грязным лужам. Эхо капающей с вывесок и навесов воды отвлекает меня. Оно похоже на звук шагов. Мне снова кажется, что за мной следят.

У меня шумит в ушах. Я на мгновение останавливаюсь на перекрестке, наклоняю голову то в одну, то в другую сторону, пока жужжание не прекращается.

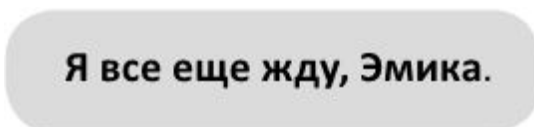
Я снова смотрю на подсвеченную зеленым иконку Хидео перед глазами. Где он сейчас, что делает? Я представляю, как связываюсь с ним, как его виртуальный образ появляется передо мной, и в ушах начинает звенеть вопрос Эшера. А что, если я расскажу ему о связи Ноля с его братом? Неужели нельзя просто посмотреть, что произойдет, даже если я не уверена в информации на все сто?

Я сжимаю челюсти, злясь на себя за то, что просто придумываю предлог, чтобы услышать его голос. Если буду держаться от него подальше и сосредоточусь на всем происходящем, как на работе, может, тогда перестану так сильно хотеть быть рядом с ним?

В ухе снова появляется жужжание. В этот раз я останавливаюсь и внимательно прислушиваюсь. Ничего. На улице сейчас, кроме меня, только несколько людей, похожих на размытые силуэты. Может, кто-то пытается меня взломать? Я начинаю проверять свою систему «НейроЛинк», чтобы убедиться, что все в порядке. Зеленые слова пролетают перед глазами, сканирование не выявляет никаких сбоев.

Пока не начинается диагностика моих сообщений.

Я хмурюсь, но прежде, чем успеваю рассмотреть повнимательнее, весь текст исчезает. Его заменяет одно единственное предложение.



Волоски на шее встают дыбом. Это Ноль.

2

Я разворачиваюсь на месте, останавливая взгляд на каждом силуэте на улице. Яркие пятна отражений на дороге размывает сырая ночь. Фонарные столбы вдруг стали похожи на людей, и каждый звук шагов раздается так, словно все направляются ко мне.

Он здесь? Это он следил за мной? Я почти готова увидеть знакомую фигуру, идущую следом. Его тело заковано в доспехи, а лицо скрыто под непрозрачным черным шлемом.

Но вокруг никого нет.

– Прошло всего пару ночей, – шепчу я себе под нос, и мои слова превращаются в текст ответного сообщения. – Ты когда-нибудь слышал о том, что людям нужно время подумать?

Я дал тебе время.

Во мне, несмотря на страх, мигом вспыхивает раздражение. Стиснув зубы, я начинаю идти быстрее.

– Может, так я хочу сказать тебе, что мне не интересно твое предложение.

Тебе неинтересно?

– Ни капельки.

Почему?

– Может, потому, что ты пытался убить меня?

Если бы я все еще хотел тебя убить, ты бы уже была мертва.

По спине снова пробегает холодок.

– Ты пытаешься заставить меня принять твое предложение? Если да, то ты плохо справляешься.

Я пришел, чтобы сказать, что ты в опасности.

Он играет со мной, как и всегда. Но что-то в его тоне заставляет меня замереть. Я понимаю, что, возможно, в этот самый момент он взламывает мои щиты, копается в файлах, во мне. Однажды он украл мои Воспоминания об отце. Он может сделать это снова.

– Единственная опасность, с которой я когда-либо сталкивалась, это ты.

Тогда ты давно не была в «Темном мире».

Внезапно вокруг меня появляется изображение «Пиратского логова». Из-за резкой смены обстановки я отшатываюсь назад. Всего секунду назад я стояла на улице города, а теперь я под палубой пиратского корабля.

Тримейн был прав – много людей в «Темном мире», должно быть, еще используют бета-линзы, иначе алгоритм Хидео не позволил бы им снова сюда спуститься. Корабль переполнен виртуальными людьми, которые собрались вокруг стеклянных цилиндров в центре логова. На экране показывают лотерею убийств.

Всегда на первом месте, не так ли?

Я пробегаю взглядом по списку. Некоторые имена мне знакомы – главари банд и воры в законе, политики и несколько знаменитостей. Но потом…

Вот и я, Эмика Чен, во главе списка. Рядом с моим именем – награда в пять миллионов койнов.

Пять миллионов койнов за мою смерть.

– Ты, должно быть, шутишь, – вырывается у меня.

«Пиратское логово» исчезает так же быстро, как и появилось, я снова стою в Кабуки-тё.

Сообщения от Ноля приходят мгновенно.

Двое убийц сейчас идут за тобой по улице. Они настигнут тебя до того, как ты окажешься на станции метро.

Все мышцы в моем теле напрягаются. Я видела, что происходит с теми, кто оказывается в том списке – и за меньшую награду убийцы почти всегда успешно заканчивают дело.

На долю секунды мне хочется, чтобы алгоритм Хидео повлиял на всех, но быстро отбрасываю эту мысль прочь.

– Откуда мне знать, что это не ты отправил их? – шепчу я.

Ты зря тратишь время. Поверни направо на следующем перекрестке. Иди прямо в торговый центр и вниз, в подвальный этаж. Там на противоположной улице тебя ждет машина.

Машина? Может, в конце концов, я и не параноик. Он действительно наблюдал за мной, и, вероятно, просчитал, какие пути я выберу, отделившись от «Всадников».

Я в отчаянии осматриваюсь. Может быть, Ноль врет мне, разыгрывает очередную партию своей игры? Я включаю директорию, чтобы позвонить Эшеру. Если остальные все еще где-то рядом, они могут вернуться и забрать меня. Они…

Я не успеваю додумать. За моей спиной раздается выстрел, пуля проносится рядом с моей шеей и отбивает угол в стене.

Пуля. *Выстрел*. Меня накрывает внезапная волна ужаса.

Я бросаюсь на землю. Где-то дальше закричал и убежал случайный прохожий. Теперь я единственный человек на улице. Я бросаю взгляд через плечо, высматривая преследователей, и в этот раз замечаю в ночи тень, крадущуюся вдоль здания. Движение на другой стороне улицы привлекает мое внимание. Я поднимаюсь на ноги.

Раздается еще один выстрел.

Паника преобладает над всеми чувствами, угрожая заполнить все мое тело. Звуки долетают до меня, словно я под водой. Будучи охотником за головами, я и раньше слышала выстрелы, свист полицейских пуль, попавших в стены и стекла – но само

напряжение момента для меня в новинку. Я никогда не была целью.

Послал ли их Ноль? Но он предупредил меня, что нужно бежать. Он сказал мне, что я в опасности. Зачем ему предупреждать меня, если нападение – его рук дело?

Тебе нужно подумать.

Я прижимаюсь к стене, бросаю скейтборд на землю и запрыгиваю на него. Пятки вжимаются в доску, которая устремляется вперед с резким шипением. Ноль сказал, что машина ждет меня за следующим поворотом. Я низко пригибаюсь, чтобы схватиться руками за оба края скейтборда, и направляюсь в конец улицы.

Мимо ноги проносится еще одна пуля – слишком близко – и попадает в борд. Еще одна отбивает колесо.

Я спрыгиваю с доски, когда та вдруг резко поворачивает в стену, перекатываюсь и заставляю себя встать на ноги – но кроссовок попадает в щель в тротуаре, и я спотыкаюсь. За мной раздаются шаги. Хотя я стараюсь снова встать на ноги, мои глаза крепко зажмурены. Готовлюсь в любую секунду почувствовать обжигающую боль от пули, разрывающей меня.

– Еще один поворот. Вперед.

Я резко поворачиваю голову в сторону голоса.

На корточках рядом со мной в темноте сидит девушка в черной шапке, натянутой низко на голову. На ее губах черная помада, взгляд серых и холодных как сталь глаз направлен в сторону темных силуэтов. В ее руке пистолет, а на запястье черный наручник. На мгновение мне кажется, что наручник настоящий, но потом по нему проходит виртуальная рябь голубого света. Незнакомка так легко балансирует на ногах, что, кажется, сейчас улетит, а выражение ее лица не выдает ни малейшего намека на беспокойство.

Секунду назад возле меня никого не было. Такое впечатление, что она материализовалась из воздуха. Ее взгляд переключается на меня.

– Вперед.

Ее приказ щелкает как хлыст.

В этот раз я не колеблюсь, а бросаюсь вниз по улице. Она мгновенно встает и начинает приближаться к одному из моих убийц в капюшоне. Девушка идет так спокойно, что становится жутко – даже когда атакующий поднимает руку, чтобы выстрелить в нее, она не останавливается. Убийца стреляет в незнакомку, но она успевает увернуться от пули и поднять свой пистолет. Она стреляет в наемника, ее движения кажутся быстрыми и плавными. Я добираюсь до поворота и оборачиваюсь

в тот самый момент, когда пуля попадает ассасину в плечо, сбивая того с ног, и он падает назад.

Кто, черт возьми, эта девушка?

Ноль ничего не говорил о том, что с ним кто-то работает – возможно, она вообще с ним не связана. Скорее всего, девушка преследует ту же цель и сейчас просто пытается сбить меня с толку, притворяясь моей спасительницей.

Я уже добралась до торгового центра. Я несусь мимо перепуганной толпы и спускаюсь вниз по первой же лестнице. «*Подвальный этаж*», – снова всплывают в голове слова. Вдалеке я слышу, как там, где я только что была, завывают на улице полицейские сирены. Как они смогли приехать так быстро?

А потом я вспоминаю прохожего, закричавшего и убежавшего при первом же выстреле. Если на нем были новые линзы под влиянием алгоритма, то его реакция могла заставить «НейроЛинк» связаться с полицией. Возможно ли это? Подобную опцию Хидео вполне мог добавить.

Только спустившись с лестницы и вырвавшись через аварийный выход на улицу, я понимаю, что сероглазая девушка каким-то образом уже здесь и теперь бежит рядом со мной. Она качает головой, увидев, что я открываю рот, чтобы задать вопрос.

– Нет времени. Поспеши, – лаконично приказывает она. Я просто повинуюсь.

По пути я начинаю анализировать все, что знаю об этой загадочной спасительнице. Как и я, она, судя по всему, действует под выдуманным образом, вокруг нее парят пустые профили, сбивающие с толку. Она двигается сосредоточенно, сильная и уверенная в своих действиях, и я понимаю: для нее такое не впервой.

Но чем она занимается? Помогает жертвам охотников найти безопасное укрытие или, наоборот, заманивает их на верную смерть?

Я морщусь от этой мысли. Не могу позволить себе проиграть сейчас. Если она пытается изолировать меня от других соперников-охотников, то тогда мне нужно дождаться подходящего момента и сбежать от нее.

Подвальный этаж торгового центра спроектирован как косметические корнеры в нью-йоркском торговом центре, только вот на всех витринах здесь выставляют до неприличия прекрасные десерты. Пирожные, муссы, шоколадные конфеты – все упаковано настолько аккуратно, что напоминает, скорее, не сладости, а ювелирные украшения. Свет везде приглушен, этаж уже давно закрыт. Я бегу по темным коридорам вслед за девушкой. Она подбегает к одной из витрин с пирожными и с

силой ударяет локтем по стеклу. Оно разбивается.

Над нами срабатывает сигнализация.

Довольная, девушка протягивает руку к разбитому прилавку и хватает миниатюрное пирожное моти, украшенное золотыми хлопьями. Она стряхивает кусочки стекла, прежде чем засунуть его в рот.

– Что ты делаешь? – Я пытаюсь перекричать шум.

– Расчищаю дорогу, – отвечает она с набитым десертом ртом и нетерпеливо показывает рукой на потолок. – Сигнализация отпугнет нескольких из них. – Она покрепче сжимает пистолет и поднимает другую руку, чтобы сделать несколько быстрых движений в воздухе. Перед глазами появляется приглашение.

Связаться с [не указано]?

Я секунду колеблюсь, прежде чем принять приглашение. Перед глазами появляются неоново-золотые линии, указывающие путь, который она для нас выбрала.

– Следуй по нему, если потеряешь меня, – говорит она.

– Как мне тебя называть? – спрашиваю я.

– Это сейчас так важно?

– Если кто-то нападет на меня и нас разделят, я хочу знать, кого звать на помощь.

Она поворачивается ко мне лицом и одаривает улыбкой:

– Джэкс, – отвечает она.

Краем глза мы замечаем алую фигуру, которая прячется за колонной в другом конце этажа.

Джэкс мгновенно поворачивает голову в том направлении и поднимает пистолет.

– Пригнись, – предупреждает она.

Я бросаюсь на пол, когда пистолет Джэкс выстреливает. Второй человек сразу же начинает стрелять в ответ, пули отскакивают от колонн и разбивают еще одну стеклянную витрину. В ушах звенит. Джэкс продолжает двигаться так же уверенно, как и раньше, раз за разом уходя с линии огня, взводит курок, отводит плечо и стреляет в ответ. Я бегу рядом с ней, вжав голову в плечи.

Когда мимо пролетает пуля, заставляя ее сдвинуться в сторону, она легко перебрасывает пистолет из одной руки в другую. И снова стреляет.

В этот раз ее пуля находит цель. Мы слышим вопль агонии – заглянув за прилавки, я вижу, как подсвеченная красным фигура падает. Золотая линия, указывающая нам путь, сворачивает направо, но Джэкс подходит к фигуре на полу.

Она направляет пистолет прямо на нашего преследователя и

делает один точный выстрел. Киллер дергается в конвульсиях, а потом замирает.

Все заканчивается в одно мгновение, но звук выстрела эхом раздается в голове. Словно рябь, потревожившая гладь пруда, это воспоминание снова и снова всплывает в голове. Стена забрызгана кровью, под телом растекается алая лужа. В голове преследователя зияет рана.

Желудок резко сводит. Слишком поздно пытаться что-то сделать, так что я просто падаю на колени и оставляю свой ужин на полу.

Джэкс рывком поднимает меня на ноги:

– Успокойся. Следуй за мной. – Она кивком показывает, что нужно продолжать двигаться.

Мысли снова и снова возвращаются к стене, где растекается кровь. *Она застрелила его так хладнокровно*. Видимо, привыкла к этому. Я раздумываю над тем, чтобы сбежать, но ведь Джэкс защищала меня и не паталась убить. Может быть, за мою голову назначена бо`льшая награда, если меня возьмут живьем?

Тысяча вопросов вертится на языке, но я заставляю себя идти за ней, спотыкаясь словно в тумане. Теперь кругом тишина, слышно только эхо наших шагов. Полицейские сирены и скорая помощь, должно быть, все еще на месте стрельбы, и, возможно, кто-то уже обнаружил труп, оставленный Джэкс.

Секунды тянутся как часы, но наконец мы достигаем нашего пункта назначения – места, где золотая линия заканчивается перед узким хозяйственным помещением.

Джэкс набирает пароль на дверном замке. Он мигает зеленым и с писком открывается. Джэкс жестом приглашает меня зайти внутрь.

Комната похожа на обычную подсобку, до потолка заставленную деревянными ящиками и картонными коробками. Джэкс опирается на стол и начинает перезаряжать пистолет.

– Не могу провести тебя через обычный вход, – бормочет она, не отрываясь. – Там полицейский заслон блокирует машину. Мы пойдем этим путем.

Машина. Может быть она действительно заодно с Нолем?

Я сажусь в углу и закрываю глаза. Горло словно разъедает кислота. Смертельный выстрел все еще эхом отдается в голове. Я долго прерывисто дышу и пытаюсь взять себя в руки, впившись взглядом в пистолет девушки, но мои руки продолжают дрожать, как бы крепко я ни сжимала кулаки. Собраться с мыслями не получается – с каждой попыткой они лишь больше разбегаются.

Джэкс видит, как я борюсь с собой. Она подходит и берет меня за подбородок рукой в перчатке. На моей коже остается

кровь. Я на мгновение замираю, гадая, как может она оставаться такой уверенной и спокойной, только что прострелив кому-то голову. Вдруг сейчас она свернет мне шею так же легко, как сломает веточку.

– Эй, – она встречается со мной взглядом, – ты в порядке.

Я высвобождаюсь из ее хватки.

– Я это знаю. – Мой голос все еще дрожит.

– Хорошо. – Она заводит руку за спину, вытаскивает пистолет из-за пояса и без предупреждения бросает его мне.

Я кручу оружие в руках.

– Ради бога! – вырывается у меня. Я держу пистолет перед собой двумя пальцами. – Что, черт возьми, я должна с ним делать?

– Может… стрелять, когда нужно? – предполагает она.

Я продолжаю тупо пялиться на пистолет. Она закатывает глаза, забирает оружие и снова вешает его на пояс. Затем Джэкс поднимает свой пистолет и вытаскивает старую обойму.

– Что, никогда раньше не стреляла?

– Не по-настоящему.

– Видела, как кто-то умирает?

Я покачала головой.

– Я думала, ты охотник за головами.

– Так и есть.

– Разве вы такое не делаете?

– Что, убиваем людей?

– Ага.

– Моя работа – поймать цель живой, а не продырявить ей голову. – Я смотрю, как она вставляет новую обойму в пистолет. – Сейчас мой черед спросить, что происходит. Тебя послал Ноль?

Джэкс засовывает вновь заряженный пистолет в кобуру и бросает на меня полный жалости взгляд.

– Слушай… Эмика Чен, да? Ты явно не понимаешь, во что ввязалась. – Не останавливаясь, она вытаскивает нож из ботинка и продолжает: – Ты сегодня вечером ужинала с «Всадниками Феникса», не так ли?

– Ты шпионила за мной?

– Я *наблюдала* за тобой. – Джэкс идет в другой конец подсобки и отодвигает один из ящиков. За ним спрятана неприметная дверь, которую обозначает лишь тонкий прямоугольник на стене. Джэкс аккуратно просовывает нож в узкую щель. – Прошу, скажи, что мне не нужно все объяснять.

– Давай начнем с того, что ты хотя бы расскажешь мне что, черт возьми, сейчас произошло, и пойдем дальше. – Я скрещиваю руки на груди. Так легче скрыть мою дрожь, к тому же этот

защитный жест немного успокаивает меня. Показывать этой девушке слабость – опасно.

– Я только что спасла тебя от твоих потенциальных киллеров, – говорит Джэкс, направляя в мою сторону нож. – Ноль предупредил тебя о них.

Услышав подтверждение моих догадок, я чувствую, как меня накрывает еще одна волна парализующего страха. В поисках опоры я облокачиваюсь на стену.

– Так он послал тебя за мной?

Она кивает.

– Готова биться об заклад, что некоторые их этих охотников работали вместе, судя по тому, как они спрятались по обеим сторонам улицы и в подвальном этаже. Но они будут не последними. Многие согласятся охотиться на тебя, пока в «Пиратском логове» за тебя выдают такой невероятный джекпот.

Джэкс подходит ко мне и вкладывает в мою руку металлическую деталь:

– Подержи. – Потом она направляется обратно к двери и продолжает работать.

Я не отрываясь смотрю, замерев в шоке.

– Почему меня хотят убить?

– А разве твоей связи с Хидео Танака недостаточно? – Она кряхтит, пытаясь вытащить застрявший нож. – Люди думают, что все пошло не так в этом году из-за твоего взлома игры на церемонии открытия и твоей интрижки с Хидео. По слухам, это ты сжульничала в финале – устроила бунт против того, что тебя выперли из команды. – Она пожимает плечами. – И они не ошибаются.

Сквозь удивление прорывается злость.

– Люди хотят убить меня за это?

– В мире много азартных игроков, скорее всего потерявших кучу денег из-за финала. Неважно. Некоторое время тебя будут преследовать киллеры, так что предлагаю держаться ко мне поближе. – Она выдергивает нож, просовывает его в другом месте, а потом наваливается на него своим весом.

Ноль. Впервые я услышала, что еще кто-то, кроме Хидео, признал его существование.

– Зачем он послал тебя?

Джэкс снимает черный капюшон, под которым скрывала короткие серебряные волосы, и поднимает на меня взгляд.

– Как это зачем? Чтобы спасти тебя и не дать набить твое тело пулями. Всегда пожалуйста.

По рукам и ногам пробегает дрожь. В конце концов, Ноль честно предупредил меня. Разве не так?

– Нет… то есть, что делаешь ты?

Она останавливается и смотрит на меня:

– Нужен киллер, чтобы остановить другого киллера, понимаешь?

Киллер. Это не должно меня шокировать, особенно после всего того, что Джэкс совершила на моих глазах, но внезапно я вспоминаю «Пиратское логово» в «Темном мире», где я видела, как потенциальные ассасины наблюдали за списком лотереи, терпеливые и спокойные, как сама смерть. Может Джэкс тоже была одной из них.

Я громко сглатываю.

– Значит ты работаешь на Ноля? Ты часть его команды, пытавшейся саботировать Warcross?

Она долго раздумывает, прежде чем ответить.

– Можно и так сказать. Мы оба «Черные Плащи».

«Черные Плащи».

Я хмурюсь, вспоминая все тайные группировки, с которыми я сталкивалась в «Темном мире». Есть куда более знаменитые имена – хакеры из команды «Губителей», Аноним – которых знает публика и мечтающие о славе мелкие банды.

Но название «Черные Плащи» мне незнакомо. Я не представляю, каких размеров эта организация, чем они занимаются и какова их цель. В моем мире это даже опаснее. Они здесь не ради рекламы. Они хотят нанести серьезный вред.

– Никогда раньше о них не слышала, – отвечаю я.

Джэкс снова пожимает плечами.

– А я и не ожидала. Если бы ты слышала, это было бы намного подозрительнее.

– А если я не хочу?

– О чем ты?

– Если не хочу знать больше? Если не хочу идти с тобой?

В этот раз на губах Джэкс появляется жутковатая улыбка. Внезапно я понимаю, что оказалась в ловушке в одной комнате с профессиональным убийцей.

– Тогда уходи, – говорит она, кивая в сторону двери.

Она дразнит меня, проверяет мои слова. Из чистого упрямства я бросаюсь к двери и хватаюсь за ручку, готовая распахнуть ее и выбежать тем же путем, по которому пришла. Я уже жду, когда меня пронзит обжигающая боль от пули.

– Если ты не против умереть сегодня ночью, – добавляет она как бы между прочим, за моей спиной.

Как бы я ни ненавидела себя за это, ее слова останавливают меня на месте.

– Ноль будет разочарован, потеряв тебя, – продолжает

Джэкс, – но он никогда никого не заставлял сотрудничать с нами против их воли. Уходи, и ты окажешься свободна и мертва. Это твой выбор.

По другую сторону этой двери ждут охотники, а тут киллер, утверждающий, что хочет помочь мне спастись.

Я сжимаю дверную ручку. Джэкс права. Одна я продержусь там пару секунд, когда встречусь лицом к лицу с неизвестным количеством охотников, каждый из которых хочет получить джекпот. Или я могу рискнуть и пойти с одной из «Черных Плащей», которая в любом случае спасла меня и пока что, кажется, заинтересована сохранить мою жизнь.

Стиснув зубы, я заставляю себя отпустить дверную ручку.

– Это не выбор, – говорю я, прожигая Джэкс взглядом. – И ты это знаешь.

Она пожимает плечами и продолжает ковыряться с тайной дверью.

– Я просто выполняю свою работу. Ноль ждет тебя, и он бы предпочел, чтобы ты осталась целой и невредимой. – В двери наконец раздается тихий щелчок, и Джэкс протягивает ко мне руку. – Дай мне ту штуку.

Я бросаю ей металлическую деталь, которую она отдала мне, и наблюдаю, как она засовывает ее в щель. Штука загорается зеленым. Дверь издает тихий хлопок, а потом отодвигается. За ней оказывается пыльный подземный проход, которым, судя по всему, уже давно не пользовались. Напоминает незаконченный и давно заброшенный тоннель метро. В конце него видны ступеньки, ведущие к слабому лучу света. Машина, которую упомянул Ноль, должно быть, ждет нас там.

Я остаюсь на месте.

– Куда ты меня ведешь?

Джэкс снова вытаскивает пистолет. Я подозрительно смотрю на нее.

– Ты доверяешь мне?

– Не очень.

– Ну, это ответ на мой следующий вопрос. – Потом Джэкс направляет пистолет прямо на меня и стреляет.

3

Я осознаю то, что происходит, отрывками.

Обжигающая боль в районе шеи от выстрела Джэкс. Мир вокруг меня размывается, я слышу отдаленный стук, сползая по стене. Паническая атака помогает почувствовать внезапно онемевшие конечности.

Меня отравили.

Эта мысль прорывается через туман, в котором утопает мой разум. Я поднимаю взгляд и вижу, как подходит Джэкс. *Что ты со мной сделала?* Я пытаюсь потребовать объяснений, но меня не покидает ощущение, что все мое тело теперь сделано из резины. Будучи в сознании, я понимаю, что упала на бок и теперь лежу на полу, уставившись на ботинки Джэкс. Мое сердце колотится так сильно, что этот стук барабаном отдается в ушах.

Мне это снится?

Нет, я не сплю. Я вижу, что происходит вокруг меня, даже несмотря на то, что мы в тускло освещенном тоннеле.

Следующее, что я помню – ощущение, что Джэкс перекидывает мою руку через плечо. Она тащит меня через тоннель в сторону черного такси. Я пытаюсь сосредоточиться на символе четырехлистного клевера на светящихся шашечках. Слабый запах новой кожи заполняет воздух. Джэкс опускает на меня взгляд. Ее лицо перед моими глазами будто плавает в тумане.

– С тобой все будет хорошо, – спокойно говорит она. – Завтра ты не будешь этого помнить.

Моя голова слегка наклоняется набок, когда машина трогается с места, грохоча по недостроенным рельсам тоннеля. Слабые лучи освещают отдельные участки темного прохода – вспышка серого, потом черного, потом снова серого на обивке сидений. Я пытаюсь запомнить наш маршрут. Сердце бьется неровно, безумно.

Могу я записать Воспоминание? Я пытаюсь вызвать меню, пытаюсь отправить Хэмми или Рошану – кому угодно – приглашение связаться со мной но мой мозг парализован, чтобы сделать это. *Помогите мне.* Напрасно я пытаюсь отправить сообщение. *Помогите*. Мне хочется выкрикнуть имя Джэкс, когда я смотрю на нее, но у меня по-прежнему такое чувство, что я бреду сквозь воздух, а мой язык опух и не слушается меня.

Мой уровень меняется, когда мы выезжаем из тоннеля в ночь. Теперь вокруг нас по обеим сторонам улицы поднимаются офисные здания, словно лес вдоль тропинки. Они зловеще

возвышаются над нами, словно живые существа.

Добро пожаловать в район Омотэсандо!
+150 Очков. Дневной счет: +150
Вы подняли свой уровень!

Моя решимость мгновенно исчезает, когда я замечаю, что цвета на небе изменились. В отличие от Синдзюку, где повсюду встречались алые и золотые цвета «Всадников Феникса», любимая команда Омотэсандо – «Зимние Драконы», поэтому здесь полотно окрашено оранжево-голубым. Фонарные столбы пестрят яркими баннерами, над которыми парят виртуальные версии игроков «Драконов».

Джэкс наклоняется надо мной, чтобы проверить мое состояние. Она едва смотрит на проходящие торжества, а если и поднимает взгляд, то без особого интереса. Я пытаюсь сконцентрироваться на ней, но мои мысли погружаются в темноту.

В моих кошмарах полно лиц. Здесь на меня мрачно смотрит Джэкс, когда наставляет пистолет на киллера и всаживает пулю ему в череп. Здесь и Хидео, чей голос шепчет мне на ухо мое имя, его брови хмурятся, а волосы касаются меня, когда он наклоняется.

Также здесь Ноль. Загадка. Я вижу его в знакомой мне форме: черные доспехи отражают красный свет, окружающий его, черты лица полностью скрыты за черным шлемом. Ноль сидит напротив меня, сцепив пальцы вместе, и говорит мне бежать.

Не знаю, как долго мы едем в такси, прежде чем машина наконец останавливается за каким-то зданием.

Джэкс открывает дверцу и помогает мне вылезти. Я слабо поворачиваюсь к ней, пытаясь передвигать ноги, но едва чувствую тротуар под собой. Джэкс обхватывает меня за талию, удерживая на ногах и говорит что-то людям, стоящим у раздвижных стеклянных дверей здания, похожего на отель.

– Слишком веселая вечеринка, – объясняет она нараспев охраннику у входа. Мне хочется крикнуть, что она лжет, но все мои силы уходят на то, чтобы стоять прямо. Мир перед глазами вращается.

Помни это. Помни это. Но даже сама мысль ускользает из моего разума, едва появившись. Перед глазами все плывет, и чем сильнее я с этим сражаюсь, тем темнее вокруг становится. В итоге я пытаюсь сосредоточиться на Джэкс. Она проводит рукой по волосам и бросает на меня равнодушный взгляд.

Сначала мы внутри лифта, теперь в коридоре. Когда я снова начинаю проваливаться в темноту, то слышу, как Джэкс

объявляет о нашем прибытии:

– Скажите Нолю, что она здесь.

4

ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ ДО ЦЕРЕМОНИИ ЗАКРЫТИЯ WARCROSS

Тьма. Два голоса.

– Она должна была очнуться к полудню. Ты всадила ей слишком большую дозу.

– Я думала, она с ней справится.

– Тогда пусть спит.

Слабый свет, падающий на лицо, заставляет меня зажмуриться.

Я переворачиваюсь на кровати и сворачиваюсь клубочком. Где я? В голове проносится поток изображений – ярче и в тоже время туманнее, чем сны – не могу объяснить, что это. Я нахмуриваюсь.

Там было такси? Черная машина. Недостроенный тоннель метро. Район, украшенный цветами другой команды. В голове пульсирует боль. Я лежу еще некоторое время, пытаясь побороть ее. Наконец понимаю, что снова могу нормально дышать, и открываю глаза, постепенно привыкая к оранжевому свету раннего утра, который падает на простыни, и комната понемногу обретает очертания.

Нет, стойте, это не утренний свет. Сейчас закат.

Я моргаю, потеряв ориентацию в пространстве. Я лежу в кровати в роскошном номере отеля с серо-белыми полосатыми обоями и несколькими незамысловатыми картинами на стенах.

Волна воспоминаний накрывает меня. Киллеры. Подземный тоннель. Джэкс, склонившаяся над моим преследователем. Выстрел.

Черные Плащи.

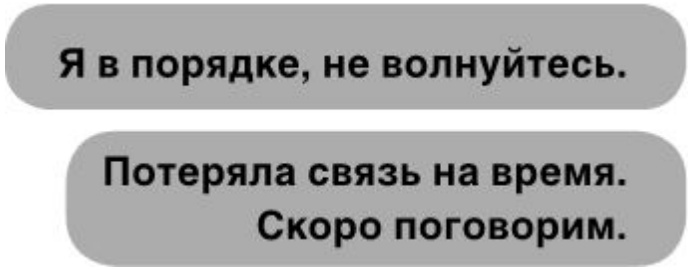
А потом… Последнее, что я помню, как Джэкс направила пистолет прямо на меня.

Она ввела мне какой-то наркотик. В этом я уверена. Возможно, она сделала это, чтобы убедиться, что я не запомню, куда и по какой дороге мы ехали – но вот теперь я здесь, лежу в незнакомой комнате с провалами в памяти.

Я резко сажусь на кровати. Я в той же одежде, что и прошлой ночью. Проверяю, нет ли травм, но за исключением синяков и боли в шее, я в порядке. Страх рождает во мне плохое предчувствие, стесняет грудь. Я смотрю, как слабый свет проникает сквозь окно.

Через мгновение понимаю, что у меня десяток непрочитанных сообщений от «Всадников», каждое последующее еще более отчаянное, чем предыдущее. Как долго меня не было,

если они так заволновались? Слышали ли они про выстрелы недалеко от места, где мы ужинали? Должно быть, все уже показали по новостям, если только Хидео не может каким-то образом это контролировать. Я колеблюсь, гадая, стоит ли рассказывать друзьям, что действительно случилось, а потом быстро рассылаю успокаивающие ответы.



Добравшись до последнего непрочитанного сообщения, я замираю. Это приглашение, рядом с которым мигает картинка профиля, подсвеченного мягким зеленым цветом.

Хидео звонит мне. Просит связаться с ним по «Линк».

Сердце подпрыгивает в горле.

Чего он хочет? Знает ли он, что со мной случилось, даже несмотря на то, что я использую бета-линзы? Я быстро осматриваю комнату – не идет ли запись – но на потолке камер нет.

Не отвечай.

Я знаю, что не должна.

Но все равно поднимаю голову, протягиваю руку и нажимаю на приглашение перед глазами. И сразу же об этом жалею. Возможно, наркотик, который мне ввела Джэкс, повредил мои тормозные рефлексы и рассудок. Но уже слишком поздно. Он не появляется сразу, но по только что сформированной связи я чувствую поток его эмоций.

Срочность и страх.

Эмика.

Я снова вздрагиваю. Голос Хидео раздается в моей голове – это его телепатическое изобретение. Я уже должна была привыкнуть, но даже спустя пару недель его голос бьет по мне так же, как и в первый раз, когда мы говорили по телефону. Я щурюсь, злясь скорее на себя, чем на него.

Зачем ты мне звонишь? – спрашиваю я.

Это ты позвонила мне.

Его ответ застает меня врасплох. Звонила? Должно быть, это случилось, когда я находилась под действием наркотика – возможно, неосознанная реакция. Теперь я слабо вспоминаю, что

отчаянно пыталась позвать на помощь. И, очевидно, решила позвонить Хидео.

Я морщусь. Почему мне не пришло в голову вызвать Хэмми или Рошана вместо него? Любого из «Всадников»? Почему моим инстинктивным выбором был Хидео?

Ну, это случайность, – отвечаю я.

Где ты? Я чувствовал панику, исходящую от тебя. Ты просила о помощи, а потом оборвала связь.

Слышать голос Хидео в моей голове настолько невыносимо, что мне хочется сейчас же прервать звонок. А потом я вспоминаю, что он чувствует мои эмоции. Он знает, что я ощущаю укол тревоги, а затем – замешательство. Имя его брата вертится на кончике языка, я уже готова рассказать Хидео о нем. Мысли бьются в голове с такой силой, что я почти посылаю их ему, но потом с огромным усилием прогоняю прочь.

Я в порядке.

Ты в порядке?

В его голосе звучит сомнение, когда он повторяет мне мои же слова.

Еще одна пауза с его стороны, и мгновение спустя окружающее меня пространство меняется. Я оказываюсь на белом диване на открытой террасе, с которой можно любоваться сумерками и сверкающими огнями города. Балкон освещает круглый каменный очаг. Где бы я ни была, это точно не дом Хидео и не Henka Games. Это поместье с видом на город, который я не узнаю, – самое роскошное место из всех, что я видела в своей жизни. Колонны в стиле барокко уходят в небеса, а легкие занавески развеваются по обеим сторонам выхода на балкон. Аккуратно подстриженные кусты обрамляют участок. Где-то вдалеке слышится шум голосов, звон бокалов и звуки вечеринки.

Хидео стоит на открытой террасе, облокотившись на каменные перила. Тусклый свет очерчивает его силуэт.

Мой сон. Его руки на мне. Его губы на моей коже.

Напрасно я пытаюсь подавить вспыхнувший на щеках румянец.

Через мгновение замечаю рядом с ним молодую женщину. Я ее не узнаю, но в темноте вижу, что она в узком блестящем платье, ее длинные волосы спадают волнами ниже плеч. Она прислоняется к Хидео, проводит рукой по его ладони и с улыбкой шепчет что-то ему на ухо.

Чувство горечи жаром проносится по моим венам прежде, чем мне удается подавить его. Кто это и почему она заигрывает с Хидео?

И какая, черт возьми, разница? Я все равно разорвала наши

отношения. Разве удивительно, что кто-то уже пытается привлечь его внимание?

Хидео не наклоняется к ней. Вместо этого его лицо озаряется той улыбкой, которую я так хорошо знаю, потом он что-то бормочет, и девушка убирает руку, награждает его улыбкой в ответ, а потом уходит с балкона. Ее шпильки ритмично стучат по плитам пола.

Хидео обращает внимание на меня, даже не глядя вслед прекрасной незнакомки. Он не похож на того, кто способен контролировать головы почти всех жителей планеты. Он не похож на причину, по которой мы можем потерять свободу мыслей. Прямо сейчас передо мной человек из плоти и крови, в которого я влюбилась. Он, такой до боли знакомый, смотрит на меня, словно увидел впервые.

Вспышка ревности проходит по связи от него ко мне, и я понимаю: ему кажется, что я в постели другого. Я позволяю себе насладиться этим крошечным моментом удовольствия.

– Где ты сейчас? – спрашиваю я.

Он оглядывается на сверкающий за его спиной город:

– Сингапур, – отвечает он. – У меня тут финансовые дела, требующие моего внимания.

Финансовые дела, миллиардные соглашения. Возможно, он ожидает, что я прокомментирую вечеринку или девушку, которая только что ушла, но этого удовольствия я ему не доставлю.

– Ну, – говорю я насмешливо, – ты вроде в порядке.

– Что с тобой произошло?

Слова Хидео холодные и далекие, но поток его эмоций наполняет мой разум. Радость при виде меня. Злость. Раздражение. Страх за меня.

Мне хочется сказать ему, что я по нему скучаю, что он снится мне каждую ночь, что я не могу отвернуться от него даже сейчас.

Но потом я возвращаюсь в реальность и вспыхиваю.

– Ничего. Я как раз собиралась оборвать связь.

Он делает шаг ко мне, теперь мы стоим в паре дюймов друг от друга.

– Тогда почему ты все еще здесь? – спрашивает он.

Уже давно я не слышала лед в его голосе – таким тоном он разговаривает с незнакомцами. Это задевает меня сильнее, чем я предполагала.

– Ты не имеешь права на меня злиться.

– Я и не злюсь. Просто не хочу тебя видеть. Разве ты не хочешь того же?

– Больше, чем можешь себе представить, – огрызаюсь я.

– Ты теперь охотишься на меня, да? – бормочет он. Внезапно

в его эмоциях проскальзывает сомнение, напоминание о стене, которая нас разделяет. Он косится на меня. – Вот почему ты связалась со мной, да? Это все подстроено? Ты лгала, что тебе нужна помощь? Это часть охоты?

– Ты подозреваешь меня? Напомнить, что творишь ты?

– Просвети меня, – холодно говорит Хидео.

– Серьезно? Ты наверняка слышал о длинных очередях в полицейские участки, видел репортажи о людях, совершивших самоубийство. Тебя ничего не волнует?

– Осужденные секс-торговцы совершают самоубийства. Оставшиеся на свободе убийцы сдаются. Количество сообщений о новых преступлениях резко сократилось за последнюю неделю. – Глаза Хидео холодные и неподвижные. – А в чем ты пытаешься меня убедить?

Он путает меня, и это только злит еще больше.

– Ты не должен обладать такой властью.

– Алгоритм беспристрастен.

– Ты предал меня. Заставил думать, что я работаю с тобой, чтобы сделать что-то хорошее.

– Так вот из-за чего ты злишься. Не из-за алгоритма. А из-за этого. – Хидео на мгновение закрывает глаза и снова их открывает. – Ты права. Нужно было сказать тебе раньше, и мне жаль. Но ты знаешь, почему я это делаю, Эмика. Я открыл тебе свое сердце.

– Это был твой выбор, не мой, – отрезаю я. – Такое впечатление, что это *я* тебе что-то должна.

– Ты так думаешь? – Его голос становится резким. Предупреждающим. – Что я воспользуюсь своим прошлым как наживкой, потому что на самом деле мне что-то нужно от тебя?

– А разве не так? – хрипло спрашиваю я. – Зачем тогда ты мне открылся? Я просто очередной охотник за головами в твоем списке. Еще одна девушка, проходящая через твою жизнь.

– Я никогда никому не рассказывал о своем прошлом, – огрызается Хидео в ответ. – Ты это знаешь.

– Как я могу теперь верить твоим словам? Возможно, ты рассказываешь про то, что случилось с твоим братом, каждой девушке, которую хочешь затащить в свой горячий источник.

Как только слова срываются с моих губ, я понимаю, что зашла слишком далеко. Хидео отшатывается. Я убеждаю себя, что не должна чувствовать себя виноватой, выплюнув это ему в лицо.

– Разговор окончен, – говорит он тихим голосом. – Советую тебе больше не тратить наше время и не связываться со мной.

Он обрывает звонок, прежде чем я успеваю ответить.

Номер, сверкающие огни города и сине-черный силуэт Хидео

внезапно исчезают, а белый диван, на котором я лежала, снова превращается в шелковые простыни моей кровати. Я понимаю, что вся дрожу, мой лоб горячий и мокрый от пота.

Вспышка ярости уходит так же быстро, как и появилась. Я опускаю плечи.

Не нужно было говорить этого. Но когда я злюсь, то больше всего хочу ударить по самой глубокой ране, которую могу найти. И это теперь не должно иметь значения, разве нет? Если чужой тон, которым говорил Хидео, причиняет боль, то только потому, что я к нему не привыкла. Потому, что слишком истощена. Слишком много событий произошло за день, и после недолгого разговора с Хидео я внезапно чувствую себя такой измотанной, что мне хочется лишь упасть в постель и раствориться в ней.

Я встряхиваю головой, а потом направляюсь в ванную. В зеркале сбоку под горлом я вижу темный синяк. Должно быть, именно сюда Джэкс выстрелила наркотиком. Я осторожно потираю больное место, а потом иду в душ.

Пар от горячей воды немного прочищает голову. Возможно, я была дурой, думая, что могу заставить Хидео свернуть с намеченного пути. Мой разговор с ним лишь подтвердил, что он совсем не хочет идти на компромисс. Его не беспокоит, что происходит в мире, а значит, он будет двигаться только вперед. Ему нужно убедиться, что и последние два процента населения попадут под контроль алгоритма.

Вскоре попаду и я.

Мне нужно остановить Хидео. Пока он не зашел слишком далеко. Я долго пытаюсь убедить себя, повторяя эти слова, пока подушечки пальцев не сморщиваются от воды.

Выйдя из душа, ощущаю, что действие наркотика, кажется, закончилось. Я снова бдительна и осторожна, туман паники развеялся. Завернутая в полотенце, я захожу в спальню и вызываю меню. Я выясняю, что нахожусь в отеле в Омотэсандо, но это все, что мне удается узнать. Ничего в моем номере или в этом здании не дает подсказок о «Черных Плащах». Не то чтобы я ожидала этого.

Проходит час, прежде чем я наконец получаю приглашение связаться с кем-то, кого нет у меня в контактах.

Приглашение включается само, прежде чем я успеваю принять его. Я замираю, прижимая к себе полотенце. Кто-то взломал мой «НейроЛинк»?

– Ты проснулась.

Я узнаю голос Джэкс и испытываю странную смесь облегчения и замешательства от ее слов.

– Ты наблюдаешь за мной?

– Я увидела, как твой статус стал зеленым. – Она так же немногословна, как я и запомнила.

– И где я, если поточнее?

– В отеле, конечно же. Лучше тебе остаться тут на какое-то время, по крайней мере, пока не перестанешь возглавлять список лотереи.

– Зачем ты отравила меня вчера?

– Два дня назад. Ты проспала целый день.

Я потеряла целый день? Я моргаю. Так это не закат после той ночи, когда Джэкс пришла за мной? Неудивительно, что «Всадники» так запереживали.

– Зачем ты это сделала, Джэкс? – снова спрашиваю я. После спора с Хидео я не в настроении ходить вокруг да около.

– Расслабься. Мне нужно было доставить тебя сюда, не вызывая суматохи. Ты сказала, что не полностью доверяешь мне, так что я не могла исключить возможности, что ты нападешь на меня в машине. Я могла бы накинуть тебе на голову мешок, но не хотела испугать.

– Ведь я совсем не перепугалась, когда ты в меня выстрелила, – удивляюсь я.

Джэкс утомленно вздыхает:

– Ты в порядке. Теперь иди одевайся.

– Зачем?

– Потому что Ноль уже поднимается, чтобы встретиться с тобой.

Это останавливает мои саркастические комментарии. Мысль о том, что Ноль зайдет в мой номер, вызывает во мне приступ страха, и прежде, чем Джэкс успевает сказать еще хоть слово, я бегу в ванную.

– Я быстро, – бормочу я.

В шкафу я нахожу аккуратно сложенную одежду, которая буквально хрустит от новизны. Мне она будет немного великовата. Увидев себя в зеркале полностью в черном, вдруг осознаю, каким незнакомым все кажется прямо сейчас, как глубоко я попала в осиное гнездо и насколько велика вероятность, что из него уже не вылезти, и быстро отворачиваюсь. Жаль, что мой старый наряд запачкан кровью и пропах порохом.

Разглаживая новую рубашку, я слышу тихий стук в дверь и напрягаюсь.

– Войдите, – говорю я, испытывая странное ощущение от того, что даю разрешение войти, когда сама нахожусь здесь против своей воли.

Дверь моего номера открывается и закрывается, я слышу тихий звук шагов по ковру. Он здесь. Я делаю еще один глубокий

вдох. Сердце никак не перестанет колотиться, но, по крайней мере, мое лицо выражает спокойствие.

Я шагаю к человеку, который уже сел на стул у окна и ждет меня.

5

Если быть точнее, их трое.

Джэкс стоит у стула, небрежно положив руку на рукоятку пистолета. Она кажется расслабленной, но ее серые глаза следят за мной, не мигая, и я знаю, что если бы она захотела, то могла бы выхватить пистолет и убить меня, прежде чем я успею открыть рот.

На стуле рядом с ней сидит женщина постарше, в очках. Ее волосы с серебряными прядями убраны в аккуратный пучок под стать опрятному костюму. От нее исходит легкий приятный запах духов. Женщина чем-то похожа на ученого; внимательные глаза, строгие поджатые губы, пристальный анализирующий взгляд, сложенные на коленях руки. Она сочувствующе улыбается, когда замечает, что я разглядываю ее.

Но именно третий человек, присутствие которого ощущается в комнате сильнее всего, заставляет меня замереть на месте.

Он облокотился о стену, руки непринужденно сложены на груди, ноги скрещены; его лицо больше не скрывает черный шлем, а вместо доспехов на нем простой черный свитер, черные брюки и отполированные туфли. Но его манерность осталась неизменной.

Уголок его рта приподнимается в улыбке.

– Эмика, – говорит Ноль. – Добро пожаловать.

Когда наши пути с Нолем впервые пересеклись, он был лишь частью кода, ошибкой в матрице Хидео, управляющей Warcross. Когда я впервые увидела его виртуальную версию, он стоял посреди «Пиратского логова» в «Темном мире» в окружении людей, прячущихся за ложными именами и гротескными аватарами монстров.

Даже тогда он выделялся на их фоне. Он был худой, темной тенью в доспехах, тихий и суровый как ночь. Я до сих пор помню, какой холод пронзил меня, когда я только увидела его виртуальную фигуру, – руки сжались в кулаки так, что ногти впились в ладони.

Теперь я рассматривала его открытое лицо. Все равно что видеть Хидео во сне. Он младше на пару лет, его черты более резкие и суровые. Но все же я сразу отмечаю между братьями сходство – темные блестящие глаза и волосы – и легко могу узнать маленького мальчика из восстановленного Воспоминания Хидео.

В более привычной обстановке после обычного дня он, наверное, показался бы красивым незнакомцем, которого можно

встретить на улице. Такому парню легко было бы завести девушку или друзей, он из тех, кто говорит мало, но легко приковывает к себе всеобщее внимание, когда решает что-то сказать. Было в нем и что-то пугающее, но что именно, я пока не поняла. У Хидео пронзительный взгляд, а в глазах Сасукэ таится что-то глубокое, дикое и лишенное чувств. Менее человечное. Не знаю, как описать его необычный свет. Он привлекает меня и в тоже время отталкивает.

Женщина начинает разговор. Мягким взглядом она осматривает меня с головы до ног.

– Так это и есть та девочка? – спрашивает она Ноля с акцентом, который у меня не получается определить.

– Эмика Чен, – отвечает Ноль.

– Эмика Чен. – Женщина подпирает подбородок рукой и хмурится. – Она выглядит уставшей. Нужно было дать ей еще один день на отдых.

– Мы не можем позволить себе такую роскошь, – говорит Ноль. – Она единственная из охотников за головами Хидео, которой удалось не сбиться со следа. Она справится.

Женщина бросает на меня беспомощный взгляд.

– Мне жаль, – обращается она напрямую ко мне. – Все обретет бо`льший смысл, когда мы объясним.

Ноль едва заметно кивает в ее сторону.

– Это доктор Дана Тейлор, – говорит он. – И ты уже знаешь, кто я. – Он изучает мое лицо. – Джэкс говорит, ты доставила ей кое-какие неприятности.

Ко мне наконец возвращается голос:

– Но разве не она убила человека на моих глазах?

– Да ладно, – бормочет Джэкс. – У нее вообще нет опыта. Ты знал, что она ни разу не стреляла из пистолета?

– Я стреляла из электрошокеров, – говорю я.

Джэкс указывает на меня рукой.

– Видишь?

– Когда ты рядом, ей не нужен пистолет, – отвечает Ноль.

Джэкс раздраженно фыркает, но ничего не отвечает.

Ноль осматривает меня так же, как и в «Темном мире». Мое сердцебиение учащается под его взглядом. Насколько я понимаю, он сканирует все мои данные, проверяя, не послала ли я кому-нибудь сигнал последовать сюда за мной.

Помнит ли он своего брата? Как мог он забыть… или, что хуже, не беспокоиться о нем?

– Я послал ее спасти твою жизнь, – говорит Ноль.

Я поворачиваю голову, чтобы встретиться с ним взглядом, и во мне вновь вспыхивает злость.

– Ты заставил меня прийти сюда под страхом смерти.

Ноль переводит взгляд на черную дверь, через которую я вошла, а потом снова на меня.

– Ты приняла мое приглашение.

– И откуда мне знать, что это не ты подослал тех киллеров ко мне, просто чтобы устроить эту встречу?

– Думаешь, мне больше нечем заняться, кроме как связываться с тобой?

– Я думаю, что ты играешь со мной в те игры, в которые не следовало бы.

Доктор Тейлор хмурится, глядя на Ноля, затем глубоко вздыхает и смотрит на меня:

– Мы рады, что ты в безопасности, Эмика, – продолжает она мягким голосом. – Возможно, ты раньше не слышала о Джэкс, но она хорошо известна в наших кругах. То, что она защищала тебя, станет ясным посланием всем охотникам, которые следят за лотереей убийств, что нужно держаться от тебя подальше.

Я бросаю взгляд на дверь. Даже узнав это, я не чувствую себя в бо`льшей безопасности. Если бы я посмела повернуться к Нолю спиной и выйти из номера, всадила бы Джэкс пулю мне в голову?

Ноль указывает на мои глаза.

– Полагаю, ты используешь бета-линзы.

– Да, – отвечаю. – А что?

– Тебе понадобится дополнительная защита аккаунта. – Ноль едва заметно взмахивает рукой, и между нами появляется меню, предлагающее мне принять приглашение.

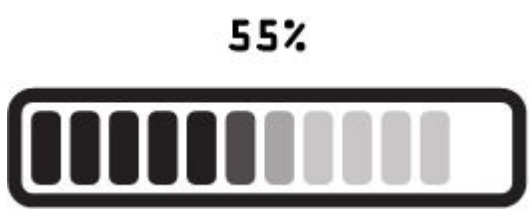
Я колеблюсь.

Ноль одаривает меня кривой улыбкой.

– Это не вирус, – успокаивает он.

Я не в том положении, чтобы спорить с ним, так что принимаю приглашение.

Появляется индикатор загрузки.



Он полностью загружается и исчезает так же быстро, как и появился.

Ноль делает шаг ко мне и протягивает руку.

Я смотрю, как на его ладони появляется черный виртуальный наручник. Потом он кладет руку на мою, и наручник

защелкивается вокруг моего запястья. Как оковы. А на моем теле в одно мгновение застегиваются черные доспехи, и теперь я выгляжу как тогда, в красной виртуальной пещере, когда Ноль впервые связался со мной во время чемпионата.

Доспехи снова исчезают, растворяясь прямо в моей коже. Наручник мерцает мягким голубым светом и вдруг тоже исчезает. Затем снова появляется, только когда я долго смотрю на запястье. Я видела такой же на Джэкс, когда мы впервые встретились.

– Это метка «Черных Плащей», – объясняет Ноль. – Теперь ты под нашим присмотром. Никто другой к тебе не прикоснется.

Он официально объявил, что я принадлежу «Черным Плащам». Теперь я в их команде.

Я потираю наручник. Хоть он и виртуальный, я практически ощущаю, как он прожигает меня.

– Так кто вы все такие? Мстители?

Ноль снова прислоняется к стене.

– Звучит слишком громко. Но думаю, подходит.

Тейлор переводит на меня спокойный взгляд.

– Мы считаем, что сосредоточение слишком большой власти в руках одного человека всегда опасно, и боремся с этим, когда и где можем. Нас поддерживают богатые патроны.

Я жду, когда она расскажет, кто эти патроны, но она молчит. Я неуверенно перевожу взгляд на Ноля.

– Сколько вас?

– Наше количество меняется в зависимости от того, что мы делаем, – отвечает он. – Мы приводим тех, кто нам нужен, и расстаемся, когда заканчиваем дело, но естественно, есть несколько постоянных членов команды. И как ты знаешь, сейчас наша цель – Хидео Танака и его «НейроЛинк».

Так я не ошибалась. С тех пор как Хидео нанял меня, я знала, что кто-то скрывается в тенях, пытается помешать его работе и угрожает его жизни. Но одно дело подозревать об этом, а совсем другое – услышать тому подтверждение.

Мой взгляд возвращается к Джэкс.

– Покушение на Хидео, – я пытаюсь контролировать свой голос, – сразу же после первой игры Warcross. Это была…

Джэкс прерывает меня взглядом холодных серых глаз, прежде чем мне удается закончить предложение. Она пожимает плечами.

– Мне бы все удалось, если бы у него не оказалась такая хорошая охрана, – отвечает она. – В любом случае теперь это неважно. Его смерть не отключит алгоритм.

Джэкс была той, кто пытался убить Хидео. Я перевожу взгляд на Ноля, надеясь увидеть, что он пришел в такой же ужас, как и я. Но он остается спокойным и собранным. Словно Хидео для него –

всего лишь имя.

– Давай поговорим о наших общих целях, Эмика, – говорит Ноль. – Потому что мы хотим одного и того же, не так ли?

Я смотрю на него, пытаясь говорить спокойно.

– Отключить алгоритм «НейроЛинка».

Ноль одобрительно кивает.

– И ты знаешь, что нам нужно для этого сделать?

Из моего рта вырываются слова, холодные и расчетливые:

– Попасть в аккаунт Хидео.

– Да. Через кого-то, кто способен завоевать такое доверие. Через тебя.

Им нужно, чтобы кто-то попал в систему Хидео, а для этого необходимо влезть в его голову. Но после нашего разговора я стану последним человеком, кому он захочет довериться.

А как насчет самого Ноля? Не лучше ли использовать Сасукэ, чем меня?

Миллион вопросов готов сорваться с моих губ. На свету глаза Ноля темно-карие, с тоненькими золотыми полосками. В моей голове всплывает видение: Ноль – маленький мальчик, он звонко смеется, когда бежит через парк с братом. Я вспоминаю, как он улыбался, когда Хидео завязывал ему шарф, и как он пошел забрать пластиковое яйцо, которое Хидео забросил слишком далеко.

Сасукэ – единственная связь с Хидео, которая нужна «Черным Плащам». Если он обратится к Хидео, тот отдаст весь мир за потерянного брата и свернет горы, если Сасукэ попросит.

Но готов ли Сасукэ сделать то же самое в ответ? Почему в его глазах нет никаких чувств к брату?

Я сдерживаю лавину вопросов в голове. Они рассказали мне слишком мало о «Черных Плащах», и повисшее в воздухе напряжение подсказывает мне, что пока напрямую спрашивать о связи Ноля с Хидео не стоит. Мне нужно подождать, пока я останусь с ним наедине.

– Так вы пытаетесь остановить Хидео по доброте душевной? – спрашиваю я.

– Зачем еще нам это делать?

Я пожимаю плечами.

– Не знаю. Вы ничего особо не рассказывали о вашей тайной группе. Зачем вы пытались убить меня, когда взорвали общежитие «Всадников»? Это тоже было из лучших побуждений?

Ноля, кажется, совершенно не удивляет мое замечание.

– Иногда, чтобы сделать все правильно, приходится принимать тяжелые решения.

– И откуда мне знать, что вы не примете еще одно тяжелое

решение относительно меня?

– Ты мне не веришь?

– Нет, не верю, что ты рассказываешь все.

Тейлор внезапно выпрямляется.

– Ты однажды попала в тюрьму, ведь так? – говорит она. – Заработала красную отметку на своем деле, потому что увидела, как несправедливо обошлись с девушкой, которую ты едва знала.

От ее слов я сжимаю челюсти.

– Вы вынюхивали информацию обо мне.

Тейлор игнорирует мой резкий тон, ее глаза блестят.

– Зачем ты это сделала, Эмика? Что ты получила взамен, кроме сложных лет жизни? Что повело тебя по той дороге? Ты воспользовалась своими талантами, чтобы взломать частные файлы своих одноклассников. Ты выставила эти данные в интернет. Это преступление, разве нет? И несмотря ни на что, ты все равно так сделала, потому что защищала девушку, которой навредили.

На меня нахлынули воспоминания – арест, суд, приговор.

– Ты еще очень молода, – продолжает она. – Неужели так сложно поверить, что кто-то еще хочет поступить так же? Попытайся вспомнить, что ты чувствовала в тот момент, а потом представь, что есть группа людей, каждый из которых верит в высшую цель.

Я молчу. Тейлор наклоняется ко мне.

– Я знаю, что ты сомневаешься, – мягко говорит она. – Вижу по лицу, что ты не веришь моим словам, и понимаю, почему. Наше знакомство прошло не очень хорошо. – Она изгибает бровь и смотрит в сторону Ноля. – Но теперь ты в курсе настоящих планов Хидео. И хотя ты знаешь о нас совсем мало, мы на одной стороне и не хотим навредить союзнику. Никто не будет тебя заставлять. – Ее голос становится суровее, что не соответствует выражению лица. – Ничто и никогда не пугало меня так, как манипуляции Хидео Танака с алгоритмом «НейроЛинк». Разве не поэтому ты разорвала с ним все отношения, даже несмотря на то, что он мог тебе дать?

Она намекает на мои краткосрочные отношения с Хидео, и, к моему раздражению, я краснею. Интересно, что еще она обо мне знает? Я снова перевожу взгляд на Ноля.

Внезапная волна ярости накрывает меня. Я вспоминаю, как Ноль стоял в темном коридоре, скрытый под виртуальными доспехами, и насмехался надо мной, когда я обнаружила, что мои файлы стерли. Меня охватывает то же ощущение, что и тогда, и от него по коже бегут мурашки: Ноль в моей голове, крадет самые драгоценные Воспоминания.

Он предавал меня раньше, а теперь просит помочь ему.

– Почему я должна тебе верить? – спрашиваю я. – После всего, что ты сделал?

Взгляд Ноля пронзает меня.

– Неважно, веришь ты мне или нет. Хидео все равно двигается вперед, а наше время на исходе. Мы должны не дать ему использовать «НейроЛинк» во зло и с твоей помощью добьемся этого быстрее. Вот все, что я могу тебе рассказать.

Я вспоминаю цветные карты разумов, которые мне показывал Хидео, как можно остановить кого-то, просто сместив карту. Я думаю о жуткой пустоте на лицах людей.

– Итак, – Ноль сплетает пальцы, – ты с нами?

Я готова отказать ему. Он вырвал душу из моей груди и растоптал ее, даже сейчас он вмешивается в мои чувства. Я хочу повернуться к Нолю спиной, выйти из номера и сделать то, что сказал Рошан – вернуться в Нью-Йорк и никогда больше об этом не вспоминать.

Но вместо этого я хмуро смотрю на Ноля:

– Что вы задумали?

6

Ноль улыбается, смотрит на Тейлор, потом на Джэкс. Тейлор поднимается со стула и подбадривающе кивает мне.

– Рада, что ты с нами, – говорит она и выходит из комнаты.

Джэкс остается на секунду дольше. Они с Нолем обмениваются взглядами, как сообщники. Затем она тоже уходит, даже не посмотрев в мою сторону.

– Я в соседней комнате, – бросает она по пути. Не могу понять, должно ли то, что она будет неподалеку, настороже, поддержать меня или, наоборот, напугать.

Дверь за ней беззвучно закрывается, и мы с Нолем остаемся наедине.

Он подходит ко мне ближе. Его, кажется, веселит мое внимание и замешательство.

– Ты всегда работала одна? – говорит он. – Тебе некомфортно работать в группе.

Странным образом его физическая внешность кажется еще более угрожающей, чем виртуальная. Я понимаю, что сжимаю кулаки, и заставляю себя расслабить руки.

– Я хорошо справлялась с «Всадниками Феникса», – отвечаю я.

Он кивает.

– И поэтому ты уже рассказала им все, что ты делаешь, да? Что сейчас ты здесь?

Я прищуриваюсь, услышав его насмешливый тон.

– А как насчет тебя?

– Что насчет меня?

– Давно ты с «Черными Плащами»? Ты их создал? Или ты никогда не был одиночкой?

Он засовывает руки в карманы – этот жест так напоминает мне Хидео, что на мгновение кажется: он здесь.

– Сколько себя помню.

Вот мой шанс. Все вопросы, вертящиеся в голове, готовы сорваться с губ. Внезапно у меня перехватывает дыхание, и я выпаливаю:

– Ты Сасукэ Танака. Разве нет?

В ответ тишина.

– Ты младший брат Хидео, – повторяю я, словно он не услышал в первый раз.

Его глаза абсолютно лишены эмоций.

– Я знаю, – говорит он.

Я моргаю, думая, что не расслышала его.

– Ты знаешь?

В его глазах снова мелькает что-то необычное, но взгляд кажется таким пустым, словно то, что я сказала, ничего для него не значит. Будто он узнал, что является родственником какого-то чужого, незнакомого человека, а вовсе не Хидео, с которым он вырос и который разрушил свою жизнь и разум, горюя по брату. Которого Сасукэ теперь пытается остановить.

– Ты… – Я замолкаю, не в силах сдержать удивление, и снова смотрю на него. – Ты брат Хидео. Как ты можешь знать это и все равно так говорить?

Снова никакого ответа. Его, кажется, совершенно не трогают мои слова. Вместо этого Ноль подходит ко мне ближе, пока нас не разделяет всего лишь фут.

– Кровная связь ничего не значит, – наконец отвечает он. – Хидео мой брат, но что важнее, он моя цель.

Моя цель. Какие жестокие и резкие слова. Я вспоминаю улыбку на юном лице Сасукэ в Воспоминании Хидео, когда те гуляли в парке, и думаю, насколько глубокие раны оставил Сасукэ в сердце Хидео и других членов семьи, когда исчез. Этого мальчика очень любили. А теперь ему все равно.

– Но… – неуверенно начинаю я, – что с тобой случилось? Ты исчез в детстве. Куда ты пошел? Почему тебя зовут Ноль?

– Джэкс не предупреждала меня, что ты такая любопытная, – отвечает он. – Думаю, поэтому ты стала хорошим охотником за головами.

То, что происходит, напоминает мне код, застрявший в бесконечной петле, повторяющийся снова и снова. А его манера держаться схожа с поведением политиков, знающих, как избежать вопроса, на который они не хотят отвечать. Такие люди переводят тему, задавая вопрос тебе.

Возможно, Ноль не хочет отвечать мне. Может, он просто не знает. Какой бы ни была причина, я ничего не вытяну из него добровольно – ничего, кроме отрывистых ответов. Я подавляю в себе желание продолжить давить на него.

Если он мне не расскажет, придется собирать информацию самой.

Так что я решаю задать другой вопрос:

– Каков твой план?

– Мы собираемся ввести вирус в алгоритм Хидео, – говорит Ноль. Он протягивает руку, и над его ладонью появляются светящиеся данные. – Как только он попадет туда, начнется цепная реакция, которая полностью удалит алгоритм и повредит сам «НейроЛинк». Но чтобы провести операцию успешно, нам нужно запустить вирус из аккаунта Хидео, из его головы. И

сделать это нужно в день церемонии закрытия, в тот самый момент, когда бета-линзы наконец свяжут с алгоритмом.

Думаю, слух об этом, все-таки правдив. Это логично: когда они подключатся к алгоритму, но еще не попадут под его воздействие, возникнет задержка на долю секунды. Это единственный шанс, когда они смогут ввести вирус – пока будет настраиваиться связь.

– И когда именно бета-линзы подсоединятся к алгоритму? – спрашиваю я.

– Прямо в начале церемонии закрытия.

Я бросаю на него косой взгляд. Откуда он столько знает о планах Хидео?

– То есть мне нужно будет забраться ему в голову, – повторяю я. – В буквальном смысле.

– Буквальнее быть не может, – кивает Ноль. – И единственный способ проникнуть в алгоритм – в его разум – это получить разрешение Хидео. Вот тут-то и нужна ты.

– Ты хочешь, чтобы я наладила отношения с Хидео.

– Я хочу, чтобы ты сделала все, что нужно.

– Он никогда на это не купится, – отвечаю я. – После нашей последней встречи, сомневаюсь, что он снова захочет меня видеть. Он итак уже подозревает, что я хочу остановить его.

– Думаю, ты недооцениваешь его чувства к тебе. – Он взмахивает рукой.

Мир вокруг нас исчезает, а потом мы оба оказывается в выпуске новостей, когда Хидео покидал мероприятие, окруженный со всех сторон беспокойными репортерами и фанатами. Это произошло два дня назад, после того, как он объявил о матче-реванше между «Всадниками Феникса» и командой «Андромеда».

Его телохранители кричат и расталкивают людей, освобождая ему проход, далеко позади него идет Кенн, который кажется бледным и расстроенным. Я никогда не видела, чтобы они так себя вели, шли так далеко друг от друга. Когда секьюрити выстраиваются в живой щит перед толпой, один из репортеров выкрикивает Хидео вопрос:

– Вы все еще встречаетесь с Эмикой Чен? Вы вместе?

Хидео никак не реагирует, по крайней мере, на первый взгляд. Но я вижу, как напрягаются его плечи, сжимаются челюсти. Его глаза все еще опущены в пол, он сосредоточенно смотрит на дорогу перед собой.

Я отворачиваюсь, но вид загнанного в угол Хидео уже запечатлелся в моем мозгу.

– Ты – его настоящая слабость, – настаиваю я, заставляя себя

сосредоточиться. – Ты же должен это знать! Хидео сделает что угодно ради тебя.

– Мы обсуждали потенциальную реакцию Хидео на меня, – беспристрастно говорит Ноль, словно рассказывает мне о погоде. – Мы не виделись десять лет – его реакция будет направлена не на меня, а на «Черных Плащей». И он будет искать мести. Так что нам нужен кто-то более незаинтересованный. Ты.

Он говорит о Хидео так, словно его брат – всего лишь цель. Когда я смотрю ему в глаза, то вижу только непроницаемую холодную темноту. Словно смотришь на человека, который им не является.

Я облокачиваюсь на стол и наклоняюсь.

– Хорошо, – решаюсь я. – Как ты предлагаешь мне это сделать?

Ноль наконец улыбается.

– Ты проникнешь в разум Хидео. И я покажу тебе, как именно.

7

– Присоединись ко мне в «Темном мире», – говорит Ноль. Он взмахивает рукой, и между нами появляется экран, приглашающий меня связаться с ним на одну сессию.

Прямая связь с Нолем. Какие мысли и эмоции я получу от него? Я колеблюсь еще мгновение, а потом принимаю приглашение. Номер отеля вокруг меня погружается в темноту, и вскоре я больше не могу разобрать лицо Ноля. Несколько секунд спустя я падаю в пропасть и задерживаю дыхание от знакомого ощущения, что я тону, которое всегда появляется у меня перед тем, как попасть в «Темный мир».

А потом он медленно материализуется.

Сначала я узнаю это место. Вода капает в выбоины на дорогах, разбросанные по улицам, образуя небольшие лужи, в которых отражаются красные неоновые вывески вдоль фасадов зданий. На них передается непрерывный поток личных данных, украденных с незащищенных аккаунтов людей, которые посмели спуститься сюда. Вдоль дороги выстроились подсвеченные гирляндой фонариков киоски со знакомыми для меня товарами – наркотиками, нелегальным оружием, обменом криптовалюты, снятыми с производства предметами Warcross и уже не выпускающейся одеждой для аватаров.

Это место должно быть мне знакомо, но я не помню ни одного здания, не узнаю ни одной улицы или вывески. Все тротуары пустынны.

– Выглядит странно, правда?

Внезапное появление Ноля рядом со мной заставляет меня подпрыгнуть. Когда я поворачиваюсь к нему, то вижу, что он снова в своих доспехах: черные металлические пластины, покрывающие его с головы до ног, мерцают алым светом. Он двигается как тень. Проходящие мимо нас анонимные пользователи, кажется, его не замечают. На самом деле, если бы я не знала его так хорошо, то сказала бы, что они обходят его, даже не понимая, что он среди них. Но даже если фигура Ноля остается невидимой, любой может разглядеть на нас черные наручники. Никто не хочет с нами связываться.

Я аккуратно пробую нашу связь, чтобы узнать, смогу ли почувствовать эмоции Ноля. Но он кажется спокойным, его настроение ровное, как стекло. А потом я чувствую вспышку веселья.

– Уже копаешься? Ты слишком любопытна, это может тебе навредить, – говорит Ноль, и я вспоминаю, что он тоже меня

чувствует. Я быстро отстраняюсь.

– Где все?

– После того, как Хидео активировал свой алгоритм, любому пользователю, уже подключившемуся к новым линзам «НейроЛинк», было отказано в доступе к «Темному миру». Алгоритм выкинул большинство людей, которые раньше гуляли здесь. Других заставили отправиться к властям и рассказать, что они знают об этом месте. За последнюю пару дней прошли десятки рейдов. Те, кто еще имеет доступ к «Темному миру», ушли глубже под землю, перестраивая все по пути. Многие из знакомых тебе мест больше не здесь.

Я иду по дороге, пытаясь сориентироваться. В обычный день такой рынок кишел бы анонимными аватарами. Сегодня их всего ничего, и многие выглядят слишком напуганными, чтобы останавливаться у нелегальных прилавков.

Это хорошо, убеждаю я себя. Мне нужно радоваться, Хидео поступил правильно с «Темным миром». Разве не я потратила здесь многие годы, охотясь за головами? Это нехорошее место. Существуют настолько опасные закоулки «Темного мира», что их нужно навсегда уничтожить. Сюда приходят такие извращенные и злые люди, которые заслуживают гнить в тюрьме. Они *должны* бояться.

Но сама мысль, что один человек обладает такой властью, не дает мне покоя. Он может проникнуть в чужой разум и заставить любого покинуть это место.

– Что здесь происходит? – спрашиваю я, когда мы проходим мимо очередного прилавка ночного рынка. Вокруг этого крошечного магазинчика собралась толпа больше двухсот человек. Я долго смотрю на прилавок, и над ним появляется цифра.

50 000

Магазин не выдерживает огромного наплыва посетителей: прилавок обваливается, превращаясь в груду мусора, а затем снова перезагружается.

– Они продают на аукционе коробки с бета-линзами, – отвечает Ноль. – Редкость, как ты понимаешь.

Я понимаю, что цифра над прилавком – цена, по которой сейчас продают бета-линзы. Пятьдесят тысяч койнов за одну пару.

У клиентов, очевидно, есть свои бета-линзы, так что, предполагаю, они тут ради других. В воздухе чувствуется отчаяние, из-за чего это место кажется еще более опасным. Уже вспыхивают споры, и я вижу, как раскрывают пользователей их сердитые соперники: личная информация транслируется на

неоново-красные вывески на стенах здания. Я ускоряю шаг, и прилавок остается за спиной.

Мы уже неподалеку от места, где я в последний раз видела «Пиратское логово», хотя с тех пор дороги изменились. Наконец в поле зрения появляется черное озеро, но на его поверхности нет корабля.

Я в шоке поворачиваюсь к Нолю. «Пиратское логово» закрыли.

– Его больше нет? – спрашиваю я его.

Он смотрит на небо. Я поднимаю голову, чтобы проследить за его взглядом.

Высоко над безумными зданиями «Темного мира» и похожими на картины Эшера лестницами, под дымчатым коричневым ночным небом, в воздухе завис пиратский корабль. С него свисают веревочные лестницы, но они вне зоны досягаемости. На фоне его мачт, подсвеченных неоновыми цветами, ярко выделяются облака электрических оттенков: розового, голубого и золотого.

– После того, как Хидео активировал свой алгоритм, – говорит Ноль, – один пользователь «Темного мира» под воздействием новых линз отправился к властям и рассказал им о местонахождении «Пиратского логова». Здесь прошел рейд. Но тараканов сложно истребить.

Я невесело улыбаюсь. «Темный мир» не исчезнет без борьбы. Пираты просто переместились из воды на небо.

Ноль слегка наклоняет голову. Должно быть, он уже узнал код входа в новое «Пиратское логово», потому что секунду спустя одна из корабельных веревочных лестниц начинает опускаться. Она останавливается на идеальной высоте прямо перед нами.

Ноль протягивает руку к лестнице и поворачивается ко мне.

– После тебя.

Я прохожу мимо него и крепко хватаюсь за одну из перекладин. Он залезает после меня, его руки в перчатках сжимают веревку по обеим сторонам от меня. Поднимаясь, я бросаю взгляд на город. Никогда раньше не видела «Темный мир» с неба. Отсюда он кажется еще более несуразным, чем с земли. Некоторые здания напоминают спиралевидные лестницы, исчезающие в облаках, а огни в окнах меняют оттенки. Темные анонимные аватары идут вдоль стен так, словно подвешены на веревочках. Часть зданий черного цвета и без окон – только по стенам проходят тонкие вертикальные неоновые линии. Кто знает, что, черт возьми, происходит там, внутри? В воздухе парят ничем не поддерживаемые сферы, внутрь которых, на первый взгляд, невозможно попасть. Поднявшись к облакам, я смотрю

вниз и вижу башни, формирующие на земле узоры, напоминающие инопланетные круги на полях.

Наконец мы добираемся до парящего мостика, ведущего в «Пиратское логово». Теперь, когда мы достаточно близко, я вижу, насколько огромные мачты у этого нового корабля: они вытягиваются вверх, как экраны на стенах небоскребов. То, что мне показалось неоновыми цветами, в действительности реклама турниров дня и текущих ставок на матч-реванш между «Всадниками Феникса» и командой «Андромеда».

Ноль сходит первым. Он ступает на мостик и жестом показывает мне следовать за ним. Я смотрю на вход корабля, где десятки аватаров разгуливают под слоганом «Пиратского логова».

«Информация хочет быть свободной»

Мы заходим внутрь. Я чувствую, как колотится мое сердце, как кровь в ушах заглушает играющий здесь саундтрек, наверняка украденный с невыпущенного альбома. Туман обволакивает землю. Здесь как обычно собрались странные аватары, причудливая толпа людей со случайными, быстро забывающимися лицами и пользователей в образе монстров.

Я замираю, заметив стеклянный цилиндр в центре напоминающего пещеру зала. Лотерея убийств выглядит так же, как и всегда: написанные алыми буквами имена и возле каждого – текущая награда. На верхней палубе сидят киллеры и охотники, которые внимательно изучают список.

Что изменилось, так это имя во главе списка.

ЭМИКА ЧЕН|
Текущая награда К 5 625 000

Неудивительно, что все за мной гоняются: 5 625 000 койнов за мое убийство.

– Они не видят тебя, – успокаивает Ноль, чувствуя, как меня парализует ужас. Когда я перевожу на него взгляд, он просто кивает. За темным шлемом я не могу разглядеть выражение его лица, но Ноль поворачивается так, словно пытается меня заслонить.

Удивительно, но рядом с ним я чувствую себя в необыкновенной безопасности. Сложно поверить, что совсем недавно, когда я впервые увидела Ноля в этом самом месте, он был моим врагом, целью, выследить которую меня нанял Хидео. Теперь все ровно наоборот.

В другом углу зала принимают ставки на матч-реванш финала, но многие столпились посмотреть текущий матч

Darkcross, где безумно быстро раскидываются огромными суммами денег. Над зрителями висит баннер с названиями команд и ставками.

«ПОЛУНОЧНЫЕ РЕЙДЕРЫ»
против «ПСОВ ИЗ АДА»
Текущие ставки 1:4

– Новая игра! – восклицает автоматический диктор, чей андрогенный голос эхом разносится вокруг нас. – Матч заканчивается, когда игрок забирает артефакт оппонента. Ставки можно начинать делать за две минуты до сигнала открытия ставок и до официального старта игры.

Я смотрю на хаотичную публику. Все патроны официальных команд Warcross – публичные личности с большими карманами, все они хорошо известны. Но кто покровительствует командам «Темного мира» – загадка. По слухам, это мафиозные боссы, главари банд и наркобароны. Они не настолько глупы, чтобы спонсировать кого-то публично, но команды «Темного мира» зарабатывают в два раза больше, чем «Всадники Феникса». Неудивительно, что эти команды заполучают самых талантливых игроков. Среди них – бывшие профессиональные игроки Warcross, которые уже не могут конкурировать с молодыми восходящими звездами. Если не против сыграть в нелегальную игру, из-за которой вас в любой момент могут арестовать, тогда вас осыпят такими богатствами, которые официальным игрокам Warcross и не снились.

Конечно, как и во всем здесь, в игре Darkcross есть свои риски, в отличие от легальной версии, где последствием проигрыша станут лишь потерянные деньги и задетое эго. Патронов команд «Темного мира» опасно разочаровывать. Если ты проиграешь несколько раз подряд, то можешь увидеть свое имя в списке лотереи убийств. Я помню, как окровавленное тело одного игрока Darkcross нашли повешенным в собственном гараже, а другого толкнули под поезд.

– Несколько команд потеряли своих игроков, когда был запущен алгоритм, – рассказывает Ноль, пока мы переходим в следующую часть логова. В этом зале, отделенном от других стеной света наподобие занавески, темнее и меньше народу.

– Конечно, это только сделало ход игры более интересным и непредсказуемым.

– Так вот ради чего мы здесь? Ради игр? – Я удивленно смотрю на него. – Я думала, ты покажешь мне, как проникнуть в разум Хидео.

– Так и есть, – кивает Ноль. – Покажу.

– Как?

– Недавно мы обнаружили ошибку в системе «Линк». Той системе, что позволяет двум людям общаться с помощью мыслей. Ошибка появляется, только если мы с тобой связываемся во время игры в Warcross.

Я делаю вдох.

– Какая ошибка?

– Во время обычной сессии связи тебе нужно разрешение от другого человека, чтобы получить доступ к его мыслям. Но во время Warcross, если ты используешь правильный код взлома, ошибка позволяет тебе попасть в разум и память человека без его согласия.

Ошибка, позволяющая проникнуть в разум твоего партнера по связи. Я представляю, как холодные когти незнакомца впиваются в мои мысли и воспоминания, а я не в силах это остановить. Как, во имя всего святого, Ноль смог обнаружить такую ошибку?

Он улыбается, видя мое замешательство.

– Даже самые крупные компании в мире защищены не так уж хорошо, – напоминает он мне.

Неудивительно, что мы здесь. Неудивительно, что Ноль хотел связаться со мной. Я смотрю на его черный шлем и внезапно чувствую себя очень уязвимой.

Ноль привел меня сюда сыграть в Warcross, оставаясь на связи.

Тихое жужжание раздается в ушах. Этот же звук я слышала во время чемпионатов Warcross, когда Ноль впервые вмешался в мою подводную игру с «Всадниками Феникса». Щелчок заставляет меня опустить взгляд. Теперь мое тело покрывают алые доспехи, контрастирующие с черной броней Ноля. Не сомневаюсь если бы я взглянула на себя со стороны, то увидела бы на голове шлем.

А потом «Пиратское логово» исчезает, и я оказываюсь посреди мира Warcross.

Мне предстоит сыграть с Нолем, один на один.

8

Игра один на один в Warcross называется Дуэль. Это то же, что и обычная игра, только команды, которая бы поддержала тебя, нет рядом. Все падает на твои плечи: ты одновременно Капитан, Архитектор, Вор, Боец и Целитель.

Я наблюдала за Дуэлями в «Темном мире» и раньше, но никогда не играла сама. А сейчас, когда проигрыш может поставить под угрозу мою жизнь, я не очень-то уверена в своих шансах.

Толпа азартных посетителей уже собралась вокруг нас, а диктор начинает принимать ставки. Интересно, что случится со мной, если я проиграю? Насколько я доверяю Нолю, чтобы позволить ему продемонстрировать, как влезть в мой разум? А что если он причинит мне вред? Кажется, слишком много мороки, чтобы привести меня сюда только ради этого… Но с Нолем вообще сложно быть в чем-то уверенным.

Виртуальный мир нашей Дуэли – ночь. Небеса покрыты полотнами звезд, на горизонте остались розовые и фиолетовые полосы заката. В воздухе изгибаются сотни гигантских стеклянных арок, которые отражают свет. Когда я смотрю на ноги, то вздрагиваю, осознав, что стою не на твердой земле, а на спине какого-то существа. Движущегося существа.

Дракона. Длиной с кита.

Его чешуя горит светящимися неоновыми полосами, а вокруг крыльев появляется ореол золотистого цвета, как у робота. Присмотревшись, я понимаю, что чешуя под моими ногами не органическая, а металлическая.

Я падаю на колени, когда чудовище выгибает огромную шею и из его механических челюстей вырывается столб пламени, очерчивая облака под нами. Его крик эхом разносится по всему миру.

– Добро пожаловать в «Драконье Гнездо», – раздается над головой голос. Знакомые мерцающие бонусы материализуются в воздухе – и в тот же момент передо мной появляется выбор оружия.

> Веревка. Ножи. Динамит. Пистолет. Лук и стрелы. Щит.

Это набор оружия, который был бы у каждого игрока команды Warcross. Мне разрешено выбрать три из них и повесить на пояс. Над ними таймер отсчитывает время. У меня есть десять

секунд. Голова начинает кружиться, и я хватаю знакомые предметы:

Веревка. Динамит.

А потом вспоминаю, что не могу быть просто Архитектором – в этой игре Рошан не может защитить меня. Так что возвращаю динамит, беру щит и лук со стрелами прямо перед тем, как заканчивается время.

Я надеваю серебряные наручные доспехищиты, перекидываю колчан со стрелами через плечо и надеваю лук через голову. Пистолет мог бы оказаться полезным, но если я на драконе, то и Ноль, скорее всего, тоже, и мне, возможно, нужно будет перебраться на его зверя. Веревка и лук – лучший выбор.

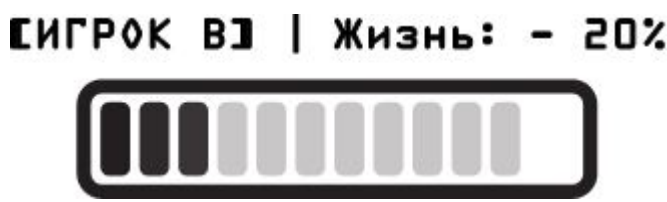
Мой дракон подлетает к ближайшей к нам стеклянной арке. Я оглядываюсь в поисках Ноля, но нигде его не вижу. Со стороны зрителей «Черных Плащей» я слышу кричалку, означающую начало игры, но все еще в воздухе одна. Отражения в арках сбивают меня с толку. Я разворачиваюсь, ожидая увидеть Ноля за собой, но там лишь облака.

– На старт! Внимание! В бой!

Внезапно прямо над нами на арку опускается огромная тень. С оглушительным звуком по стеклу разбегается паутина из трещин.

Я резко поднимаю голову – и вижу его. Ноль сидит на спине дракона с черной, как перья мокрого от дождя ворона, чешуей и металлическими шипами, которые светятся по краям серебристым светом. Его дракон шипит на меня, а потом могучим взмахом опускает крылья. Стеклянная арка разлетается на тысячи осколков.

Я прижимаюсь к своему дракону и скрещиваю руки, чтобы активировать щит. Круглое голубое поле вырывается из моих доспехов в тот момент, когда на меня начинают сыпаться осколки стекла. Удар почти сбивает меня с ног. Я вздрагиваю, словно он был настоящий.



Если бы не щит, такой удар мог бы легко забрать половину жизни. В настоящей игре Warcross предоставить сопернику

преимущество такой внезапной атаки было бы невозможно. Но здесь часто используется обманнный маневр, особенно когда игра идет в прямом эфире.

Когда Ноль покажет мне код взлома?

Я слышу рев зрителей и бросаю взгляд через щит как раз вовремя: Ноль перепрыгивает со спины своего дракона на моего и приземляется ему на крыло, а потом выхватывает меч и с силой вонзает лезвие, оставляя глубокую рану.

Мой дракон кричит и бросается в сторону. Внезапный рывок сбивает меня с ног, и я больше не могу удерживать защиту с помощью ручных доспехов. Мой щит дезактивируется, я цепляюсь и держусь за край чешуи. Под нами между стеклянными арками летают другие драконы, черные силуэты на фоне заката. Несколько светящихся бонусов парят над ними – золотое «Ускорение», ледяные мячи, сфера из зеленых лиан и огненный шар.

Я судорожно прикидываю расстояние между мной и каждым из бонусов. Этот огненный шар – «Бросающий огонь», достаточно сильный, чтобы поглотить противника целиком. Сфера, завернутая в лозу – «Лоза-ловушка», способная обвить игрока на пять секунд и обездвижить его.

Я поднимаюсь по драконьей чешуе. Ноль бросается ко мне; я откатываюсь в сторону, прежде чем он успевает схватить сияющий над моей головой артефакт. Ему не хватает буквально дюйма. Я перекатываюсь снова и снова, когда он бросается на меня. Мои руки ищут веревку на поясе, но потом я чувствую, как Ноль тянет меня к себе.

Я сжимаю зубы и пинаюсь металлическими ботинками – бью его в грудь так сильно, как только могу. Его хватка слабеет. Я освобождаюсь от Ноля и своего дракона, а потом бросаюсь в воздух. Ветер свистит в ушах.

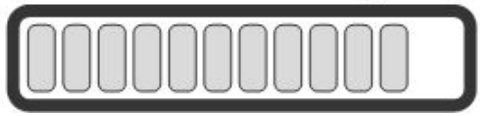
По пути я снова активирую щит и поворачиваю его под определенным углом, чтобы сдвинуться немного в сторону. У меня получается подойти ближе к огненному шару и сфере с лозой. Я широко раскидываю руки и одновременно хватаю два бонуса.

Подняв взгляд, вижу, как Ноль вслед за мной спрыгивает с дракона. Убираю бонус с лозой и, взяв огненный шар, направляю его четко на Ноля.

Взрыв. Громовой рев. Гигантская вспышка пламени окутывает и Ноля, и моего раненного дракона.

[ИГРОК А] Жизнь -100%

[ИГРОК В] выводит из игры [ИГРОКА А]



Я игнорирую радостные и недовольные крики зрителей. Ноль регенерируется через мгновение и, учитывая ход игры, у него может быть несправедливое преимущество. Ветер свистит в ушах. Я выхватываю стрелу на спине и привязываю к ней веревку. Другой ее конец я обвязываю вокруг себя. Потом вставляю стрелу в лук, пролетая как камень мимо целого стада драконов. Я поворачиваюсь, направляю лук на ближайшего ко мне зверя и стреляю.

Стрела попадает в цель и застревает между двумя чешуйками на груди дракона. Из металлического наконечника летят искры. Зверь раздраженно ревет, веревка начинает натягиваться, и я резко останавливаюсь. Я поднимаюсь по ней так быстро, как могу, а дракон резко поворачивает в сторону, едва не врезавшись в стеклянную арку.

Надо мной снова появляется Ноль на спине черного дракона. Его светло-голубые глаза прожигают меня насквозь, и он бросается в моем направлении. Я забираюсь на спину своего дракона и направляю его к аркам.

– Выше, – командую я, заставляя его подняться. Он повинуется, поворачивая механическую голову в нужную мне сторону.

Дракон Ноля бросается ко мне, раскрывает челюсти и выпускает поток огня. Я уворачиваюсь в сторону и едва уклоняюсь от пламени, но огонь частично задевает крыло дракона, отчего опаленный металл чернеет. Я заставляю дракона лететь по спирали вокруг колонн арки.

– Что, черт возьми, она делает? – слышу я крики зрителей, их слова тонут в воплях толпы.

Ноль гонится за мной. Он поворачивает дракона так, чтобы он летел параллельно с моим, но по другой траектории. Кажется, он хочет снова приблизиться и запрыгнуть на спину моего дракона.

Я нацеливаюсь на верхушку стеклянной арки, но когда достигаю ее, Ноль уже приближается ко мне. Я хватаю «Лозу» из инвентаря. Если бы я могла подманить Ноля ближе и запустить бонус в правильное время, он бы попался в ловушку из толстых лиан, и я бы заморозила его там, свисающего с арки. Затем

спрыгнуть с дракона и спуститься по переплетению лиан, чтобы схватить его артефакт.

Я бросаю взгляд через плечо. Он уже приближается, заглотив наживку. На моих губах вот-вот появится улыбка. Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на подножье арки. Время нанести удар…

И тут по мне бьет вспышка света. Мир исчезает в ослепляющей белизне. Игра закончена?

Секунду спустя я понимаю, что Ноль применил ко мне свой бонус. «Удар молнии». Я вижу, как падаю на стеклянную арку и сильно ударяюсь. Шанса поднять щит нет.

Я пытаюсь встать на ноги, Ноль подходит ко мне. Я быстро достаю свой бонус с лозой и направляю на него.

Мир вокруг меня начинает мерцать, словно в воздухе расходятся статические разряды.

Я моргаю и хмурюсь. Это видят все? Или только я?

Ноль смотрит только на меня. Подойдя ближе, он машет рукой. Снова вспышки. Это напоминает мне о том, как он забрал мое зрение во время одной из игр «Всадников Феникса» и как мы оба оказалась в темно-красной пещере.

Я протягиваю руку в его сторону, словно это может остановить его.

– Стой… – начинаю я. – Что ты делаешь…

Пришло время прекратить игры, говорит Ноль. Его слова эхом раздаются в моей голове по нашей связи.

И в мгновение ока виртуальный мир вокруг нас превращается во что-то другое.

Ох. Это мой старый сиротский приют.

Я снова стою в знакомых коридорах со свисающими со стен желтыми обоями и косыми лучами серого света. За окном бушует гроза, лампы мигают при каждом ударе молнии, земля сотрясается от каждого раската грома. Одна из дверей в коридоре, в мою старую комнату в женском крыле, – открыта настежь, ведь я только что из нее выбралась.

В ту ночь я сбежала из сиротского приюта.

Это невозможно. Если бы в реальной жизни я не сидела на стуле, уверена, что у меня подкосились бы ноги. Мое дыхание становится прерывистым.

Как Ноль создал это? Откуда он узнал? Как он забрался в мою голову, нашел это воспоминание и внедрил в виртуальный мир вокруг меня?

Ошибка.

Но когда? Попал ли он внутрь, как только я приняла приглашение, прежде чем мы отправились на Дуэль?

Я больше не слышу рев зрителей, так что не могу сказать, видят ли они то же, что и я. Как и тогда, в красной пещере, скорее всего, я единственная, кто знает, что сейчас происходит.

Я дрожу при виде знакомого коридора, который помню еще с той ночи. Все кажется таким же, только немного преувеличенным, словно в кошмаре. Стены поднимаются так высоко вверх, что я едва вижу потолок, а узоры на обоях словно двигаются на свету. Взглянув на себя, я понимаю, что на мне та же одежда, что и в вечер побега: поношенные кроссовки, порванные джинсы, полинявший свитер.

Такой же страх, что и в тот вечер, пульсирует в моих венах. Те же мысли проносятся в голове. Я спланировала каждую деталь сегодняшнего побега. Отсчитывала время с тех пор, как увидела, что погас свет в комнате миссис Девитт. Запихнула все, что нашла, в рюкзак. Дуэль в «Гнезде Драконов» практически улетучилась из моей головы. Все мысли о победе в нашей игре тоже исчезли.

Ноль словно открыл ворота моей души.

– У каждой закрытой двери есть ключ.

Я резко разворачиваюсь и вижу Ноля в темном коридоре. Его доспехи практически сливаются с полуночными тенями, лицо скрыто от глаз под непрозрачным шлемом.

– Вот что ты говоришь себе прямо сейчас, разве не так?

– Убирайся из моей головы, – рычу я.

Он подходит ко мне. Над его ладонью парит алый блестящий куб.

– Это код взлома – ключ к сбою, – говорит он и передает мне куб.

– Я не могу оставаться здесь, – шепчу я. От вида приюта мне тяжело дышать. – Вытащи меня отсюда.

Ноль качает головой:

– Сначала проделай то же самое со мной, – отвечает он.

Я сжимаю руки, мой страх перерастает в злость.

– Я не буду повторять.

– И я не буду, – он стоит передо мной, холодный и

загадочный. – Загляни в свое Воспоминание. Открой куб.

Все вокруг меня словно начинает размываться и головокружительно вращаться. Я пытаюсь сосредоточиться, но старые напольные часы в конце коридора начинают бить. Приглушенный голос в кухне привлекает мое внимание.

Мое сердцебиение учащается. Я снова вернулась в это ужасное место. Мне четырнадцать, часы бьют два часа ночи. Я стою в коридоре с рюкзаком за спиной, дрожа от этого звука.

Я забываю, что изучаю код взлома. Вместо этого бросаюсь прочь от Ноля и бегу так быстро, как только могу. Мои ботинки зацепляются за ковер, и я спотыкаюсь так же, как и в ту ночь. Но вот я вырываюсь из коридора в холл дома, где уже виден главный вход.

– Эй!

Крик заставляет меня обернуться. Это Хлоя, одна из моих соседок по комнате. Она смотрит на мой рюкзак и ботинки и тыкает в меня пальцем.

– Миссис Девитт! – вопит она так громко, что ее голос, кажется, заполняет весь дом. – Эмика убегает!

Не знаю, из-за того ли это, что я внутри своего Воспоминания, но мое тело делает точно то же самое, что и в ту ночь. Я бросаюсь мимо кухни к входной двери. Мне кажется, что ноги увязают в грязи.

А потом снова раздается голос Ноля, но мне все равно, что он от меня хочет. Мне нужно только выбраться отсюда. Если они меня поймают, я погибла. Добравшись до двери, я ускоряю шаг.

Кто-то толкает меня сзади. Это Хлоя. Внезапно она хватает меня за волосы и горло и мы обе падаем на пол. Я слепо пинаюсь, так сильно, как могу. В самой дальней комнате зажигается свет. Мы разбудили остальных.

Я попадаю ботинком Хлое в лицо. Она вскрикивает и отпускает меня.

– Вот сучка! – Она сплевывает и снова тянется ко мне.

У меня получается вырваться из ее хватки. Я встаю и выскакиваю в грозовую ночь.

Трава такая скользкая, что я чуть не падаю, но вовремя обретаю равновесие. Ворота из рабицы прямо передо мной. Я врезаюсь в них и понимаю, что их закрывает тяжелый висячий замок. Во мне нарастает паника. Пальцы смыкаются на проволочном заборе, и я подтягиваюсь, не обращая внимания на то, что острый металлический край оставляет красную полосу на одном пальце.

Я падаю на землю по другую сторону забора, уже не на территории приюта.

Вставай. Ты не можешь оставаться тут – они тебя поймают.

Кто-то с фонариком появляется на крыльце дома. Слабые крики доносятся до меня во влажном воздухе.

Я заставляю себя подняться и бросаюсь вниз по улице. Не уверена, плачу ли я в настоящей жизни или это еще один призрак Воспоминания. Знаю лишь, что в итоге прячусь в дверном проеме, чувствую руками поверхность мокрого дерева и пытаюсь успокоиться. Я сжимаю пальцы, и ногти впиваются в облупившуюся краску.

Ноль появляется передо мной на тротуаре. Прежде чем я успеваю сообразить, что мне делать дальше, он бросается ко мне с невероятной скоростью.

Во мне включаются все инстинкты охотника. Я уворачиваюсь, поднимаю руки, чтобы защитить лицо, когда он бросается на меня. Ноль хватает меня за воротник прежде, чем я успеваю убежать, а потом рывком ставит на ноги.

– Успокойся и подумай, – говорит он сердито.

От яркости Воспоминания я вздрагиваю, а слова Ноля прорываются через панику:

Это ненастоящее, ты не вернулась. Ты играешь в «Темном мире», среди призраков прошлого.

Как ты смеешь?

Во мне поднимается волна ярости, заставляя сосредоточиться только на Ноле. Он ворвался в мой разум, снова влез в мою личную жизнь. Куб. Его код взлома. Я смотрю на его фигуру, возвышающуюся надо мной, и снова достаю код. В этот раз я заглядываю в его Воспоминание.

Вот. Я даже вижу, что он сделал – в моем аккаунте появился лишний файл доступа, которого там не должно быть. Куб каким-то образом внедрил его туда.

Я открываю файл и вижу скрытую связь между нами, открытые им ворота, которые привели меня назад к нему. Потом загружаю куб данных.

Вокруг Ноля появляется кольцо файлов, каждый из них – дверь в пустоту с видом на другой мир. Окна в разум Ноля. Я внутри.

Я не жду его реакции, а просто выбираю ближайшую ко мне дверь, задерживая дыхание, когда его разум внезапно окутывает все вокруг нас.

Грозовая ночь исчезает, как и знакомая полуночная улица и приют за забором из рабицы. Это не Нью-Йорк.

Вместо этого я оказываюсь в незнакомом месте на полу, устланном ковром. Подняв взгляд, я вижу комнату, похоже, спальню. В углу, прижавшись к стене, спрятался человек. Я

в Воспоминаниях Ноля.

Это маленький мальчик, который сидит, обхватив руками колени. Его костлявые запястья торчат из мешковатого белого свитера. Присмотревшись, я замечаю символ, вышитый наверху левого рукава. Этот знак не похож на тот, что я видела раньше, и не связан с Нолем или «Черными Плащами», я вообще его не узнаю. Не могу увидеть лицо мальчика в темноте, но мой взгляд останавливается на толстом шарфе, обмотанном вокруг его шеи. Синий шарф.

Такой же шарф Хидео отдал Сасукэ в день его исчезновения.

Это картина так поражает меня, что я останавливаюсь, замерев на месте. Я выдерживаю долгую паузу, и когда снова моргаю, фигура в углу исчезает, а передо мной снова стоит Ноль. Он хватает меня за руку, прежде чем я успеваю увернуться. Его пальцы сжимаются на моем запястье, и внезапно я чувствую, что падаю. Я пытаюсь снова поставить виртуальную версию себя на ноги, но такое впечатление, что меня парализовало, я совершенно перестала отвечать на команды. Я лишь вижу, что над моим телом склонился Ноль; темные доспехи отражают приглушенный свет в спальне мальчика. Потом все исчезает в темноте.

Перед глазами снова появляется «Пиратское логово». Зрители вокруг нас бурно обсуждают что-то, перекрикивая друг друга, и обналичивают ставки – прозрачные цифры над их головами быстро меняются. Я моргаю в замешательстве, чувствуя себя потерянной. На парящем экране вижу повтор последних мгновений Дуэли.

Вижу, как Ноль ударяет меня бонусом «Молния», и я падаю на вершину стеклянной арки. Он подходит ко мне. Я убегаю от него по арке, хотя в моем Воспоминании это был побег из приюта. Наблюдаю, как сражаюсь с Нолем – в этот момент я вторглась в *его* Воспоминания. Затем он парализует меня, схватив за запястье и использовав еще один бонус, после чего забирает мой артефакт.

Никто из зрителей не видел наши с Нолем Воспоминания. Никто понятия не имеет, что Ноль проник в мой разум, а я – в его. Они видели те же действия, что мы совершали, но только в мире Дуэли. Никто не слышал, что сказал мне Ноль. Его слова прошли только по нашей связи, как и мои.

Некоторые зрители фыркают, глядя на меня, но других, кажется, впечатлил мой стиль игры. Я киваю им, все еще в трансе. Ноль стоит рядом. Когда он смотрит на меня, на запястье снова появляется черный наручник.

– Хорошая работа, – говорит Ноль.

А потом корабль исчезает, и внезапно я снова оказываюсь в реальном мире, уставшая сижув моем номере рядом с Нолем. Он

снова в черной одежде, его холодные глаза изучают меня, словно скульптуру.

Дуэль окончена.

Я едва помню нашу быструю схватку на драконах и могу думать лишь о том, как Ноль вытащил одно из моих худших воспоминаний на поверхность. Заставил меня снова пережить каждую ужасную секунду. Он воспользовался самой большой слабостью – моим прошлым. Внезапно меня обжигает дикая злость. Я забываю об осторожности. Мне лишь хочется сделать ему больно в ответ.

Я бросаюсь на него. Ноль отходит в сторону, словно тень. Я проношусь мимо и падаю на колени. Я снова встаю и кидаюсь к нему, но он снова уворачивается, так легко, словно играет со мной.

– Я бы этого не делал, – предупреждает он, его глаза сверкают.

Я облокачиваюсь на письменный стол и настороженно встречаюсь с ним взглядом.

– Твое Воспоминание, – бормочу я, пытаясь выровнять дыхание. – Что там происходило? Это случилось, когда ты только исчез? Тот символ на твоем рукаве…

– Это Воспоминание я не собирался тебе показывать, – отвечает Ноль, его голос кажется все еще жутко отстраненным. Он засовывает руки в карманы. – Важно то, что ты смогла пробраться через уязвимое место в нашей связи так же, как и я воспользовался кубом, чтобы попасть в твой разум. – Он серьезно смотрит на меня. – Это твой билет внутрь. Но используй его осторожно. Когда ты окажешься в чужом разуме, защитные системы начнут без остановки тебя искать. Когда я схватил тебя за запястье – мой разум понял, что тебе не полагается здесь находиться, и вытолкнул тебя. Это означает, что ты не сможешь снова туда пробраться.

– Но что это была за комната? Где ты сидел? – настаиваю я.

– А куда ты пыталась убежать? – резко обрывает меня Ноль. Он слабо улыбается мне. – Ты так убегала от меня, словно увидела что-то ужасное в своем Воспоминании. Словно не хотела провести еще хоть одну секунду в том доме.

Я закрываю глаза и сражаюсь с огромной волной сопротивления, поднимающейся в груди.

– Ладно, ладно, – резко отвечаю я, скрещивая руки на груди. – Понятно. Ты не спрашиваешь меня, и я не буду спрашивать тебя.

Он с любопытством изучает меня, но решает не задавать вопросов. Затем поднимает сияющий куб, ключ ко взлому.

– Это твой, – говорит он.

Я беру его и сохраняю в своих файлах. Мои ладони вспотели.

– Ты снова обретешь свободу, которая у тебя была до встречи с нами, – продолжает Ноль. – Если тебе понадобится оборудование, сообщи мне. Джэкс упомянула, что ты потеряла свой борд во время побега. Я пришлю тебе новый. Не забывай сообщать мне, как обстоят дела между тобой и Хидео.

Я молча киваю. От одной мысли о том, чтобы вторгнуться в Воспоминания Хидео так же, как Ноль вторгся в мои, становится плохо. «Это ничем не отличается от того, что он проделывает с помощью «НейроЛинк», – напоминаю я себе, – и он поступает даже хуже».

Ноль на мгновение останавливается у двери. В его взгляде чувствуется напряжение, словно я задела его за живое.

– Я не знал, какое из твоих Воспоминаний появится, – говорит он.

Звучит как извинение. Я не понимаю, как это воспринимать, поэтому лишь тихо стою, пытаясь подобрать правильные слова, забыть ночь моего побега и ужас, который я испытывала, прячась в том дверном проеме.

Странный момент. Ноль словно опустил защиту и приоткрыл дверь в свой туманный внутренний мир. Но это длится лишь секунду. Потом он выходит из моей комнаты, оставляя меня наедине с бесконечными вопросами.

Я вспоминаю маленькую фигурку Сасукэ, сжавшегося в углу. Синий шарф его брата, любви к которому он, кажется, не помнит, обмотан вокруг его шеи. Он держит его так крепко, словно это единственное, что осталось у него в мире. Больше всего я думаю о том загадочном символе, вышитом на свитере Сасукэ. Я снова вытаскиваю эту картинку и позволяю ей повиснуть передо мной.

Зачем Ноль позволил мне увидеть настолько личное Воспоминание? Почему я так легко попала в него? Может быть, это была случайная ошибка, как и в моем случае: я никогда бы не позволила ему увидеть мое Воспоминание. Но Ноль – один из самых могущественных хакеров, которых я встречала. Как он может быть таким беспечным, чтобы открыть мне тяжелый момент своего прошлого? Я пытаюсь понять его.

Почему имя Хидео ничего не значит для тебя?

Кто забрал тебя? Что означает тот символ?

Что с тобой случилось?

9

Ноль оказывается верен своему слову и посылает мне новый борд через несколько часов. В этот раз он целиком черный, от доски до колес. Я осторожно проверяю его, пытаясь привыкнуть к его весу и силе сцепления. На нем, должно быть, удобно передвигаться ночью.

Я остаюсь в номере до тех пор, пока на улице полностью не стемнеет. Проверяю углы стен, пытаясь найти скрытые камеры или другие устройства для наблюдения. Потом осторожно проверяю свой аккаунт, если вдруг Ноль внедрил в дополнение к черному наручнику какое-то следящее устройство в мою систему.

К своему удивлению, я ничего не нахожу. Возможно, Ноль и Тейлор действительно собираются обеспечить мне приватность.

С балкона я вижу серебряные и голубые цвета на улицах – здесь поддерживают команду «Зимних Драконов». Отель находится где-то в центре Омотэсандо, дорогого района, где полно роскошных бутиков внутри великолепных зданий. Все деревья увиты серебряными и голубыми огоньками. Сумочки и туфли, выставленные в витринах магазинов, в честь финала украшены гербами «Всадников Феникса» и «Андромеды» из драгоценных камней. С тех пор, как я впервые попала сюда, объявили еще двух лучших игроков для церемонии закрытия. Теперь их изображения показывают во всех витринах Prada и Dior.

ШАХИРА БУЛУС, ТУРЦИЯ | «АНДРОМЕДА»
РОШАН АХМАДИ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ | «ВСАДНИКИ ФЕНИКСА»

Я понимаю, что Джэкс привезла меня сюда, когда я была без сознания. Теперь «Черные Плащи» позволяют мне выйти из двери без присмотра.

Я в это не очень-то верю и могла бы легко отказаться от своих обещаний, но мало чем могу навредить им прямо сейчас – я не знаю, где расположен их штаб, да и на них самих у меня ничего нет.

Забраться в разум Хидео. Вот что просят у меня «Черные Плащи». Я смотрю в сторону «Токио Доума», где огромные виртуальные символы «Всадников Феникса» и команды «Андромеда» уже парят в ночном небе над стадионом, а таймер отсчитывает последние двадцать четыре часа до начала игры. Хидео будет завтра на матче-реванше финала.

Мои мысли возвращаются к Нолю. Я пыталась найти

информацию о символе на рукаве Сасукэ, но не нашла никаких совпадений. Он не принадлежит на одной известной мне корпорации и ничем не выдает свой смысл. Абстрактная фигура – несколько многоугольников, заходящих друг на друга.

Я делаю тихий звонок Тримейну. Он отвечает почти сразу же.

– Привет! – кричит он мне в ухо так громко, что я морщусь. Секунду спустя появляется его виртуальная фигура, и я вижу, что он идет по ярко освещенной многолюдной улице, засунув руки в карманы.

– Говори тише, – отвечаю я. – Я тебя хорошо слышу.

– Где ты, черт возьми? – Тримейн сощуривает глаза, пытаясь понять, где я. – Ты в порядке? «Всадники» с ума сходят из-за тебя. Рошан даже мне позвонил спросить, знаю ли я, что происходит.

– Где ты?

– Где-то в Роппонги. А ты где? Я пытался выследить тебя.

От его нетерпеливого голоса у меня кружится голова.

– Омотэсандо. Не ищи меня. Это слишком опасно. Я сама найду тебя.

– Что значит слишком опасно? Я слышал о перестрелке в Синдзюку несколько дней назад. Это показывали по всем новостям – сказали, что какой-то сумасшедший открыл огонь. Такого не бывает в Японии, даже в Кабуки-тё. Двух людей убили. Я думал, что среди них можешь оказаться ты. Что случилось?

Кажется, что уже прошли годы с тех пор, как я разговаривала с ним в баре. Я прикусываю губу.

– Я в порядке. Долгая история. Объясню все, когда встретимся. – Я понижаю голос. – Но сначала я хочу, чтобы ты на кое-что взглянул.

Прежде чем Тримейн успевает ответить, я посылаю ему скриншот молодого Сасукэ в комнате.

В его удивленном голосе теперь слышится любопытство.

– Это кто?

– Сасукэ Танака, очевидно, в детстве. Видишь этот символ на рукаве?

– Ага. Что это?

– Понятия не имею. Поэтому мне нужна твоя помощь.

– Ты уже искала?

– Ага. Ничего не нашла.

Тримейн замолкает, и я представляю, как он изучает символ, пытаясь соотнести его с известными знаками.

– Хм, – наконец бормочет он себе под нос. – Я тоже ничего не нахожу, по крайней мере, с первого раза. Но думаю, я знаю того, кто может помочь. Откуда ты достала этот скриншот?

– Это часть долгой истории. – Я бросаю взгляд с балкона,

наблюдая как во всему Токио, куда бы я ни посмотрела, загораются иконки. – Давай встретимся завтра вечером после матча-реванша с остальными, и я расскажу, что знаю.

– Надеюсь, к тому времени я что-то добуду для тебя. – Он кивает, и мы заканчиваем разговор.

Меня сразу же накрывает паранойя. Что если Ноль подслушал мой разговор с Тримейном? Я не забыла, что случилось со мной в последний раз, когда пару дней назад я оказалась на людях одна. Теперь я сижу в безопасности в номере отеля, но все еще не могу игнорировать чувство, будто кто-то вот-вот ворвется в мою комнату.

Сосредоточься.

Я собираюсь сделать еще один звонок, в этот раз «Всадникам Феникса», когда движение возле балкона заставляет меня замереть. Я вытягиваю шею и вижу, как кто-то выходит на балкон соседнего номера – номера Джэкс.

Это Ноль.

Освещенный огнями город подо мной выделяет его силуэт в тусклом свете. Он какое-то время любуется пейзажем, а потом его взгляд медленно перемещается к моей комнате. Я хочу отвернуться, чтобы он не увидел, как я за ним наблюдаю.

Чей-то голос зовет его по имени, и Ноль отворачивается. Джэкс присоединяется к нему на балконе. Я задерживаю дыхание, продолжая наблюдать, как она подходит к нему. Она снова, как и тогда, играет со своим пистолетом, легким и ловким движением вытаскивая и вставляя обойму. Это привычка, очевидно, успокаивает ее.

Я смотрю, как Джэкс подходит ближе к Нолю, почти касается его, а потом говорит ему что-то.

Выражение его лица смягчается. Он наклоняется к ней, закрывает глаза и бормочет ей что-то на ухо. Затем Джэкс придвигается к нему. Они стоят, обнявшись, что заставляет меня вспомнить, как Хидео прижимал меня к себя.

Ноль идет за ней, и оба исчезают с балкона.

От увиденного я краснею. Они явно близки.

Несколько мгновений спустя я слышу, как дверь в ее номере закрывается на замок. От одного факта, что она ушла, я чувствую облегчение. Может, Ноль ушел вместе с ней. А может, она теперь одна и наблюдает за мной. В конце концов, Ноль предупредил, что она будет присматривать за мной, чтобы ничего не случилось.

Я делаю глубокий вдох и посылаю общее приглашение «Всадникам Феникса». Эшер подключается первым, и вскоре к нему присоединяются все остальные. Они снова собрались в его доме, готовятся к завтрашней игре. Тот выдыхает, увидев меня,

а Хэмми выплевывает проклятие и скрещивает руки на груди.

– Давно пора, – огрызается она.

– Мы уже собирались сообщить полиции, что ты пропала, – добавляет Эшер, постукивая одной рукой по коляске, – только вот тогда Хидео бы узнал, что с тобой что-то случилось.

– Я все объясню, – говорю я тихим голосом. – Но сначала мне нужна ваша помощь.

– Что случилось? – спрашивает Рошан.

– Когда вы все завтра отправляется в «Токио Доум»?

– Ближе к вечеру. Henka Games высылает за нами машину. А что?

– Мне нужно оказаться на стадионе с вами, – говорю я, – в зоне, куда пускают только игроков. Мне нужен доступ к Хидео.

– Что происходит? – спрашивает Хэмми. – Это из-за Ноля, да?

Я снова смотрю в сторону балкона, мой взгляд задерживается на пустом месте, где пару мгновений назад стояли Ноль и Джэкс.

– Ага.

При этих словах Хэмми опускает руки, быстро моргая.

– Ладно, я не думала, что ты действительно с ним связалась.

– Не я. Он связался. – Я колеблюсь. – Он спас меня от парочки киллеров из «Темного мира», которые охотились за моей головой.

– Что? – глаза Хэмми распахиваются еще шире, а Рошан наклоняется вперед, бормоча проклятия под нос.

– Ты должна была рассказать нам, – говорит он.

Я решаю пока не упоминать случайный звонок Хидео.

– Я в порядке, – отвечаю я. – И да, Ноль сделал мне деловое предложение. Слишком долго объяснять. Но если они серьезно хотят, чтобы я сделала то, о чем меня попросили, мне понадобится ваша помощь.

10

ЧЕТЫРЕ ДНЯ ДО ЦЕРЕМОНИИ ЗАКРЫТИЯ WARCROSS

За всю историю чемпионатов Warcross матч-реванш не проводился ни разу, и это означает, что сегодня днем, за несколько часов до игры, никто не знает, как праздновать такое событие.

Районы Токио, до этого подсвеченные цветами любимых команд, теперь окрашены или в красно-золотые, или в сине-серебряные. На фасадах небоскребов транслируются записи с первого финала. Я прохожу мимо крутых тюнингованных машин, выставленных на улице: «ламборгини», «бугатти», «порше», «уминати Xs» – самый быстрый на данный момент электромобиль на рынке). Нижняя часть дверей и бока украшены неоново-синими или красными полосами, цветами соперничающих команд. С помощью «НейроЛинк» люди превращают машины во что-то невероятное: добавляют виртуальные крылья, чтобы те напоминали реактивные самолеты, за которыми остается столб пламени. Так было и во время первого финала, и теперь на матче-реванше: водители спорят, чья машина круче.

Продавцы атрибутики – шляп, футболок, фигурок и брелоков – достали оставшиеся с первого финала товары. Когда у них кончаются запасы, они выглядят озабоченными и измученными. Я замечаю в продаже несколько фигурок со мной: у игрушек мои радужные волосы, сделанные в виде шариков с перепереливающимися цветами. Выглядит сюрреалистично.

Над головами удивленной толпы на молниеносной скорости внезапно проносятся восемь лазерных лучей, оставляя в воздухе радужные следы. «Гонки дронов», – догадываюсь я. Как и уличные гонки на машинах, они запрещены; участники, должно быть все еще носят бета-линзы. Я даже выслеживала раньше нескольких гонщиков в «Темном мире» и предоставляла полиции информацию о них. Должно быть, сегодня вечером они чувствуют себя достаточно смело: копы следят за безопасностью матча-реванша и пресекают потасовки между фанатами соперничающих команд, так что сегодня гонщикам выдался шанс показать себя во всей красе.

Я прохожу мимо зевак, страстно спорящих, какая команда сильнее; группа фанатов, одетая в костюмы своей команды, столкнулась на углу с соперниками. Из компании косплееров «Андромеды» до меня долетают обрывки разговора.

– Почему ты одета как обманщица? – кричит один из них.

Ему почти сразу же отвечают из команды поддержки

«Всадников Феникса».

– Эмика Чен навсегда!

Я низко опускаю голову и пытаюсь сосредоточиться на борде. По крайней мере три девушки одеты в костюм Эмики Чен, так что на мне никто не останавливает взгляд. Кроме того, если то, что сказал Ноль, правда, то я перестала быть целью всех охотников и убийц, пытавшихся добраться до меня. Возможно, Джэкс охраняет меня где-то поблизости, но я ее не вижу.

Когда я приближаюсь к парку развлечений «Токио Доум», я успокаиваюсь и снова чувствую себя собой. Я плавно съезжаю на тротуар.

Вдруг мне приходит сообщение от Хэмми. Я принимаю его, рядом со мной появляется ее виртуальное изображение, похожее на настоящее. Сегодня вечером ее волосы заплетены в десятки косичек с вплетением золотых и алых прядок, а темные веки покрыты блестками. После двух дней, проведенных с «Черными Плащами», я настолько рада ее видеть, что пытаюсь обнять ее проекцию.

– Кажется, ты готова.

Хэмми закатывает глаза.

– Если кто-то прикоснется к моим волосам, я оторву ему голову. – Она указывает в сторону стадиона. – Нас проведут по тоннелю, – говорит она, – но там не будет охраны или фанатов. Жди меня.

Перед глазами появляется золотая линия, которую проложила для меня Хэмми. Я киваю и иду в нужном направлении.

Вскоре я подбираюсь достаточно близко к широко раскинувшемуся развлекательному комплексу стадиона и над фонарными столбами вижу огромные портреты выступающих сегодня вечером игроков. Сам комплекс— «Токио Доум Сити» – переполнен людьми, как и во время сезона чемпионата. Аттракционы в парке развлечений подсвечиваются разными цветами, и через свои линзы я вижу целую карусель вариантов пейзажа на выбор. Когда я выбираю опцию «Фэнтези», парк превращается в огромный замок. При нажатии на «Космос» парк становится футуристической станцией на незнакомой планете с гигантскими кольцами в ночном небе.

Я спрыгиваю с борда и иду в комплекс, чтобы присоединиться к фанатам. По крайней мере, затеряться в толпе легко. Люди собираются вокруг аттракцинов и магазинов и не обращают на меня внимания. Я незаметно проскальзываю мимо них.

Возле входа уже собрались очереди в ожидании пропуска на стадион. Золотая линия резко обходит их. Я иду другим путем,

обхожу главные ворота, где столпились фанаты. Вскоре передо мной появляются ворота черного входа. Они забаррикадированы и хорошо охраняются. Ряды черных автомобилей ждут окончания матча. Хотя игра сегодня вечером проходит только между «Всадниками Феникса» и «Андромедой», остальные команды тоже прибыли посмотреть финал. Толпы фанатов стоят по краям заслона, надеясь первыми увидеть команды.

– Я здесь, – бормочу я в ответ Хэмми.

– Вижу тебя, – отвечает она. – Когда я скажу «давай», перелезь через левую баррикаду, ближайшую к воротам. – Потом она исчезает.

Несколько минут спустя начинается безумная суета у заграждений, ближайших к задним воротам. Появляется Эшер с Хэмми и Рошаном, на их лицах профессиональные улыбки, они приветствуют зрителей. За ними идут Джеки Нгуен и Бреннар Лионс, заменяющие Рена и меня. Хэмми уже одета в алый костюм «Всадников Феникса», который подчеркивает ее формы, на лице играет знакомая усмешка. Эшер сидит в новой черно-золотой дизайнерской коляске, а Рошан выглядит необычайно стильно с аккуратно уложенными густыми темными кудрями и в безупречном костюме.

Фанаты разражаются криками и визгами, волна вспышек ослепляет команду. Люди бегут к ближайшим барьерам, заставляя охранников поспешить туда же, чтобы сдержать их натиск.

Я улыбаюсь их внезапному появлению. Идеально. Хэмми посылает мне быстрое сообщение.

Пока охрана борется с давкой фанатов на одной стороне, я тихо перелезаю через ограждение с другой и бросаюсь к воротам. За мной пробует последовать еще парочка отчаянных ребят, но тут Хэмми поднимает тревогу, активно указывая на них пальцем. Двое охранников несутся туда, чтобы перехватить фанатов, а я исчезаю в темном проходе.

Я вижу лишь синие очертания силуэтов. Коридор навевает на меня ностальгию, и я вспоминаю, как команда телохранителей вела меня на арену, а моя голова гудела в предвкушении Warcraft. Это было не так давно, но кажется, что прошла уже вечность.

«Эш, – набираю я сообщение, пробираясь по знакомым коридорам. – Ты можешь сделать так, чтобы камеры слежения в

комнате ожидания «Всадников Феникса» были отключены?»

Перед каждой игрой «Всадники» собираются и ждут начала матча в элегантной комнате с видом на большую арену.

Уже сделано. Но осторожнее в коридоре. Они установили там несколько новых камер, и мы не смогли получить к ним доступ.

Я еще больше сжимаюсь под толстовкой.

Поняла.

Он посылает мне адрес.

Встретимся позже. Тогда поговорим.

Наконец я добираюсь до пустой комнаты ожидания «Всадников» и закрываю за собой дверь. Тишину нарушает приглушенный шум, доносящийся снизу, где пятьдесят тысяч фанатов кричат под новый трек BTS. Я стою перед окном и на мгновение чувствую, что вернулась в то время, когда сама была игроком. Стадион полностью забит, и с каждой секундой все больше людей занимают свои места. Ведущий вспоминает первую игру финала, а на огромных 3D-голограммах показывают ее запись.

Яркая лампа уже мигает над дверью комнаты, призывая игроков отправиться в центр арены. Ведущие, сидящие на лучших местах, громко спорят, у какой команды больше шансов на победу.

Мое внимание возвращается к стеклянной ложе на другой стороне арены. Там я вижу несколько людей, в которых узнаю Хидео, Мари и Кенна.

На нижнем уровне в центре арены появляются первые члены «Андромеды». Крики толпы становятся громче.

«Удачи!», – желаю я своей команде, когда они тоже выходят на арену. Мой взгляд задерживается на их элегантных костюмах. Даже после всего случившегося энергия этого места наполняет

каждую клеточку моего тела. Мне ничего так не хочется, как быть там с ними, утопать в аплодисментах и гадать, в какой новый фантастический мир меня забросят на этот раз. Мне хочется снова замирать от восторга, как было до того, как все запуталось.

Я качаю головой, сажусь и изучаю схему всех камер стадиона. На этом стадионе больше устройств наблюдения, чем я когда-либо видела – по меньшей мере две – три камеры в каждой комнате. Кажется, они улучшили уровень безопасности после той ошибки, которая чуть не убила Хидео. «После того, как Джэкс чуть не убила Хидео», – поправляю я себя, и по телу пробегает дрожь.

Ведущий заканчивает представлять игроков. Свет на стадионе гаснет, оставляя подсвеченным только центр арены, где стоят команды. Появляется голограмма, демонстрирующая, в какой мир все попадут. Он находится где-то высоко в небе, окруженный со всех сторон облаками, через которые пробиваются вершины гор с башнями наверху. Все они связаны друг с другом узкими веревочными мостами.

– Добро пожаловать в «Небесное Королевство», – раздается на стадионе знакомый вездесущий голос. Зрители одобрительно кричат.

Я отворачиваюсь от арены и молча изучаю камеры наблюдения, пока не добираюсь до тех, что расположены в личной ложе Хидео. На камерах хорошая защита, и я сразу понимаю, что не смогу изменить их запись. Если охрана заметит меня здесь и поймет, что я не из «Всадников Феникса», то начнет задавать вопросы.

Но ничто не мешает мне воспользоваться камерами наблюдения в ложе Хидео, следить за тем, что видит охранник. Я нахожу его профиль и пробираюсь внутрь.

Записи со всех камер наблюдения на стадионе заполняют пространство вокруг меня. Я листаю их, пока не нахожу те, что находятся в ложе Хидео.

Внезапно я оказываюсь на потолке, наблюдая за происходящим, словно призрак.

И тут я слышу разговор, от которого мне становится страшно.

11

Кенна скрестив руки на груди, хмуро обращается к Хидео:

– Этому нет доказательств, – спорит он.

Мари раздраженно вздыхает.

– Кенн, мы здесь не для того, чтобы продавать некачественный продукт. – Ее японский быстро переводится на английский перед моими глазами. – Нам нужно проверить, вызвано ли это алгоритмом.

Я делаю резкий вдох. Так значит, Хидео не держал все в тайне. Мари и Кенн знают про алгоритм. И судя по всему, они были активно вовлечены в его запуск.

Но о чем говорит Мари? Что, по ее мнению, вызывает алгоритм?

– Самоубийства может вызывать что угодно, – говорит Кенн, взмахнув руки. – Ты стала одной из этих поборников закона? Они думают, что могут остановить прогресс, запретив новые технологии в своих городах…

– Они не всегда неправы, – отвечает Мари. – Дело серьезное. Если это наша ошибка, нам нужно немедленно ее исправить.

Самоубийства? Я вспоминаю полицейскую ленту, оцепившую тот квартал в Кабуки-тё. Должно быть, они говорят о преступниках-самоубийцах по всему миру. Тех, что Хидео упомянул в последнем споре. *Осужденные секс-торговцы совершают самоубийства*, сказал он. Но разве алгоритм не должен был изначально допускать такое?

– Просто подожди пару месяцев, – говорит Кенн. – Все наладится.

Мой взгляд перемещается на Хидео, который пока не проронил ни слова. Он откинулся назад в своем кресле и рассматривает своих коллег. Вглядевшись в его лицо, я понимаю, что он в плохом настроении.

– Весь замысел алгоритма в том, чтобы защищать людей, делать мир безопаснее, – настаивает Мари. – Он не должен нести ответственность за то, что пользователи кончают жизнь самоубийством.

– Это безумие! – Кенн вплескивает руками. – Доказательств нет. Ты пытаешься предположить, что алгоритм заставляет обычных людей – то есть невинных – убивать себя?

Кровь застывает в жилах от его слов. Я выпрямляюсь на стуле. Возможно, теперь алгоритм вызывает смерти невинных людей.

– Посмотрите на эти цифры! – Мари взмахивает рукой, и

перед ними зависает график. Я смотрю на него в ужасе. Кривая угрожающе взмывает вверх. – Количество суицидов по всему миру начало увеличиваться со дня запуска алгоритма. И это не преступники.

– Ты преувеличиваешь, – говорит Кенн, пренебрежительно пожимая плечами. – Какое отношение суициды имеют к нам? Уверен, что если они и связаны с алгоритмом, то только потому, что эти люди в чем-то виноваты. – Кенн снова пожимает плечами.

Этот же беззаботный жест я видела, когда меня впервые представили ему и команде – только вот в этот раз он не обнадеживает меня относительно вежливости Хидео. Теперь он отмахивается от ужасных последствий алгоритма.

Я смотрю на лицо Кенна и вспоминаю, как при каждом нашем разговоре его глаза искрились весельем. Неужели это тот же человек, что писал мне, переживая за благополучие Хидео и жалуясь на его упрямство? Неужели это тот, кто однажды попросил меня присматривать за Хидео?

Я удерживаю его теплую улыбку в памяти, рассматривая человека перед собой. На него падает свет, опускающийся сверху вниз ламп, набрасывая зловещие тени. Я не могу понять выражение его лица.

Мари показывает еще один график.

– Прошлые исследования обнаружили связь между отсутствием цели в жизни человека и более высоким риском смерти. Если людям не к чему стремиться, если их мотивации мешают, то количество самоубийств повышается. – Она наклоняется вперед и встречается взглядом с Кенном. – Это возможно. Нам нужно провести расследование.

– Ой, да ладно тебе. Алгоритм не забирает у людей жажду жизни, – жалуется Кенн. – Только отбивает желание совершать преступления.

– Возможно, произошла ошибка, вызывающая такую же реакцию, – резко отвечает Мари. Она смотрит в сторону. – Хидео, пожалуйста.

По лицу Хидео видно, как он устал, освещение в комнате лишь подчеркивает темные круги под его глазами. После долгой паузы он наконец подает голос.

– Мы проведем расследование, – говорит он. – Немедленно.

Мари довольно улыбается, а Кенн начинает спорить. Хидео поднимает руку, прерывая его.

– Я не стану терпеть возможный сбой алгоритма, – говорит он, бросая на Кенна осуждающий взгляд. Потом снова поворачивается к Мари: – Но алгоритм продолжит работать. Мы не приостановим его.

– Хидео… – начинает Мари.

– Алгоритм продолжит *работать*, – резко продолжает он. Его жесткий ответ заставляет Мари и Кенна замереть. – Пока у нас не будет доказательств теории Мари. Точка.

Мне хочется крикнуть: *«Хидео, что ты делаешь*?»

Кенн первым нарушает молчание.

– Вчера звонили из Норвегии, интересовались, что ты хочешь в обмен на послабление определенных ограничений в алгоритме. И в Эмиратах хотят пояснений насчет того, что считается нелегальным действием. Ты собираешься рассказать им, что мы расследуем эти слухи?

– Я делаю это не ради выгоды, – отвечает Хидео.

Я замираю. У Хидео назначены встречи с лидерами разных стран по всему миру. Общественность не знает про алгоритм – или им не дают узнать – но президенты и дипломаты, кажется, в курсе. У каждой страны свои представления о морали. Поэтому от Хидео все хотят разного.

– А ты в курсе, что американцы прилетели этим утром? – заканчивает Кенн, сердито глядя на Хидео.

– Американцы могут подождать.

– Скажи это их президенту.

– Он дурак, – спокойно отвечает Хидео, перебивая его. – И сделает именно то, что я скажу.

Во вздохе Кенна и Мари слышится неуверенность. Хидео даже не поднял голос, произнося эти слова, но его сила очевидна. Если бы он захотел, то мог бы контролировать президента США одной лишь командой алгоритма. Он мог бы отдавать приказы главе развитого государства, любой страны в мире. Всем, кто использовал «НейроЛинк».

Всем, включая Кенна и Мари. Они тоже используют бета-линзы? Должно быть, да. Кенна самоубийства волновали бы больше, если бы существовал риск попасть под эту волну. Но если Хидео решил предоставить им привилегию носить бета-линзы, то значит он уже выбирает фаворитов.

Стадион взрывается криками. Шахира, капитан «Андромеды» только что отправила Хэмми под облака, заставив выронить добытый ею драгоценный бонус. Ведущие быстро комментируют этот эпизод, их голоса эхом разносятся по стадиону.

Я отворачиваюсь от арены.

Алгоритм должен быть нейтральным. Свободным от человеческой власти, более эффективным и точным, чем обычные законы. Это всегда было нелепыми радужными мечтами Хидео. Прошло всего пару недель с тех пор, как он запустил его, а запутанная мотивация человеческих поступков уже усложнила

работу и подрывает его действие. А что, если Хидео пойдет на уступки некоторым странам? Предоставит эксклюзивные разрешения богачам или политикам? Пойдет ли он когда-либо по такому пути? А возможно ли не пойти?

– Я встречусь с американцами, – говорит Мари. – Я покажу им штаб-квартиру и кое-что из наших новых разработок. Их легко отвлечь, особенно если это всего на несколько дней.

– Несколько дней, – фыркает Кенн. – Этой задержки достаточно, чтобы запустить любую цепную реакцию.

Хидео бросает на друга пронзительный взгляд,

– Почему ты так спешишь?

– Я не спешу, – отвечает Кенн, защищаясь. – Я пытаюсь помочь тебе заканчивать дела вовремя. В любом случае, не впутывайся в расследование этих неподтвержденных слухов.

– Мы здесь не для того, чтобы управлять нефункциональной системой. Если Мари найдет что-то существенное, мы приостановим алгоритм.

Кенн качает головой и вздыхает, глядя устало на Хидео.

– Это из-за Эмики?

Я моргаю. Меня? Как я с этим связана?

Кажется, у Хидео та же реакция, потому что он вскидывает бровь и хмурится, глядя на друга.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне нужно тебе объяснять? Давай посмотрим. – Кенн поднимает палец. – Ты встал и ушел посреди интервью, потому что журналист спросил про Эмику. – Он поднимает второй. – Твои костяшки превратились в кровавое месиво с тех пор, как ты поговорил с ней. – Он поднимает третий палец. – Был ли хоть один день, когда бы ты не упоминал ее?

Мое лицо горит. Хидео говорил обо мне каждый день?

– Я не в настроении, Кенн, – бормочет Хидео.

Кенн засовывает руки в карманы и наклоняется к Хидео.

– Помнишь, ты собирался согласиться со мной? Что эти самоубийства всего лишь слух. А потом ты один раз поговорил с Эмикой, хотя сказал мне, что больше не хочешь ее видеть, и теперь приказываешь Мари начать целое расследование.

Хидео хмурится сильнее, но ничего не отрицает.

– Дело не в ней.

– Разве? – отвечает Кенн. – Эта маленькая темная лошадка, которая, как ты утверждаешь, для тебя ничего не значит, сильно тебя зацепила.

– Хватит. – Слова Хидео, как ножницы, разрезают возникшее между ними напряжение. Кенн сразу же замолкает, непроизнесенные слова повисают в воздухе.

Хидео сердито смотрит на него.

– Я хочу, чтобы мы поступили правильно. До этого момента я думал у тебя такие же цели. – Он кивает в сторону двери.

Тогда Кенн слегка бледнеет:

– Ты прогоняешь меня?

– Ну, я точно не приглашаю тебя на танец.

Кенн фыркает и встает со стула:

– Ты был таким же невыносимым и в универе, – бормочет он. – Думаю, ничего не изменилось. – Он разводит руками. – Делай что хочешь. Я просто никогда не считал тебя идиотом.

Кенн выходит из комнаты. Внизу слышится еще один взрыв восторга. Джеки Нгуен, новому Бойцу «Всадников Феникса» удалось закрыть Бойца «Андромеды» в горной расщелине. Эшер направил свой фиолетово-золотой бонус «Токсин» на Шахиру и замедлил ее движения.

Когда Кенн уходит, Хидео позволяет себе на мгновение расслабиться. Он смотрит на арену с серьезным выражением лица.

– Он слишком нетерпелив, – говорит Мари, бросая взгляд на раздвижные стеклянные двери. – Он уже хочет видеть положительные результаты.

– Он всегда был нетерпеливым, – тихо отвечает Хидео, наблюдая за игрой.

– Все будет хорошо, – мягко говорит Мари. – Мы с этим разберемся. Мне хочется, чтобы Кенн оказался прав, чтобы самоубийства не были связаны с алгоритмом.

– А если связаны?

Мари не отвечает. Она откашливается.

– Я возьму звонки на себя сегодня, – наконец говорит она.

– Нет. Дай мне разобраться с американцами. Ты лучше возвращайся ко мне с результатами расследования как можно быстрее.

– Конечно, – говорит Мари, склоняя голову.

Между ними повисает короткая пауза. А потом Хидео встает и подходит к стеклянному окну, держа руки в карманах.

На голограмме Рошан и Хэмми сцепились в схватке с двумя членами «Андромеды»: каждая команда защищает артефакт своего Капитана, пытаясь прорваться и захватить артефакт врага.

– Для меня еще есть новости? – через какое-то время спрашивает Хидео, слегка поворачивая голову, но не отрывая взгляда от игры.

Кажется, Мари точно знает, о чем он.

– Прости, – говорит она. – Но у нас все еще осталось много потенциальных подозреваемых в Японии.

Лицо Хидео мрачнеет, в глазах зажигается темная ярость. Ту же злость я увидела в нем, когда влезла в его Воспоминание и заметила, как он тренируется – с яростью зверя. Я узнаю этот взгляд: он думает о своем брате.

– Десятки хищников, до этого избежавших правосудия, сдались, – добавляет Мари. – Ты сам слышал о двух управляющих нелегальными секс-шопами в Кабуки-тё.

Хидео бросает на нее взгляд. Его плечи снова напрягаются.

– Сегодня утром они пришли в полицейский участок в слезах и во всем сознались. Пытались заколоть себя, прежде чем их взяли под охрану. Ты убрал много опасных людей с улиц.

– Хорошо, – бормочет Хидео и возвращается к игре. – Но они не те самые, не так ли?

Мари поджимает губы.

– Нет, – признает она. – Ничего в палитре их разумов, созданных алгоритмом, не соответствует времени и месту исчезновения Сасукэ.

Конечно же. Теперь я понимаю, почему Хидео отказывается приостановить алгоритм.

Он использует его, чтобы отследить похитителя брата, проверяя миллионы разумов в поисках воспоминания, искры узнавания, эмоции, которая намекнула бы на того, кто виновен в том, что случилось с Сасукэ.

Возможно, это всегда было его целью, настоящей причиной, по которой он изначально создал «НейроЛинк».

– Возможно, Эмика права, – говорит Хидео. Его голос такой тихий, что я едва слышу его. От этих слов мое сердце сжимается. – Не нам давать этой планете мир.

– Ты делаешь все возможное, – отвечает Мари.

Хидео продолжает наблюдать за игрой. А потом поворачивается к Мари лицом.

– Продолжай искать.

Внизу на арене Эшер захватывает артефакт Шахиры. Матч-реванш закончен – «Всадники Феникса» снова победили, теперь официально. Все зрители вскакивают на ноги и кричат так громко, что стадион сотрясается. Ведущие присоединяются к поздравлениям.

Хидео сдержанно поднимает бокал, кивая восторженным толпам. Его отстраненную улыбку транслируют на экранах стадиона. Хотя он уже нарушает свое обещание – он клялся, что не станет с алгоритмом единым целым, – даже сейчас мое сердце обливается кровью. Сложно не сочувствовать невероятному упорству Хидео, не испытывать боль за его решимость.

Что бы он сделал, если бы я сказала, что его брат жив?

Что он сделает, когда узнает, кто забрал его брата?

Может, Эмика была права?

Я сжимаю кулаки. Еще не слишком поздно. Хидео сомневается, если он действительно переживает о том, что может наделать алгоритм… Значит, все еще есть время вытащить его из этой пропасти. Прежде чем он зайдет слишком далеко. Прежде чем мне придется отвернуться от него навсегда.

И единственный способ изменить все – узнать, что случилось с Сасукэ.

Я иду по канату между Хидео и Нолем, алгоритмом и «Черными Плащами». И мне нужно быть очень осторожной, чтобы не поскользнуться.

Я встаю и накидываю на голову капюшон. Осталось мало времени. Алгоритм должен сделать мир безопаснее, но если Мари права, то как раз об этом и нужно беспокоиться больше всего.

Входящее сообщение от Тримейна вырывает меня из водоворота мыслей. Я слышу его голос.

– Эм, – говорит он. – Я связался с кое-кем, у них есть информация по поводу того символа, что ты мне отправила. Он был на рукаве Сасукэ Танака.

Я сглатываю, услышав слова Тримейна. С потолка падает дождь красного и золотого конфетти.

– И?

– Они не расскажут об этом в сообщении. – Он делает паузу. – Ты захочешь услышать это лично.

12

У меня не возникает проблем выйти с арены, затеряться среди этих шумных, разодетых фанатов. Команда поддержки «Всадников Феникса» кричит во все горло. Фанаты «Андромеды» угрюмы, но кажутся довольными. Толпа уже собралась возле черного входа, чтобы посмотреть, как увезут игроков. Другие зрители выстраиваются в очередь к метро. Прохладный ночной ветерок развевает мои волосы. Я запрыгиваю на борд и поворачиваю в сторону Акихабара.

Некоторые районы Токио всегда перекрывают несколько главных улиц раз в неделю, превращая их в «hokoten», гигантские пешеходные зоны. Как раз сегодня вечером в честь игры почти все районы Токио поступили так. Акихабара даже получила прозвище Hokuku, или “пешеходный район”. Весь город превратился в световое шоу. Толпы людей гуляют туда-обратно по восьмиполосным шоссе, обычно забитым автомобилями. С фасада каждого здания улыбается лицо «Всадника Феникса», экраны транслируют лучшие моменты матча-реванша.

Я чувствую прилив гордости при виде изображений Эшера, Хэмми и Рошана. Прямо сейчас я хочу обнять их и праздновать победу вместе с ними.

В воздухе остались десятки неоновых полос света – следы от гонок дронов, которые пропустила полиция из-за аврала. Музыка орет на всю улицу: какой-то диджей разбил посреди дороги временный лагерь, вокруг которого теперь танцуют фанаты. Земля подсвечивается виртуальной красной лавой, стекающей в решетки, а в кустах, на земле перед зданиями парят виртуальные перья феникса, каждое по двадцать очков.

> Добро пожаловать в Акихабару!
> Двойные очки в ночь Хококу!
> Вы подняли свой уровень!

К тому времени, как я подъезжаю к огромному развлекательному комплексу, украшенному портретами моих товарищей по команде, черные машины с финалистами уже припарковались перед зданием, блокируя доступ в эту часть улицы. Один из охранников замечает меня. Когда я подхожу к машинам, он качает головой, не желая меня пропускать. Он не понимает кто я, учитывая, что на мне случайная маска.

Я быстро посылаю сообщение Эшеру.

Уже здесь. Ваши парни не впускают меня.

Эшер не отвечает. Но секунду спустя охранник слегка кивает мне и отступает в сторону, чтобы я могла протиснуться между черными машинами. Я проскакиваю в комплекс через раздвижные двери.

Первый этаж здания забит атрибутикой Warcross: здесь шляпы, фигурки, игровые автоматы с игрушками, в которых ты можешь попробовать выиграть плюшевые версии талисманов команд. Пройдя коридор, я выхожу к лестнице, потом поднимаюсь по ступенькам на второй этаж.

И попадаю в сюрреалистический мир.

Это игровой зал с необыкновенно высоким потолком. Возможно, так получилось после сноса одного этажа и объединения его с другим. Повсюду витает туман, ползущий со сцены, где выступает виртуальная поп-звезда. Неоновый свет льется с потолка, подсвечивая дым цветными полосами. Толпы людей танцуют перед сценой, а остальная часть комнаты заполнена столами с проекциями игр, за которыми собрались игроки. Я вижу несколько столов с шашками, картами и настольными играми с виртуальными изображениями. Сервис-дроны летают от стола к столу, разнося напитки с анимированными цветами и вертелы с мясом.

Я узнаю несколько человек из других команд: в углу Макс Мартин с Дженой Макнил склонились над какой-то настольной игрой и хохочут над словами своего Капитана. Шахира Булус, держа в руках бокал, яростно жестикулирует, объясняя технику игры Зигги Фрост, которая тихо слушает с широко открытыми глазами. Почти все собравшиеся – настоящие или бывшие игроки разных команд. Я прохожу через них словно невидимка, испытывая странное чувство, будто я принадлежу этому миру и в то же время нет.

«Всадники» собрались возле сцены, где заканчиваются столы и начинаются танцпол. Приблизившись, я понимаю, что их почти не видно за толпой зрителей, которые кричат и подбадривают их.

А потом я вижу, как над толпой появляется Хэмми. Запрыгнув на стул, она поднимает вверх кулаки и радостно кричит. Ее пучок кос растрепался, пот светлыми капельками блестит на темной коже, отражая неоновые полосы с ламп.

– Шах и мат! – кричит она, расплываясь в улыбке.

Она играют в быстрые шахматы против Рошана. Он сбивает своего короля, на его лице недовольная гримаса, он проиграл.

Пока толпа ждет новых вызовов и ставок, Рошан встает со стула, чтобы кто-то другой мог сыграть с Хэмми, а потом направляется к Кенто Парк и обнимает его за талию. Они тихо переговариваются о чем-то. Я оглядываюсь, видит ли их Тримейн.

– Подвиньтесь, подвиньтесь, – из толпы раздается голос Эшера и некоторые люди отодвигаются, чтобы дать ему пройти. Он отодвигает стул, на котором сидел Рошан, ухмыляется Хэмми и облокачивается на стол.

– Ты не можешь выиграть две игры против меня за одну ночь, – говорит он. Толпа криками поддерживает этот вызов.

– Ах так? Не могу? – Хэмми наклоняет голову и спрыгивает со стула. Ее глаза после победы все еще горят.

Я наблюдаю, как перед ними перезагружается игра. Виртуальное пламя поглощает края шахматной доски, а над их головами появляется увеличенная версия игры, чтобы все могли посмотреть. Это не обычная шахматная доска: конь – настоящие рыцари, ладья – замковые башни, вместо слонов – огнедышащие драконы.

Над столом возникает новый таймер. У каждого игрока есть секунда на ход. Игра начинается.

Праздная болтовня прекращается, Хэмми замолкает, на ее лице читаются эмоции, так хорошо знакомые мне со времени наших тренировок. Самодовольство и опасная уверенность. Качая головой в восхищении, я наблюдаю за каждым ее ходом. Пешка. Конь. Ферзь. После каждого хода вокруг парящей шахматной доски взметается столб огня. Взгляд Хэмми перебегает от фигуры к фигуре – рука уверенно летает по полю каждый раз, когда наступает ее очередь. Над ее головой загорается виртуальная анимированная шахматная доска, на которой все фигуры вовлечены в эпическую войну. Рыцарь Хэмми сражается со слоном Эшера, протыкая того своим копьем, ферзь противника попадает в ловушку, расставленную ею с помощью нескольких пешек и ладьи.

Толпа вокруг Хэмми подбадривает ее после каждого хода. Эшер все больше хмурится, он явно проигрывает, но Хэмми блаженно игнорирует его, громко подпевая и даже пританцовывая на месте между ходами.

Я улыбаюсь. Никогда не видела, как она играет. Даже лучше, чем я думала; это словно наблюдать за игрой, уже предопределенной и спланированной, в то время как она просто выполняет ходы. Если бы я могла быть так же уверена в своих следующих шагах, как и она…

– Шах и мат, детка!

Толпа разражается криками, когда Хэмми загоняет в угол

короля Эшера. Она громко хлопает по столу, проворно запрыгивает на стул и высоко вскидывает руки в знаке победы “V”. Ее уровень поднимается на один, а количество койнов резко возрастает. Эшер с громким стоном откидывает голову, а Хэмми танцует на стуле.

Когда толпа успокаивается и часть уходит посмотреть на соседнюю игру, я наконец подхожу к столу. Рошан замечает меня первым. Он моргает в удивлении, а потом отходит от Кенто. На его лице появляется широкая улыбка, он громко хлопает в ладоши, чтобы привлечь внимание Эшера и Хэмми.

– Воссоединение команды? – удается мне перекрикнуть музыку. Я не могу не улыбнуться.

Эшер вскрикивает, а Хэмми спрыгивает со стула и быстро направляется ко мне. И прежде, чем успеваю произнести еще хоть слово, я уже в объятиях ее и Рошана.

На мгновение даже забываю, почему я здесь. Забываю о «Черных Плащах» и Хидео, обо всем хаосе, в который попала. Прямо сейчас я с друзьями, наслаждаюсь их крепкими объятиями.

Глаза Эшера светятся от радости, щеки покраснели, одежда помята, волосы взъерошены. Он присоединяется к нам, когда Хэмми и Рошан наконец меня отпускают.

– Ты перепугала нас до смерти, когда пропала без вести! – восклицает он.

– Капитан, – натянуто отвечаю я, подмигивая, и пытаюсь выглядеть беспечной.

Яркие сияющие глаза Хэмми становятся серьезными.

– Тримейн ждал тебя, – говорит она. – Он сказал, ему есть, что нам показать.

При этих словах я замечаю кого-то в толпе. Это Тримейн, он облокачивается о стену и неуверенно смотрит на меня. Моя радость улетучивается при виде него.

Ты захочешь услышать это лично.

– Давай. – Хэмми показывает на потолок. – На этаже выше много приватных караоке-залов. Можешь все рассказать нам там.

Я молча киваю ей, и вместе мы пробираемся через толпу к лифту. Приватный номер уже ожидает нас в караоке-зале. До нас долетает приглушенная музыка с вечеринок, проходящих в других залах. Я сразу же замечаю, что в нашей комнате уже кто-то есть, незаметная фигура сидит в темном углу на диване. Рошан захлопывает за нами дверь, крики и музыка обрываются. В ушах звенит от тишины.

Первым начинает Тримейн:

– Это тот человек, о котором я тебе рассказывал, – говорит он мне, кивая в сторону незнакомца, – Джесси. Предпочитает

обращение «вы» во множественном числе.

При этих словах Джесси откидывается на диван и изучает меня, не обращая внимания на остальных. Я изучаю его в ответ. У него невероятно бледно-зеленые глаза, смугловатая кожа и стройное тело, дающее ложное представление о хрупкости. Вижу, как его худые пальцы ритмично стучат по дивану. Я знаю такие жесты. Это знак гонщика.

– Я должен Тримейну, – наконец говорит Джесси, пропуская любые формальные приветствия и переводя на меня зеленые глаза. – Однажды он залез в мое дело и стер пометку полиции.

– Их поймали в гонке дронов, – объясняет Тримейн. – Джесси – одни из лучших на андерграунд-сцене Лондона.

– Я вас помню, – говорит Рошан, рассматривая Джесси.

– Как и я тебя, – отвечает Джесси, поворачиваясь к нему. – Ты сделал себе неплохое имя в подпольном мире, Ахмади.

Эшер вскидывает бровь:

– Ты никогда не говорил нам, что участвовал в гонках дронов.

– Зачем мне говорить своему Капитану, что я занимался чем-то нелегальным? – отвечает Рошан. – Я хотел, чтобы ты взял меня в команду.

– Неудивительно, что у меня не было шанса победить, играя с тобой в «Марио Карт», – добавляет Хэмми. – Ты знаешь, что я когда-то делала ставки на гонки дронов? Может быть, раньше я ставила на тебя деньги, даже не зная об этом.

Эшер потирает виски:

– Кто-то еще хочет рассказать Капитану о нелегальных занятиях?

Хэмми игнорирует его и кивает Джесси.

– Вы задолжали Тримейну?

Джесси слабо улыбается.

– Ну, Тримейн сказал, что этим я смогу отплатить. – Они наклоняют голову в мою сторону. – Эмика Чен, не так ли? Да, я знаю тебя. Ты охотник за головами, которая первой сообщила обо мне полиции пару лет назад.

Я краснею. Он один из первых людей, которых я отследила в «Темном мире». Теперь я вспомнила эту цель, которой занималась несколько лет назад. Тогда я проникла в директорию имен гонок дронов и получила награду в тысячу долларов.

– Простите, – отвечаю я.

Джесси пожимает плечами.

– Не говори о том, чего не чувствуешь. Все нормально. Из-за просьбы Тримейна я считаю, что дела между нами улажены. Тебе повезло.

Рошан раздраженно фыркает.

– Зачем накалять ситуацию еще больше, Блэкборн, – бормочет он Тримейну. – Хотя в этом ты всегда был специалист.

Тримейн разводит руками.

– Если думаешь, что справишься лучше, вперед.

Я неловко ерзаю на сиденье и касаюсь под столом руки Рошана.

– Все нормально, – отвечаю я и поворачиваюсь к Джесси. – Тримейн говорит, что у вас есть для нас полезная информация.

Джесси кивает, а потом взмахивает рукой перед собой и показывает символ с рукава Сасукэ Танака.

– Ты хочешь знать, откуда он? – Знак парит над столом перед нами. – Но сначала, – говорит он, – ты расскажешь мне, зачем тебе эта информация.

Я колеблюсь. Оказаться во власти бывшей цели – не самый подходящий вариант. Тримейн бросает на меня беспомощный взгляд.

– Ладно, – решаюсь я, кивая Джесси. – Договорились.

Джесси скрещивает руки на груди.

– После тебя.

Эшер перемещается с коляски на диван, а потом обращает все свое внимание на меня.

– Ладно, рассказывай. Ты в порядке? Что в действительности с тобой случилось?

Я делаю глубокий вздох:

– Я в порядке, более-менее. Влипла в неприятности.

– Насколько все плохо?

– Киллер спас мою жизнь, защищая меня от других киллеров.

Повисает тяжелая пауза.

– Ладно, – настороженно отвечает Эшер. – Кто-то типа Якудзы?

– Не глупи, – фыркает Хэмми, инстинктивно понижая голос. – У Якудзы слишком большой политический вес. Они не будут вести себя так глупо, бегая и стреляя в людей посреди улицы.

– Нет, не мафия или типа того, – говорю я, качая головой. – По крайней мере, не та мафия, о существовании которой я знала. – Я ловлю взволнованные взгляды друзей. Часть меня все еще хочет отвернуться и не рассказывать им о том, что я знаю. Но держать их в неведении – значит подвергнуть их опасности. Я узнала это на своем горьком опыте, когда Ноль впервые атаковал наше общежитие.

Так что я рассказываю обо всем, что произошло с нашей последней встречи. Я тихим голосом выкладываю им о лотерее убийств и охотниках, пришедших за мной. О Джэкс. О Ноле и Тейлор. О «Черных Плащах». Наконец я передаю им

подслушанный разговор между Хидео, Кенном и Мари.

В комнате повисает зловещая тишина. Кажется, вся краска отлила от лица Рошана, а Эшер проводит рукой по волосам и смотрит в сторону двери.

– Черт, – шепчет Хэмми, отбрасывая выбившуюся косичку. В тусклом свете ее глаза кажутся большими, блестящими и черными. В них отражается та же неуверенность, которую я чувствую внутри. – Самоубийства невинных. Все развивается очень быстро.

– «Черные плащи» активно работают над тем, чтобы остановить алгоритм Хидео, – добавляю я. – Они похожи на народных мстителей, но я мало знаю о них, чтобы согласиться с этим.

– А Ноль рассказал тебе что-то о своем прошлом? – спрашивает Рошан.

Я качаю головой.

– Он отказывается отвечать на любые мои вопросы. Но мне удалось получить доступ к одному из его старых Воспоминаний. Я не должна была так легко забраться туда. – Мое внимание переключается на Джесси, который все это время тихо слушал. Эта информация должна быть новой для него, но если она и поразило его, то он этого не показывают.

Джесси присвистывает.

– Ты попала в такую передрягу, девочка.

– Я надеюсь, вы сможете рассказать то, что поможет мне выбраться, – отвечаю я. – Это все, что я знаю. Ваш черед.

Джесси выпрямляется, поднимает два пальца вверх вверх и показывает нам скриншот символа на рукаве Сасукэ.

– Мы расспрашивали о нем в подпольном мире, потому что думали, что это тайный логотип группы гонщиков, – говорит Джесси. – Возможно, это свитер – атрибут команды «Темного мира», о которой мы не слышали.

Джесси делает паузу, чтобы развернуть символ в воздухе.

– Но потом нам ответил один аноним. Он показал бейдж работника с этим символом. Не знаю, как они его достали, но мы отправили значок Тримейну.

Теперь Джесси показывает нам виртуальное изображение бейджа. Это обычная белая карточка с именем и шестнадцатизначным кодом. Рядом с ними тот символ, который я видела на рукаве Сасукэ. Это логотип.

– Я тут покопался, а потом сам отправился посмотреть, откуда взялся бейдж. – продолжает Тримейн. – Готовы?

– Готовы, – говорю я.

Тримейн загружает еще один скриншот. Новое изображение

показывает тот же самый символ, только в этот раз, кажется, он расположен рядом с дверью в каком-то неприметном коридоре.

– Я достал это с частных серверов. – Тримейн демонстрирует второе изображение. В этот раз едва заметный крошечный символ есть на раздвигающихся белых дверях.

– Где это? – спрашиваю я Тримейна, переводя взгляд с символов на него.

Он достает первый скриншот, широко раскидывает руки, а потом сводит их вместе. Тот уменьшается, затем появлется сеть коридоров внутри огромного комплекса. В итоге перед нами вырастает целый кампус, и теперь мы смотрим на огромный каменный знак перед воротами.

Я вижу название, выгравированное на входе комплекса:

ЯПОНСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЙ

ИНСТИТУТ ТЕХНОЛОГИЙ

– Это компания?

– Да. Биотехническая компания. Думаю, что символ, который ты обнаружила, означает проект, которым занимается этот институт.

Я откидываюсь назад на сиденье.

– Ты говоришь, что, когда я увидела маленького Сасукэ в комнате с символом на рукаве, он был здесь? Как он вообще оказался в таком месте?

– А это не самое удивительное, – отвечает Тримейн. Он поднимает третий скриншот. На нем молодая японка стоит с командой коллег перед институтом. На всех одинаковые белые лабораторные халаты.

Я изучаю лицо женщины.

– Прежде чем уйти оттуда двенадцать лет назад, она работала в инновационном институте, – говорит Тримейн. – Это нейроученый, доктор Мина Танака. Мать Хидео и Сасукэ.

13

Я крепко зажмуриваюсь.

– Нет, – резко выдыхаю я. – Стой. Это не имеет смысла!

Лицо Тримейна не меняется.

– Знаю. Думал, может у тебя есть этому объяснение.

Должно быть, Джесси допустил ошибку. Или Тримейн. Потому что если это правда, то значит мать Хидео и Сасукэ работала на компанию, которая, судя по всему, держала Сасукэ в плену. Воспоминание о встрече с ней вспыхивает в моей голове: ее маленькая хрупкая из-за горя фигурка, огромные очки и теплая улыбка. Хидео обнимал ее, словно защищая.

– Не сходится, – настаиваю я. – Ты хочешь сказать, что мать Хидео как-то замешана в исчезновении Сасукэ? Она была убита горем после его исчезновения, и они с папой Хидео отчаянно искали Сасукэ. Она настолько обезумела, что не могла больше работать. То, что случилось, разрушило ее разум. Теперь она все время обо всем забывает. Я видела ее своими собственными глазами, когда мы встречались. Хидео показывал мне свои Воспоминания.

Тримейн наклоняется вперед и барабанит пальцами по столу.

– Может быть, она не знала, – отвечает он. – И Хидео скорее всего тоже ничего об этом не знал – он был слишком мал в то время. Воспоминания не всегда точны. Есть ли какая-то доступная информация о том, почему она ушла из компании? Произошло ли это из-за травмы после потери сына или из-за чего-то, что случилось в компании?

Вопросов становится все больше. Я вздыхаю и тру пальцами виски. Если Сасукэ был в этом институте, то как он туда попал?

– Эй.

Я смотрю сквозь пальцы на Хэмми, которая внимательно изучает фотографию матери Хидео с коллегами. Она указывает на мелкий список имен внизу фотографии.

– Дана Тейлор, доктор наук. Разве это не твоя Дана Тейлор, Эм? Та, что работает на Ноля?

Я рассматриваю фотографию, взгляд останавливается на знакомом лице.

– Это она, – вырывается у меня. Здесь она выглядит моложе, а в ее волосах нет седины, но задумчивый вид тот же.

Тейлор работала с матерью Хидео – с матерью Сасукэ. Повлиял ли этот факт на то, что Сасукэ стал Нолем? Как «Черные Плащи» связаны с компанией, в которой работала Мина?

Тримейн складывает руки на столе и хмурится. В его глазах

появляется страх – необычное для него чувство.

– Что-то не так, – бормочет он под нос.

– Ты расскажешь Хидео? – спрашивает Эшер в тишине.

Я мрачно смотрю на символ, все еще вращающийся перед нами. Я встречалась с Нолем, слышала, как он говорит, и вот еще одно подтверждение того, что случилось с Сасукэ.

– «Черные плащи» рассчитывают, что я вскоре свяжусь с Хидео, – наконец говорю я. – Он заслуживает узнать.

Эшер щелкает пальцами.

– Хидео пригласил некоторых из нас на официальную вечеринку в арт-холле, – говорит он. – Там должны поздравить нас с победой и извиниться за весь хаос вокруг чемпионата в этом году. Если ты пойдешь, то можешь поговорить с ним с глазу на глаз, там он, скорее всего, не рискнет пойти на крайности.

Частная встреча. Официальный банкет.

– Когда встреча? Где?

– Завтра вечером в Музее современного искусства.

– Но как мне попасть туда? Хидео уже точно включил меня в список тех, за кем стоит присматривать, и охрана будет поджидать меня.

– Не будет, если ты приедешь в машине «Всадников Феникса». Так ты попадешь за ворота. Но когда окажешься внутри, справляться придется самой.

От мысли, что я смогу увидеть Хидео завтра вечером, по моему телу разливается волна страха и предвкушения чего-то приятного. Это рискованно, но должно сработать.

– Ладно, – киваю я. – Давайте попробуем.

Джесси корчит гримасу.

– Если ты так же умна, как говорит Тримейн, то откажешься от этого прямо сейчас. Ты ввязываешься в проблемы, встаешь между двумя могущественными силами. – Он пожимает плечами и встает с дивана. – Мы в любом случае умываем руки. Вы никогда о нас не слышали. – Он показывает на Тримейна. – Теперь мы квиты. – Не сказав больше ни слова, он забрасывает рюкзак на плечо и выходит из караоке-зала. На мгновение слышится шум – крики, песни, смех. А потом дверь закрывается, снова погружая нас в немую тишину.

Тримейн ерзает на месте. Он секунду смотрит на Рошана, но потом поворачивается ко мне.

– Слушай, Эм, – говорит он. – Джесси правы. Дело становится все более грязным. Ты уверена, что хочешь продолжать копать?

До нас доносятся отдельные звуки с вечеринки, все еще гремящей рядом.

– Ты хочешь сказать, что я должна отступить? Оставить

«Черных Плащей»? Забыть про алгоритм?

– Что-то мне подсказывает, что история Сасукэ намного непригляднее, чем мы могли представить, – отвечает Тримейн. – Не знаю, но чувствую, что все связано. А ты нет? Это как инстинкт охотника за головами, когда просто знаешь, что ситуация ухудшится. Черт, ты уже стала целью – в тебя стреляли.

– Джэкс спасла меня от охотников, – отвечаю я, хотя воспоминания накрывает меня как черная туча.

– А что случится, когда она узнает, что ты действительно ищешь? «Черные Плащи» не кажутся всепрощающими.

– Ты тоже участвуешь в охоте, – говорю я. – Это ты раскапывал информацию.

– Никто за мной не гонится, – пожимает плечами Тримейн. – Мне неопасно совать везде свой нос.

Когда я впервые согласилась работать охотником за головами на Хидео, то рисковала только личностью, которую у меня могли украсть, и опасалась встретиться лицом к лицу с хакером в Warcross. Теперь же каким-то образом я оказалась в паутине секретов и лжи, и неправильный шаг в любом направлении может стоит мне жизни.

– Слишком поздно отступать. – Я откидываюсь на диван и смотрю на стеклянные двери. – Единственный выход – пройти через это все.

– Мы все выберем тот же выход, – я поворачиваюсь и вижу, что Рошан смотрит прямо на меня. – Ты не волк-одиночка, Эми. Если они постараются напасть на тебя, то им лучше бы сэкономить себе время, ведь надо будет разобраться и с нами. Ты «Всадник Феникса». Мы не просто команда.

Прямо сейчас я бы хотела, чтобы это было не так. Чтобы я все еще оставалась волком-одиночкой, чтобы только моя жизнь стояла на кону. Но я молчу. Возможно, потому что не верю собственным словам, и если мне предстоит попасть в опасную передрягу, лучше сражаться плечом к плечу с друзьями. Я слабо улыбаюсь Рошану и прижимаюсь к его плечу.

– К лучшему или худшему, – отвечаю я.

Губы Тримейна сжимаются, но он не кажется удивленным.

– Ну, я не «Всадник». Так что думаю сейчас мой черед уходить. – Он встает и выходит, не глядя на остальных.

* * *

Когда я выхожу в задний переулок комплекса, начинается затяжной дождь, делая улицы блестящими и мокрыми. Яркий

свет льется из комплекса с розовыми автоматами с атрибутикой Warcross. Где-то этажом выше гремит вечеринка, но в общем в переулке, перегороженном с обеих сторон, полная тишина.

Там стоит Тримейн. Он прислонился спиной к стене и ждет под навесом, когда дождь закончится. Он едва поворачивает голову, увидев меня, и снова смотрит на вход напротив нас. В неоновом свете его бледная кожа кажется голубой.

– Отправишься рапортовать «Черным Плащам»? – спрашивает он. – Ты в стольких командах, что я даже сбился со счета.

Я не обращаю внимания на его резкий тон. Между нами повисает пауза, затем я говорю:

– Я хотела поблагодарить тебя за то, что ты помог найти.

– Это работа охотников.

Я качаю головой.

– Ты не обязан был мне помогать. Это достаточно опасно и когда ввязывается один из нас.

– У тебя достаточно проблем. Не волнуйся из-за меня. – Он складывает ладони и пытается согреть их дыханием. – В любом случае, я сделал это не ради тебя.

– Тогда почему? Тебе ведь не заплатят за эту работу.

Он осматривает улицу.

– Рошан переживает за тебя, – наконец говорит он. – Он боится, что ты зашла слишком далеко, и кажется его подозрения обоснованы. Так что я пообещал ему, что присмотрю за тобой.

Забота моего товарища по команде, как бальзам на душу после последних стрессовых дней. Я еле сдерживаюсь, чтобы не развернуться и не побежать обратно к ним вместо того, чтобы направиться в объятия «Черных Плащей».

– Ты помог мне из-за Рошана?

– Он говорил, что ты привыкла действовать в одиночку во всем. Ты не попросишь помощи, даже если она тебе нужна. – Он поднимает руку, видя, что я хочу его прервать. – Эй, я не осуждаю тебя. Я же тоже охотник и все понимаю. – Он слабо улыбается. – Кроме того, мы ввязываемся в такое ради адреналина, не так ли? Не думаю, что когда-нибудь снова столкнусь с таким большим заговором.

Я улыбаюсь в ответ.

– Мне кажется, тебе все еще нравится Рошан. Даже после того, как ты ушел из «Всадников».

Тримейн пожимает плечами, пытаясь выглядеть беззаботным.

– Не-а. Я видел его с Кенто. Все нормально.

Мы оба стоим в тишине, наблюдая за постоянным потоком дождя.

– Он тебе когда-нибудь рассказывал, почему мы больше не

общаемся?

Я колеблюсь:

– Он сказал мне, что ты ушел из «Всадников Феникса» потому, что хотел быть в команде победителей, и это вызвало ваш разрыв.

Тримейн смеется. Он снова поворачивается ко мне и, видя замешательство на моем лице, взъерошивает свои волосы.

– Типичный Рошан, – бормочет он, больше себе самому. – Это его способ сказать, что он не хочет об этом говорить.

– Тогда что произошло?

Тримейн облокачивается затылком о стену и фокусирует взгляд на том месте, где поток воды стекает с навеса.

– Ты знаешь что-нибудь о семье Рошана?

Я качаю головой.

– Он никогда об этом не говорил.

Тримейн кивает, словно этого и ожидал.

– Его мама член британского парламента. Отец Рошана владеет одной из самых больших судоходных компаний в мире. Его брат женился на какой-то герцогине, а его сестра хирург. Его кузина связана с королевской семьей. А сам Рошан самый младший в семье, так что всего его балуют.

Я могла ожидать от Рошана многого, но не того, что он наследник известной семьи.

– Он совсем не ведет себя так. Он чемпион-игрок…

– Можно быть обоими. – Тримейн невесело улыбается мне.

Когда-то во время вечеринки церемонии открытия, разве не Макс Мартин дразнил Рошана из-за его “происхождения”? Тогда я подумала, что это из-за принадлежности Рошана к «Всадникам Феникса» или, может быть, из-за происхождения из бедной семьи – но это оказалось оскорблением, вызовом, который один богатый сынок бросил другому.

– Вот это да. – Других слов я не нахожу.

– А знаешь мое происхождение? – отвечает Тримейн. – Когда я был в начальной школе, моего папу арестовали за то, что он застрелил продавца из-за пятидесяти фунтов в кассе. Моя мама однажды пыталась меня продать, будучи под кайфом, и потратила все деньги на еще одну дозу. Единственная причина, по которой я смог попасть в Warcross, – местная команда набирала учеников, предложив оплачивать еду и проживание для детей с самым большим потенциалом. Мне удалось пройти отбор.

Я представила Тримейна маленьким мальчиком, таким же одиноким, как и я в том возрасте.

– Мне жаль.

– О, не надо смотреть на меня с жалостью. Я говорю тебе это

не ради очков сочувствия. Я просто знал, что ты меня поймешь. – Он неосознанно постукивает ногой по земле. – Все нормально. Я все равно люблю свою маму, она хорошо справляется в реабилитационной клинике, а я теперь чемпион Warcross с миллионами на счету. Но попробуй объяснить такое детство семье Рошана, что их любимый мальчик общается с кем-то вроде меня.

Тримейн слепо смотрит на мокрый тротуар.

– Я не хочу сказать, что Рошану всегда было легко. Но он чертовски умный, знаешь? Он овладел игрой в Warcross за год. На второй – попал в Wardraft. Людям он нравится сразу же, их притягивает его живой ум.

– Ты тоже умный.

Тримейн кривится.

– Нет. Я.… из тех, кому нужно весь год учиться, чтобы добиться того, что Рошан может запомнить, просто просмотрев материал за час до экзамена. Я не умел читать до шестого класса. – Он краснеет от такого признания. – Рошан был выбран первым во время Wardrafťa нашего года, когда мы оба еще были темными лошадками. Две команды боролись за него, ты это знаешь? Вот настоящая причина разрыва между «Всадниками» и «Бригадой Демонов». А это произошло, когда он только тренировался. Я был просто отстающим трудягой, которому повезло, когда Эшер выбрал его. Я обижался на Рошана из-за того, что он всегда оставался допоздна, чтобы помочь мне. И привязался к нему по той же причине.

– И ты начал с ним встречаться.

Тримейн колеблется.

– И я начал принимать таблетки, чтобы не отставать от остальных.

Я моргаю:

– Наркотики?

– Я начал с полтаблетки в день и не помню, когда перешел на по семь-восемь.

Я вспоминаю, что Тримейн резко ушел из Warcross прямо перед тем, как уйти из «Всадников Феникса». Каким худым он выглядел в тот год. Неужели все это произошло из-за таблеток?

– Как долго это продолжалось? – спрашиваю я.

– Около года.

– Рошан знал?

– Все знали, особенно после того, как я вырубился во время тренировки. Они пытались заставить меня прекратить. Эшер угрожал выкинуть меня из команды, если не остановлюсь. Но только когда я услышал разговор Рошана и его отца перед игрой,

то понял, что мы с ним – не одного поля ягоды. Отец похлопал его по плечу и сказал: “Мне жаль, сынок. Но чего ты ожидал? Это был лишь вопрос времени, когда он последует по стопам матери”. В итоге я подрался с другим игроком во время игры, и «Всадников Феникса» временно отстранили.

– Я помню, – бормочу я.

– Я не мог заснуть в ту ночь, – говорит Тримейн. – Знал, что собственными руками разрушаю свою команду. На следующий день я собрал вещи и ушел, не сказав ничего Эшеру и не попрощавшись с остальными. Рошан побежал за мной, спрашивая, куда, черт возьми, я собрался. – Он качает головой. – Я был так зол и мне было так стыдно, что я сказал, что общаюсь с другим за его спиной и что все между нами кончено. Так совпало, что Демоны как раз искали нового Архитектора и были только рады нагадить «Всадникам».

Я молча слушаю. Рошан никогда об этом не упоминал.

– Слушай, я не горжусь собой, понятно? – бормочет Тримейн. – Это не значит, что я думаю, что поступал правильно. Так просто произошло.

– И ты так и не объяснился с Рошаном? – спрашиваю я.

– Не смог заставить себя. А теперь кажется уже слишком поздно.

Я не могу не вспоминать, как сжимала голову в руках в ту ночь, когда вломилась в игру церемонии открытия Warcross, совершенно не осознавая, что мой мир изменится навсегда. Все стало потрясающим, а потом ужасным. Жизнь всегда такова: ты не знаешь, когда внезапно выйдешь с честью из сложившейся ситуации или когда снова вляпаешься в неприятности.

– Я не стану говорить, что никогда не поздно, – отвечаю я. – Но по своему опыту могу сказать, что сожалею именно о том, чего не сделала.

Дождь уже прекратился, и лужи в переулке превратились в гладкие зеркала. Тримейн засовывает руки в карманы и бросает на меня мимолетный взгляд. Какие бы слабые места он ни показал секунду назад, они исчезли под бесстрастным выражением на его лице.

– Итак, – говорит он бодро. – Шансов на то, что ты откажешься, нет?

Я качаю головой:

– Боюсь, нет.

– Ну, – он задерживаются еще на секунду, кивая в сторону главной улицы, – тогда нам нужно прекратить дурачиться в виртуальной реальности и направиться в институт самим.

Я бросаю на него быстрый взгляд.

– Что значит “нам”? Я думала, что ты выходишь из игры…

Он посылает мне сообщение, перед глазами появляется карта с мерцающим красным курсором, парящим где-то на северных окраинах Токио. Японский инновационный институт технологий. Сайтама-кен, Япония.

– Если ты собираешься продолжать, то думаю, я останусь с тобой. – Он показывает на карту. – Когда я пошел туда, то смог лишь снаружи осмотреть кампус. Но уверен, что можно найти гораздо больше за закрытыми дверями, чем на их серверах или входных воротах. Нам нужно будет отправиться туда ночью, когда не так много охраны.

Я смотрю на карту, пальцы покалывает. Вот где работала мать Хидео и где Сасукэ, возможно, провел свое детство. На карте это место не кажется особенным – обычное здание из стекла и стали в море тысяч таких же. Как может в одном месте храниться столько секретов?

– Тогда завтра ночью?

Я одариваю его слабой улыбкой.

– Договорились.

Тримейн направляется в переулок. Его эмоции снова под контролем, но вместо обычной ухмылки я вижу искреннюю улыбку.

– Скоро увидимся, принцесса Персик, – отвечает он. В этот раз прозвище звучит нежно. – И будь осторожнее.

* * *

Отель, где находятся «Черные Плащи», сегодня ночью тих, и я единственная, кто идет по его коридорам. Дверь идентифицирует меня и впускает в номер. Мой разум – водоворот сведений и вопросов. Что если институт замел следы? До церемонии закрытия осталось мало времени, а я все еще почти ничего знаю о Ноле.

В любом случае, где он был сегодня вечером?

Как только я закрываю дверь своего номера, понимаю – что-то не так. В воздухе ощущается слабый запах парфюма, лампа в дальнем углу комнаты включена.

– Возвращаешься так поздно? – спрашивает кто-то.

Я разворачиваюсь и вижу, что меня ждет Тейлор.

14

Я замираю, увидев ее силуэт, беззаботно сидящий в моем кресле, закинув одну ногу на другую. Слабый свет из окон создает на ней полосатый узор. Я чувствую ее изучающий взгляд. Она очень ухожена, волосы аккуратно зачесаны назад, а ее элегантная одежда монохромная, черного и серого цветов. Я понимаю, что неосознанно сравниваю ее с фотографией, на которой она стоит перед институтом.

– Мы слышали, что ты праздновала победу с «Всадниками Феникса» сегодня вечером, – говорит она. – Поздравляю твою бывшую команду.

Значит, Джэкс все-таки выследила меня. Я подавляю желание оглядеться, чтобы посмотреть, стоит ли она здесь прямо сейчас, где я ее не заметила.

– Мне не нужно, чтобы вы сопровождали меня по всему городу.

Тейлор с мягким стуком ставит на ковер обе ноги и слегка наклоняется вперед, упершись локтями в колени. Ее взгляд встречается с моим.

– Где ты была?

Она не верит мне.

– Я занималась миссией, которую мне поручили вы и Ноль, – отвечаю я спокойно. – Найти способ связаться с Хидео. Вы ведь этого хотите, не так ли?

Она хмурится.

– И тебе удалось чего-то добиться?

Я делаю глубокий вздох.

– «Всадники» разрешат мне присутствовать на их личной встрече с Хидео завтра.

– Неужели? – Брови Тейлор удивленно взлетают. – Может, ты и правда так хороша, как говорит Ноль.

– Я всегда отрабатываю свою зарплату.

– И это все, чем ты занималась сегодня вечером?

Вот тот самый вопрос, который она действительно хотела мне задать и почему она ждала меня в моей комнате. *И будь осторожнее*. Предупреждение Тримейна снова всплывает в моей голове

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что кто-то получил сегодня доступ к базе данных изображений «Черных Плащей», и это не кто-то из нас. – Она изучает меня. – Хотелось бы понять, знаешь ли ты что-нибудь об этом.

База данных изображений. Японский инновационный институт технологий. Мое сердце подпрыгивает к горлу. Тримейн копался в базе данных корпорации. Я вспоминаю карты, которые он показал мне, внутреннюю часть здания. Говорит ли Тейлор о нем? А что, если он случайно оставил след? Знает ли она, что он забрал?

Не паникуй, говорю я себе.

– Это не могла быть я, – отвечаю я. – Я только встречалась с «Всадниками Феникса» после вечерней игры и разговаривала с ними. Никакого скачивания информации, никаких взломов.

Она смотрит на меня, но я молчу. В уголках ее глаз появляются морщинки, пока она задумчиво разглядывает меня. Проходит несколько долгих минут.

А потом ее взгляд смягчается, и она расслабляет плечи.

– Если бы Ноль подозревал тебя во взломе наших файлов, он бы уже сам был здесь, допрашивая тебя, и не был бы столь вежливым.

От одной мысли об этом по коже пробегает холодок.

– Так почему здесь вы, а не он?

– Я здесь, чтобы предупредить тебя, – отвечает она, бросая на меня обеспокоенный взгляд. – Ты же не хочешь совсем запутаться.

– Но я ничего не сделала.

Она сомневается, долго молчит, потом откашливается:

– Сколько тебе было лет, когда ты впервые начала охотиться за головами? – наконец спрашивает она.

– Шестнадцать.

Она качает головой.

– Я была молода, когда пошла на первую работу. Тогда мы жили в Эстонии, и мой отец отмывал деньги, используя аптеку как прикрытие. Наркотики.

Я внимательно за ней наблюдаю. Меня не должно удивлять, что у нее и раньше были связи с нелегальным миром, учитывая, что она работает на «Черных Плащей», но на моем лице очевидно написано недоумение от ее ответа. Она издает смешок.

– Это удивляет тебя? Я не похожа на такую, верно? – Она опускает взгляд. – Я была умна для своего возраста и могла повторять фразы, слово в слово, так что мой отец начал отправлять меня с посланиями. – Она взмахивает рукой, изображая движение вправо-влево. – Никто не хочет, чтобы цифровые сообщения остались в телефонах и могли подставить тебя. Я передавала то, что мне сказали, и забывала, как только произнесла. Отец сказал мне, что у меня хорошая память. Что это пригодится для вранья. – Она пожимает плечами. – Но он был в этом не так хорош, как я.

Я откашливаюсь:

– Почему вы так говорите?

– Однажды я пришла домой и нашла его на полу с перерезанным горлом, кровь впиталась в наши ковры. Запах железа до сих пор преследует меня. – Ее губы кривятся, словно она раскусила что-то горькое.

Я дрожу.

– Позже я узнала, что к нему пришел клиент, а он пытался солгать. Клиент ему не поверил.

Я сглатываю. Тейлор не смотрит на меня и продолжает:

– После этого я только и думала, как настроены «провода» в моем мозгу. Они перестают работать, как только твое тело умирает. Я просыпалась в холодном поту посреди ночи, когда мне снилось, что я жива, а в следующее мгновение уже мертва.

На мой взгляд, ее слова звучат, как слова нейроученого, завороженного внутренней работой мозга. Переехала ли она в Японию, чтобы работать в институте? Я пытаюсь представить ее ребенком с большими глазами и прямыми невинными бровями. Мысль о том, что ложь так часто сходила ей с рук, не кажется невероятной.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спрашиваю я.

– Я могла убедить себя во лжи так хорошо, что начинала искренне в нее верить. Знаешь, как это называется? Самообман, Эмика. Лгать легче, когда ты не думаешь, что это вранье. Мой отец сказал, что хотел бы иметь мою способность верить всем сердцем в то, что не является правдой, потому что если ты можешь поверить во что угодно, то можешь поверить и в свое счастье. Вот почему я жива, а он мертв. Потому что мой мозг смог соединить эти провода, а его – нет. – Она наклоняется вперед, серьезно глядя на меня. – Возможно, и ты так умеешь. Убеждена, это полезный навык для охотника за головами.

Не паникуй.

– Я не вру вам, – говорю я в этот раз уверенным голосом. – Я не взламывала базы данных «Черных Плащей» – я даже не знаю, где их искать.

– Тогда тебе не о чем беспокоиться, – соглашается Тейлор.

Ее голос кажется искренним, но я остаюсь настороже, ожидая, когда она сделает неожиданный выпад.

Над чем ты работала в институте? И что именно ты делаешь для «Черных Плащей»?

– Надеюсь, ты понимаешь, насколько важна твоя роль. – Тейлор кивает мне, затем поднимается с кресла и поправляет блузку. Она указывает в сторону фонарей за окном.

– Посмотри.

Две новые виртуальные фигуры появляются под каждым столбом, которые сопровождают одновременно радостные и неодобрительные крики фанатов. Я сразу же узнаю свои радужные волосы.

ИВО ЭРИККСОН, ШВЕЦИЯ | «АНДРОМЕДА»
ЭМИКА ЧЕН, США| «ВСАДНИКИ ФЕНИКСА»

В то же время прямо перед моими глазами выскакивает сообщение:

Поздравляем, ЭМИКА ЧЕН!
Вы попали
В ТОП-10 ИГРОКОВ
ЧЕМПИОНАТА WARCROSS VIII

Тейлор улыбается, видя замешательство на моем лице.

– Ты пока что единственная, чье имя добавили в список, – говорит она. – Впечатляюще. – Она произносит это так тихо, чтобы только я услышала.

– Я не стану рассказывать Нолю о нашем разговоре, но пусть это будет последний раз, когда нам приходится это обсуждать. Думаю, ради своих фанатов ты должна хорошо выступить на церемонии закрытия.

Тейлор уходит, а я остаюсь наедине со всеми своими вопросами.

15

ТРИ ДНЯ ДО ЦЕРЕМОНИИ ЗАКРЫТИЯ WARCROSS

Во время нескольких часов сна я вижу кошмары: себя на арене; женщину, сидящую в моем кресле; девушку с короткими серебряными волосами, направляющую на меня пистолет; Хидео, прижимающего меня к себе в стеклянной спальне. Мне снится, как Тримейн облокачивается о стену инновационного института и наблюдает за дождем.

Я просыпаюсь. Тримейн стоит там и не подозревает, что кто-то наблюдает за ним в тени. Я подскакиваю в постели, бормочу его имя, напрасно пытаясь предупредить.

Ко времени встречи с «Всадниками» в квартире Эшера я чувствую себя выжатой как лимон, под глазами залегли темные круги. Про себя радуюсь, что мероприятие, на которое я собираюсь, требует макияжа и официального костюма, так что мне не придется показываться там, похожей на привидение.

Эшер открывает дверь.

– Выглядишь ужасно, – говорит он, облокачиваясь на подлокотник коляски.

– Ты тоже, – отвечаю я.

Он одаривает меня улыбкой, прежде чем пригласить внутрь.

– Ну, Хэмми что-нибудь с этим сделает.

Хэмми уже ждет меня. Она берет меня за руку, ведет в спальню Эшера, запирает дверь и тянет меня к шкафу. Я оказываюсь перед вешалкой с платьями.

– Я тут прошлась по магазинам, – говорит она, прикладывая ко мне одно из платьев. Она закрывает один глаз: – Вроде твой размер.

Я молча снимаю свою одежду и надеваю первое платье из мерцающей ткани. Это Givenchy.

Хэмми задумчиво изучает меня.

– Немного странно сидит вот здесь, – говорит она, похлопывая меня по плечу. Потом поворачивается, чтобы взять другое платье. – Давай попробуем Giambattista Valli.

Она протягивает мне красивое платье цвета розового шампанского с пушистой пышной юбкой. Я смотрю на себя, утопающую в слоях тюля, и представляю, каково это будет снова увидеть Хидео вживую.

– Возможно, это плохая идея, – начинаю говорить я.

– М-м-м, ты права, – громко размышляет Хэмми, вешая платье на вешалку. – Слишком пышная юбка. Как насчет Dior?

– Нет, я имею в виду… – Я делаю глубокий вздох и закрываю

глаза. – Хидео. Это плохо кончится.

Хэмми замирает с бальным платьем с черно-белым принтом в руках.

– Ты боишься снова увидеться с ним?

Я встречаюсь с глазами Хэмми в зеркале.

– Ты не видела его, когда мы в последний раз разговаривали. Он не станет меня слушать. Скорее всего отправит своих телохранителей, как только узнает, что я на вечеринке.

Хэмми этого не отрицает, и я почти благодарна ей за то, что она не пытается утешить меня ложью.

– Слушай, – отвечает она вместо этого. – Один раз мои мама и папа поссорились перед Новым годом. Не помню из-за чего, кажется, не могли решить, кто должен идти гулять с собакой… В общем, по глупости. Оба решили пойти отдельно друг от друга на новогоднюю вечеринку друзей. Я пошла с папой. Когда мы туда добрались, отец увидел маму в самом прекрасном серебряном платье, которое я когда-либо видела в своей жизни. Знаешь, что он сделал? Он подошел прямо к ней, извинился, и они целовались, целовались, целовались… Это было отвратительно.

Я награждаю Хэмми уничтожающим взглядом.

– Это другое. Твои родители любят друг друга. И они не ссорились из-за того, что твой папа хочет контролировать мир.

Хэмми беспечно отмахивается:

– Это детали. Я просто хочу сказать: думаешь, это *ты* не забыла Хидео? Он сходит с ума по тебе. Ты слышала, как Кенн об этом говорил. Даже Ноль знает. А теперь девушка, которую он не может выкинуть из головы, появится прямо перед ним без предупреждения в потрясающем платье. Ты снесешь ему башку.

– Ну, я рада, что хоть кто-то из нас так думает. – Я натягиваю новое платье и поправляю бретельки. Сидит как влитое. У него глубокий вырез на спине и длинная юбка, идеально заканчивающаяся у моих ступней. – Не думаю, что непредсказуемость – хорошая идея в случае с Хидео.

– Ты была непредсказуемой с того момента, как вломилась в игру. – Хэмми отступает, восхищаясь прямым кроем платья. – Если он не удостоит тебя даже взглядом, увидев в таком наряде, то у него нет души. Тогда можешь надрать ему задницу.

Мы замираем, заслышав стук в дверь. Хэмми отвечает, что мы готовы, и открывает дверь: Рошан стоит в проходе. Он оглядывает меня с одобрением.

– Машина приехала, – говорит он.

– Дай нам секунду, – отвечает Хэмми. – Я сделаю ей прическу и макияж.

Мир висит на волоске, и все равно «Всадники» ведут себя так,

как будто я просто готовлюсь к вечеринке. Я чувствую, как меня захлестывает волна благодарности.

– Хидео поймет, что вы все мне помогали, – говорю я Рошану.

– Тебе не нужно волноваться из-за нас, – отвечает он. Его спокойный взгляд встречается с моим. – Просто будь осторожна.

Я закрываю глаза, когда Хэмми начинает наносить блестящие тени мне на веки. Ну и пусть. История Тримейна об их прошлом все еще свежа в моей памяти, и взглянув на лицо ничего не подозревающего Рошана, я чувствую боль в груди.

Наконец я готова. Выходя из дома, я слышу, как Хэмми в последний раз кричит мне «Удачи!». А потом сажусь в машину.

Всю поездку я сижу, сцепив руки на коленях, потерявшись в шелковых складках юбки. За окном проносятся небоскребы, между которыми зажаты небольшие храмы, а за ними виднеются сады и большой парк. Солнце уже садится, на улицах зажигается все больше неоновых ламп. Проезжая вдоль реки, в которой отражается поезд метро на противоположном берегу, я вижу забитый пассажирами вагон. Многие из них одеты в виртуальные костюмы Warcross.

Я и так очень волнуюсь, поэтому заставляю себя отвернуться и сосредоточиться на том, чтобы надеть на себя случайно созданное лицо. Мои радужные волосы превращаются в блестящие темно-каштановые локоны, а глаза становятся бледно-карими. Увидев свое отражение в зеркале заднего вида, я сама себя не узнаю.

Мне не нужно много рассказывать ему сегодня вечером, напоминаю я себе. Сейчас необходимо просто убедить «Черные Плащи», что мне удается приблизиться к Хидео. Надо, чтобы Хидео согласился встретиться со мной наедине, и я могла спокойно поговорить с ним.

Он сходит по тебе с ума. Я пытаюсь повторять про себя успокаивающие слова Хэмми. Но поверить в это сложнее, когда ее нет рядом.

Такое впечатление, что поездка длится вечно и в то же время один миг. Главный вход Музея современного искусства Токио сегодня закрыт, там стоит охрана, но машина поворачивает к маленькому боковому входу, ведущему через парк. Мы едем по извивающейся дорожке и останавливаемся сбоку здания. Здесь намного тише, перед нами стоит всего парочка черных автомобилей. Я задерживаю дыхание, когда мы добираемся до начала ряда. Здесь машина останавливается у входа, дверца открывается.

– Хорошего вечера. Снова поздравляем вашу команду с победой.

– Спасибо, – бормочу я и, прежде чем выйти, поправляю платье.

Все гости одеты в изысканные костюмы. На некоторых полумаски, украшенные перьями и драгоценными камнями, а другие держат у лица изящные веера кремового цвета. Я останавливаюсь на мгновение, чувствуя себя и уязвимой, и невидимой. Слава небесам, Хэмми заставила меня выбрать такое элегантное платье, иначе я бы выделялась в толпе.

Зал после главного входа в музей – парящий коридор из стекла и металла, огромные треугольники прорезаны стальными кругами. Гигантские стеклянные панели – это экраны, и когда я прохожу мимо них, «НейроЛинк» воссоздает сцены из миров чемпионата этого года. Я узнаю мир матча-реванша, облачные равнины и утесы, а потом ледяной мир моей первой официальной игры. Я останавливаюсь на мгновение перед панелью, где показывают зловещие подводные руины, в которых мы играли в третьем раунде. В этом мире Ноль вломился в мой аккаунт и сделал свое предложение.

Повсюду вокруг меня представители элиты собираются вместе, вежливо смеются и ведут светские разговоры, которые я не могу понять. Я вижу дам, обвешанных драгоценностями, мужчин в идеально сшитых костюмах и смокингах. Эшер сказал, что здесь собираются сливки общества, миллиардеры и филантропы, с которыми все время пересекаются пути Хидео.

А потом я наконец дохожу до конца зала и замечаю того, кого искала.

Все мышцы в моем теле напрягаются. Хидео стоит там с маленьким кругом телохранителей, одетых в одинаковые черные костюмы. Он увлечен разговором с несколькими гостями. Мари тоже здесь, в серебряном платье с длинными рукавами и тонким прозрачным шлейфом. К Хидео наклоняется девушка моего возраста, смеясь над тем, что он только что сказал. Я пытаюсь не обращать внимания на то, как она красива. Еще несколько дам и бизнесменов ждут в стороне шанса поговорить с ним.

По крайней мере, Эшер был прав по поводу обстановки: если Хидео увидит меня здесь, то не захочет устраивать сцену. На чемпионате этого года и так было достаточно нарушений, к тому же здесь слишком много представителей элиты. Но если он не хочет, чтобы *я* устраивала сцену, то ему придется поговорить со мной.

Пока я наблюдаю, как он вежливо отвечает на вопросы девушки, начинаю понемногу растворять свое анонимное виртуальное лицо, наложенное на мое собственное, так, чтобы только Хидео мог увидеть его. А потом иду вперед, передо мной

остаются лишь он и девушка.

Он бросает взгляд в моем направлении. И замирает. Его отстраненное выражение лица исчезает, и на мгновение я вижу лишь шок.

Девушка касается его руки, смотрит в мою сторону и хмурится в замешательстве. Ей я кажусь незнакомкой.

– Кто это, Хидео? – нервно смеется она.

Один из телохранителей должно быть почувствовал внезапное изменение в поведении Хидео, потому что я вижу, как его рука тянется к пистолету. Мысленно я собираюсь с силами. Я сделала ошибку, недооценив масштаб мероприятия – Хидео позволит своему телохранителю избавиться от меня, ему не страшно устроить здесь сцену, какие бы могущественные люди ни собрались на вечеринке.

Но потом Хидео предупреждающе поднимает руку. Он встречается с охранником глазами и качает головой.

– Простите, – говорит он девушке, а потом подходит ко мне и вежливо кивает.

– Прошло много времени с тех пор, как я видел тебя в последний раз, – говорит он. Хидео берет меня за руку и прижимает ее к своим губам. Девушка, с которой он только что был, задерживает дыхание и быстро обменивается взглядом с подругой. Разговор вокруг нас затихает.

Должно быть его разум сейчас бушует. Должно быть, он гадает, как я здесь оказалась, приехали ли «Всадники Феникса» и каковы мои планы.

Со стороны, однако, я просто улыбаюсь и делаю вид, словно все хорошо.

– Ну, это моя вина или твоя?

Он быстро поворачивается к гостям, которые уставились на нас с очевидным интересом.

– Приношу свои извинения, – говорит он. Его взгляд перескакивает на телохранителей. – Оставайтесь здесь. Я ненадолго. – Не дожидаясь их ответов, он поворачивается и кладет руку мне на талию. Я пытаюсь игнорировать ощущение, что единственное, что нас разделяет – шелковая ткань моего платья.

Его лицо выглядит уставшим, и я задаюсь вопросом, узнал ли он что-то новое об ошибке в алгоритме с тех пор, как я подслушала его разговор. Кажется, он мне не верит, но по какой-то причине ведет меня через зал. Мы попадаем внутрь музея, откуда один из коридоров приводит нас во дворик.

В ночном воздухе ощущается легкий холодок, и здесь прогуливается всего пара гостей. Вдоль уходящего в вечернее

небо строения высажены деревья. Другие арт-инсталляции посвящены Warcross. 3D-скульптуры образуют логотип игры с одного угла зрения, а с другого напоминают артефакты, виртуальные объекты или костюмы официальных игроков.

Другой арт-объект – изображение различных миров, использованных в чемпионате этого года: ряд белых многоугольников, представляющих ледяные колонны «Белого мира», в котором я играла; арт-руины города, заключенного в гигантский стеклянный куб, выкрашенный в болотно-зеленый цвет. Еще одна инсталляция – настоящая ода виртуальным мирам Warcross: десятки гигантских круглых фонарей посылают в небо цветной луч. Тихо играет оркестр. Мелодия меняется в зависимости от цвета колонн.

Все кажется таким мирным, если бы не причина, по которой мы здесь.

Теперь Хидео подводит меня ближе к одной из световых инсталляций. Голубые и желтые лучи отбрасывают свет на его кожу.

– Куда мы идем?

Взгляд Хидео темнеет.

– Я вывожу тебя отсюда, – говорит он тихим голосом.

Меня не удивляют, но все равно задевают его слова. Он не задумывается над тем, что мне явно помогли «Всадники» или что я здесь, чтобы навредить ему. Просто смотрит на меня, словно я его дальняя знакомая, которую он уже забыл. Я чувствую, как вспыхивают румянцем щеки, а сердцебиение ускоряется. Глупо переживать из-за него, но я не могу справиться с этим уколом и начинаю думать, что все время понимала его неправильно.

Только если он не боится моего присутствия здесь. Может быть, он боится, что меня отправили за ним. И он прав.

– Пожалуйста, – отвечаю я, прежде чем успеваю обдумать свои слова. – Просто выслушай меня. Я здесь не для того, чтобы спорить. У нас обоих нет на это времени.

– Что ты делаешь тут, Эмика? – говорит Хидео, вздыхая. Он бросает взгляд на яркий зал музея. В его сердитом взгляде чувствуется нетерпение.

Я сглатываю и ступаю на одну из световых колонн. Желтый свет подсвечивает все вокруг меня, а музыка становится бодрее. Хидео следует за мной.

– Я обнаружила кое-что, о чем ты должен знать. – Мои слова закрыты от любопытных ушей музыкой. Со стороны кажется, что мы – два человека, наслаждающихся арт-инсталляцией.

Я задерживаю дыхание, готовясь к тому, что Хидео вызовет телохранителей. Он этого не делает, изучая выражение моего

лица, словно пытаясь понять, что я скажу дальше.

– Рассказывай, – говорит он.

Я ступаю в колонну другого цвета. В этот раз меня окрашивает в голубой цвет, а музыка становится более мрачной. Слова вертятся на кончике языка. *Ноль твой брат. Тот самый хакер, которого мы выслеживали во время чемпионата.*

Когда он узнает, пути назад не будет.

– Я лучше тебе покажу, – отвечаю я.

И потом загружаю изображение Ноля без доспехов, с открытым лицом. Изображение парит между нами.

Такое впечатление, что я ударила Хидео в грудь. Он не двигается, не дышит, не моргает. Все краски уходят с его лица. В голубом свете его кожа зловещее подсвечивается, а глаза похожи на два черных шарика. Он сжимает губы. Когда я опускаю взгляд, то вижу: он так сильно сжал кулаки, что его побитые костяшки побелели.

Он изучает лицо Сасукэ, так похожее на его собственное. Возможно, прикидывает в уме список того, чем они похожи, или пытается соотнести эти черты лица с детскими воспоминаниями о брате. Он словно рисует новое изображение в своей голове.

А потом его глаза потухают. Что бы он ни думал о фотографии, недоверие в нем одерживает верх. Хидео поворачивается ко мне.

– Это подделка. Ты мне врешь.

– Я никогда не была так честна. – Я пытаюсь говорить спокойно и не отключать изображение.

Он выпрямляется и отступает, оказавшись наполовину в колонне красного света.

– Фотография ненастоящая. Это не он.

– Она настоящая. Клянусь своей жизнью.

Злость на его лице заметнее с каждой секундой и поглощает ту его часть, что поверила мне. Но я все равно остаюсь на месте, впиваясь ногтями в ладони.

– Я встречалась с твоим братом. – Я присоединяюсь к нему в красном свете и продолжаю говорить, медленнее и настойчивее: – Я пока немного о нем знаю и не могу рассказать тебе все здесь. Но я видела его собственными глазами, лично с ним разговаривала. Ноль твой брат.

– Это ловушка.

Я слышу крошечный намек сомнения в его голосе, а затем между нами повисает долгая пауза, и я начинаю понимать, что смогу до него достучаться.

– Это не так. – Я качаю головой. – Разве изначально ты не нанял меня охотиться за людьми, которых ищешь? Это я и делаю.

– Только вот ты больше на меня не работаешь. – В его взгляде бушует огонь, но за ним я вижу страх. – Между нами нет ничего, что могло бы заставить тебя открыть мне правду, только если ты не ждешь чего-то взамен. Так что это, Эмика? Чего ты хочешь?

Он читает меня лучше, чем я думала. Хидео полагает, раз он поступил так со мной, то и я сделаю то же самое. Один раз я сказала ему, что приду за ним, и он не забыл мои слова.

– Я не охочусь за тобой, – говорю я. – А пытаюсь рассказать тебе правду.

– На кого ты работаешь? – Теперь он подходит ближе, напряженно вглядываясь в меня. – Это Ноль? Кто-то отправил тебя?

Он перескакивает вперед, догадываясь о слишком многом. На мгновение мне кажется, что я вернулась в момент нашей первой встречи, когда мне нужно было выдержать его взгляд и доказать, чего я сто`ю.

– Здесь небезопасно. – Мой голос не дрожит под его пристальным взглядом, я не отворачиваюсь. – Мне нужно поговорить с тобой наедине. Пока я не могу сказать тебе большего.

Лицо Хидео вновь стало непроницаемым. Вспоминает ли он каждую деталь того дня, когда пропал Сасукэ, каждое полное боли мгновение, которое он пережил после этого. Или может пытается разобраться с этой ситуацией, решить, подстраиваю ли я ему ловушку или нет.

– Не я предала наше доверие, – мягко продолжаю я. – Я всегда говорила тебе правду, честно работала на тебя. А ты мне соврал.

– Ты хорошо знаешь, почему мне пришлось это сделать.

Теперь во мне вспыхивает злость из-за его упрямства.

– Зачем ты тогда продолжал со мной общаться? – резко спрашиваю я, заводясь с каждым словом. – Ты мог бы просто отстраниться или нанять кого-то другого. Ты мог бы оставить меня в покое вместо того, чтобы обманывать.

– Поверь, я ни о чем другом так не жалею, – огрызается в ответ Хидео.

Его слова поражают меня, и я забываю свой подготовленный ответ. Кажется, что и он не был готов сказать это. Он отворачивается от меня, снова рассматривая зал музея, откуда раздается смех. Этот звук эхом доносится до нас.

Я предпринимаю еще одну попытку:

– Переживаешь ли ты за своего брата, так сильно, что готов поверить мне? – наконец спрашиваю я. – Ты все еще любишь Сасукэ?

Я никогда раньше не произносила имя его брата вслух. Вот что наконец заставляет его щит треснуть. Он вздрагивает от моих слов. На мгновение я вижу Хидео маленьким мальчиком, его страх, когда он понимает, что брат больше не в парке. Он провел столько лет, возводя защиту, которую теперь я прорываю простым вопросом. Заставляю вернуться в настоящее.

Секунду мне кажется, что Хидео снова откажется. Что я просчиталась в своих планах по поводу него и «Черных Плащей», что переоценила свои возможности контролировать ситуацию. Это слишком большое препятствие для меня.

Хидео поворачивается ко мне. Он чуть склоняется, так что наши силуэты почти касаются друг друга.

– Завтра, – говорит он тихим голосом. – В полночь.

16

К тому времени, как я возвращаюсь в отель, в соседнем районе начинается парад-маскарад. Косплееры переместились с улицы Такэсита района Хараюку в Омотэсандо. Повсюду гуляют люди в самых невероятных настоящих и виртуальных костюмах, а у входов в магазины собираются толпы зевак. Улицы подсвечиваются виртуальными неоновыми лампами, переливающимися цветами разных команд, что вызывает бурю оваций у фанатов. Присмотревшись, я вижу, что большинство косплееров одеты в костюмы команд чемпионата этого года.

Я рассматриваю их красочную одежду из окна. Затем спешу снять платье и натянуть черные джинсы и свитер. На руки – черные перчатки, на ноги – чистые носки и кроссовки. Засовываю пару узких ножей в ботинки и набиваю рюкзак привычным снаряжением, среди которого гарпун, наручники и электрошокер. Наконец загружаю случайный аватар и натягиваю маску на нижнюю половину лица.

Может, теперь я и работаю с лучшей командой, но традиционный ритуал и вес старых инструментов успокаивают меня и убеждают, что я действительно знаю, что, черт возьми, делаю. Слова Хидео все еще не выходят из моей головы.

Он выглядел так, словно я вырвала сердце из его груди.

Поверь, я ни о чем другом так не жалел.

Я хмурюсь и туже завязываю шнурки. Я никогда не была виновата перед ним, и он это знает. От встречи с ним у меня кружится голова, бушуют эмоции.

Размышления прерывает сообщение от Ноля. Я вздрагиваю в темноте и поднимаю взгляд, почти ожидая увидеть, что он стоит посреди моей комнаты.

Как прошла встреча с Хидео?

– У меня получилось договориться с ним о личной встрече, – шепчу я в ответ, мой ответ набирается в воздухе и отправляются ему.

Когда?

– Завтра ночью. Встреча будет личной.

Следует пауза. Подслушал ли он или Джэкс каким-то образом мой разговор и теперь проверяет, скажу ли я ему правду.

Постарайся, чтобы это было не зря.

За окном раздается громкий рев толпы, улицы окрашиваются в красный и золотой – цвета «Всадников Феникса». Машины, проезжающие мимо, сигналят в поддержку.

Так и будет.

Больше сообщений от него нет.

Я жду еще какое-то время, а потом достаю карту инновационного института. Нажимаю на профиль Тримейна, чтобы отправить ему сообщение.

– Привет, – бормочу я, наблюдая, как мои слова появляются перед глазами. – Все в силе сегодня ночью?

Я жду ответ. На его стороне какие-то помехи, но он не отвечает. Я просматриваю его профиль. Он все еще онлайн – аккаунт горит зеленым.

Эй.

Я снова пишу.

Блэкборн, проснись.

Может быть, соединение плохое. Или он больше не хочет со мной разговаривать, особенно после того, как излил мне душу вчера вечером. Я снимаю скейтборд с зарядки, пытаясь не раздумывать над другими причинами, по которым он может не отвечать.

Когда после еще нескольких сообщений Тримейн все еще молчит, я встаю и беру свой борд. Пойти к институту без Тримейна, наверное, плохая идея, особенно после разговора

с Тейлор. По крайней мере, я предоставила «Черным плащам» кое-какую информацию. Это должно убедить их, что я делаю свою работу. Но если я собираюсь завтра встретиться с Хидео, любую дополнительные сведения о Сасукэ я должна найти сегодня ночью.

Мое время на исходе.

* * *

Я не выхожу из отеля через главный вход. Если Джэкс наблюдает за мной, то она ожидает, что я выйду именно там. Поэтому я достаю свой старый гарпун из рюкзака, цепляю его за перила балкона, а потом перелажу через карниз и спрыгиваю.

Ветер развевают мои волосы. Со стороны любой увидит лишь тень, двигающуюся вдоль комплекса. Я дрожу от холода, пока гарпун спускает меня вниз и останавливается на высоте первого этажа.

Я отцепляю кабель и падаю на землю. А потом отправлюсь на электрическом скейтборде по направлению к институту.

Впервые за последнее время я спускаюсь в первую попавшуюся станцию метро. Несмотря на позднюю ночь, там полно народу. Продавцы, раздраженные тем, что бесконечные праздники тормозят все передвижения по городу, проталкиваются к выходу, едва глядя на меня. Ретивые фанаты впихиваются в вагоны поезда, пытаясь добраться до какой-нибудь вечеринки или уличной игры Warcross в городе. Киоски с раменом и пекарни на станциях тоже переполнены людьми. Вокруг элитных бутиков толпятся покупатели в поисках сумок, поясов и ботинок чемпионата из ограниченной серии, которые исчезнут, как только закончится сезон Warcross. Рядом с рекламными постерами на станции появляются виртуальные фигуры еще двух топ-игроков, выбранных для церемонии закрытия.

АБЕНИ ЛИА, КЕНИЯ | «ТИТАНЫ»
ТРЕЙ КАЙЛЕО, США | «ЗИМНИЕ ДРАКОНЫ»

Я задерживаю дыхание и стараюсь потеряться в толпе, надеясь, что никто не узнает меня за моей маскировкой. В давке вагона нас всех прижимает друг к другу. Я проезжаю по нескольким линиям метро, пока не чувствую, что и сама не смогу найти себя посреди всего этого хаоса. Если у Джэкс получится догнать меня, то, надеюсь, это займет у нее достаточно много времени, чтобы я успела осмотреть институт.

Полчаса спустя я выхожу на более темные и тихие улицы на

окраине Токио. Здесь лишь названия зданий, написанные едва заметными белыми буквами – «Дом Карри», «Пекарня», «Прачечная» – номер квартала, в котором я сейчас нахожусь, а потом ряд неприметных табличек на домах. Квартиры 14-5-3. Квартиры 16-6-2.

Я тихо еду на борде по дороге, как вдруг дома резко исчезают. Мощная каменная стена окружает следующий квартал, заканчиваясь постом охраны и опущенным шлагбаумом. Я останавливаюсь прямо перед ними. Там, над лужайками и фонтанами возвышается огромный офисный комплекс, главный атриум которого целиком сделан из стекла.

Мой взгляд останавливается на названии, выгравированном на камне прямо за шлагбаумом, таким же, как Тримейн показал на фотографии.

ЯПОНСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЙ

ИНСТИТУТ ТЕХНОЛОГИЙ

Стоянка не пустует. Я замечаю несколько черных машин, припаркованных в одном углу.

Волосы у меня встают дыбом. Вполне вероятно, что некоторые люди просто работают допоздна, но что-то напоминает мне об автомобиле, в котором я ехала с Джэкс к «Черным Плащам». Возможно Тримейн здесь. Подумав о нем, я еще раз проверяю сообщения. Он все еще онлайн, но пока не отвечал мне.

Я колеблюсь еще секунду, затем натягиваю капюшон, включаю новую подборку случайных лиц и протискиваюсь мимо шлагбаума.

Главный вход, конечно же, закрыт. Снаружи сложно понять, что находится за стеклянным атриумом – он возносится по крайней мере на три-четыре этажа, внутри везде горит тусклый свет. Все здание закрыто на ночь. Я снова бросаю задумчивый взгляд на машины, а потом иду прочь от главного входа вдоль стены здания.

Я обхожу весь комплекс, высматривая удобный способ пробраться внутрь, но все закрыто, никаких изъянов в охранной системе не видно. Сажусь возле кустов с одной стороны здания и снова достаю карту Тримейна. Вдруг в охране есть слабое место, которое я пропустила. Потом проверяю, есть у комплекса онлайн-система и можно ли ее взломать. Когда-то я проникла в закрытый

бутик на Манхэттене, обойдя их камеры с помощью простейших паролей. Но здесь я не нахожу ничего.

Зачем нужно было приезжать сюда, если я все равно не могу попасть внутрь? Я вздыхаю, второй раз обследую здание по периметру в поисках каких-нибудь зацепок. Здесь несколько связанных между собой зданий: крыло физики, крыло нейроинформатики, технический научно-исследовательский центр и несколько кафе. Вся информация не новая – я все это видела, когда изучала институт в интернете.

Я собираюсь возвращаться, когда внезапно слышу тихий звук шагов.

Впереди меня одна из стеклянных дверей бокового входа отодвигается – выходит Джэкс. Она оглядывается.

Я прячусь за кустами, окружающими здание. Мой разум хаотично носится от одного варианта к другому, каждая мысль такая же быстрая, как и мое сердцебиение. Что, черт возьми, она здесь делает? Кто с ней?

Вряд ли Джэкс прибыла сюда одна. Она телохранитель и киллер, а это означает, что она либо охраняет Ноля или Тейлор, либо выполняет миссию поймать кого-нибудь. Я считаю до трех про себя, а потом осторожно выглядываю из-за кустов.

Несколько охранников вышли из здания и присоединились к ней. Они тоже одеты в черное. Мне становится интересно, вдруг кто-то из них наблюдал за моей дуэлью с Нолем в «Темном мире». Возможно они вроде болванов, которых нанимают в Кабуки-тё и Синдзюку.

Джэкс обменивается с ними несколькими фразами, а потом быстрым шагом направляется в дальнюю часть комплекса. Двое охранников идут за ней, а другие возвращаются в здание.

Я начинаю двигаться, прежде чем успеваю все продумать. Опустив плечи и смотря вперед, я как тень прокрадываюсь мимо кустов, так быстро, как только могу, к открытой двери. Когда последний охранник исчезает в глубине здания и дверь начинает закрываться, я бросаюсь вперед и успеваю беззвучно проникнуть внутрь, как раз, когда дверь закрывается.

Сразу же прячусь в ближайшем укромном месте, которое могу найти – за рядом высоких баков для переработки мусора. Но охранники уже исчезли дальше по коридору. Я на мгновение крепко закрываю глаза и прижимаюсь спиной к стене, затем стягиваю маску с лица, чтобы вдохнуть полной грудью. Холодный пот покрывает все мое тело.

В следующей жизни стану бухгалтером.

Шаги охранников становятся все тише. Я жду, пока не наступит тишина, а потом встаю и двигаюсь вперед.

В здании царит темнота, кажется, никто не работает. Я иду вперед, и потолок становится выше, а звук моих шагов меняется. Я выхожу в главный атриум и замираю с открытым ртом.

Главное лобби института само по себе могло бы быть музеем. Потолки поднимаются на много этажей вверх, а в просторном холле висит нечто, что я бы назвала огромной арт-скульптурой, напоминающей электрические импульсы мозга. Она большого формата: тянется от самого потолка и заканчивается в паре футов над полом. Сотни линий света образуют цветные шары, линии вспыхивают и гаснут, загораются и темнеют. Зрелище гипнотизирует.

Другие витрины скрыты за стеклянными коробками, здесь машины с металлическими руками и ногами размером с человека, двигающиеся в определенном ритме структуры из тысяч цилиндров и кругов, занавесы света, похожие на неоновый водопад.

На мгновение я забываюсь и брожу от витрины к витрине, завороженная зловещей красотой. Затем останавливаюсь у большого экрана, занимающего всю стену. Он рассказывает о создании института; старые черно-белые фотографии сменяют друг друга, потом появляется современное изображение здания. А потом фотографии увеличиваются и занимают всю стену. Комментарии к ним даются белыми буквами, а потом появляется новое изображение.

Я просматриваю заголовки, прославляющие институт – центр, посвященный разработке новейших технологий, экспериментам, проведенным на десятки лет раньше своего времени, постоянному продвижению науки.

Вдруг издалека в мои мысли проникает приглушенный стон. Я инстинктивно сажусь на пол у стены, забиваясь как можно дальше в тень. Крик раздался откуда-то из коридора и кажется знакомым.

Я жду. Больше ничего не услышав, покидаю главный атриум и бегу в сторону коридора.

Здесь слишком темно, потолка не видно, хотя судя по звукам моих шагов, это помещение высокое. Две тонкие фиолетовые неоновые линии проложены по полу. Проходит несколько долгих минут, периодически слышатся звуки. Где-то впереди доносится приглушенный стук, а потом незнакомые голоса.

Коридор резко обрывается, и я оказываюсь в другом огромном пространстве – в этот раз с несколькими ярко-освещенными комнатами с толстыми стеклянными стенами.

Там стоит Ноль.

Я присматриваюсь. Нет, это не Ноль – просто кто-то похожий

на него. Черный металлический костюм полностью закрывает его голову и тело. Робот? Вне стеклянной комнаты стоит сам Ноль, он оживленно разговаривает с Тейлор. Перед ней парят несколько экранов, которые кажутся мне белыми полотнами. Пока Ноль что-то говорит, Тейлор поправляет очки на носу и набирает что-то в воздухе. Ее сутулые плечи кажутся хрупкими.

Ноль подходит к стеклянной стене. Тейлор кивает. Я наблюдаю, как он проходит в комнату с оружием.

Я моргаю. Он по-настоящему не здесь – это его виртуальная симуляция. Тогда где сам Ноль?

Ноль обходит робот-версию себя, внимательно ее изучая. Из стеклянной комнаты раздается громкий писк, и робот внезапно начинает двигаться. Ноль поднимает руку – робот точно повторяет его движение. Ноль поворачивает голову – робот не отстает. Тейлор открывает дверь и заходит в комнату. Она бросает в робота металлический предмет, и Ноль выкидывает вперед руку. Робот поступает точно так же, точно поймав предмет.

Я смотрю на эти испытания с открытым ртом. Для чего бы ни был сконструирован этот робот, он полностью подключен к разуму Ноля, и это пугает меня.

Снова доносится приглушенный стон, который я слышала раньше. В этот раз я поворачиваюсь и вижу, как из тени другого коридора появляется Джэкс, толкая перед собой какого-то человека к стеклянной комнате. Тейлор и Ноль выходят, а Джэкс заставляет человека упасть на колени.

В мгновение я забываю о роботе, виртуальной версии Ноля, контролирующего его силой мысли и Тейлор, через очки наблюдающей за экранами. Теперь имеет значение лишь дрожащая фигура на полу. Его кожа выделяется под белым светом, волосы висят мокрыми прядями, а рот закрыт кляпом.

Тримейн.

Слова Джэкс эхом доносятся до меня.

– Обнаружила его, когда он пытался взломать камеры наблюдения, – говорит она. – Он попытался сбежать в убежище, но понял, что я нашла его. Каким-то образом он знал, что убежище не подключено к общей системе.

Ноль сцепляет руки за спиной и рассматривает Тримейна.

– Кажется, кто-то изучал план-схему института, – отвечает он.

– Кажется, кто-то прокладывал дорогу сообщнику, – добавляет Джэкс. – Он здесь не один.

Тримейн отчаянно качает головой. Его щеки влажно блестят.

Я не могу дышать. Все звуки вокруг меня исчезли за ревом крови в ушах, в глазах все расплывается. Неудивительно, что

Тримейн не отвечал на мои сообщения. Он все-таки пришел сюда – и они знали об этом, возможно, даже ждали его.

Слова Тейлор снова обрушиваются на меня. *И это все, чем ты занималась сегодня вечером? Я пытаюсь предупредить тебя*. Я почти жду, когда она вступится за него, защитит Тримейна от Джэкс и Ноля. Но Тейлор стоит на месте, вокруг нее все еще парят экраны.

Должно быть, они поняли, что Тримейн взломал файлы института и передал информацию. Как они об этом узнали?

Через меня. Может быть они подслушивали наши разговоры; они вломились в мои аккаунты. Или нашли случайный след Тримейна.

Внезапно на меня накатывает тошнота: я знаю, что подбирается опасность, и лишь хочу оттолкнуть остальных, чтобы их не задело.

Тримейн поворачивает голову к Нолю. Я понимаю, что несмотря на страх он узнает его – он никогда раньше не встречался с Нолем, но знает, кто он. Джэкс наклоняется и вытаскивает изо рта Тримейна кляп. Ноль о чем-то его спрашивает, но губы Тримейна не двигаются. Он упорно продолжает молчать. Джэкс вздыхает. Ноль делает шаг вперед, но Джэкс качает головой и вытягивает руку.

Позволь мне, кажется, говорит она.

Она убирает руку с плеча Тримейна и отходит. Ужас во мне достигает крайней точки. Все вокруг темнеет, когда Джэкс достает пистолет из кобуры и с щелчком спускает курок.

Это должно стать тем самым моментом, когда я закричу, когда одно мое слово заставит всех остановиться и посмотреть в моем направлении.

Но я не произношу ни слова. Джэкс направляет пистолет прямо в лоб Тримейна. И стреляет.

Тело Тримейна дергается. Он падает на пол.

Я зажимаю руками рот, чтобы не закричать. Выстрел эхом раздается в ушах.

Воспоминание об убийстве, которое Джэкс уже совершала на моих глазах, накрывает меня с головой, и я сгибаюсь пополам, прижимаясь к стене, пытаясь справиться.

Мы считаем, что в мире слишком много людей, которые не расплачиваются за свои ужасные преступления.

Именно эти слова Тейлор в итоге убедили меня присоединиться к «Черным Плащам». Она сказала мне, что они сражаются за то, во что верят. Их действия были оправданы, потому что она – они все – боялись Хидео.

Но в одну секунду все хорошее, что я думала о «Черных

Плащах», исчезает. Тримейн был жив всего секунду назад, а теперь он мертв. И это произошло из-за меня.

Дыши.

Дыши.

Но я не могу думать ясно, не могу сейчас соображать, хочется лишь сжаться здесь, у стены, и трусливо дрожать. Стеклянная комната передо мной размывается и снова обретает очертания. Я вижу, как Тейлор отходит, два охранника оттаскивают тело прочь, а третий остается, чтобы вытереть пол. Ноль наклоняется к Джэкс, а Тейлор вкладывает что-то в руку одного из охранников. Никто не выглядит озабоченным. Внезапно я понимаю, что охранникам заплатили, чтобы они подождали, вынесли тело Тримейна и куда-то его отвезли. Они подготовились к его убийству.

Паника не дает мне нормально дышать. У меня кружится голова. В глазах темнеет, логика подсказывает, что если я сейчас свалюсь прямо здесь, они найдут меня. И если они узнают, что я все видела, без колебаний поступят со мной так же, как только что с Тримейном.

Джэкс выглядит скучающей или раздраженной из-за человека, который отнял у нее время – она даже не взглянула на тело Тримейна, которое лежит на полу. Сколько человек она вот так запросто убила?

«Черные Плащи» – убийцы. Тримейн с самого начала предупреждал меня держаться от них подальше и он оказался здесь лишь потому, что присматривал за мной. Я все равно пошла. А он теперь мертв. И что если «Черные Плащи» уже ищут меня, узнав о связи Тримейна с моей работой?

Что я наделала?

Не могу тут оставаться. Я закрываю глаза и считаю, заставляя себя сосредоточиться на ряде цифр в голове. Хидео должен узнать об этом. Но что мне ему сказать? Я даже не понимаю всего, что видела. Что это за робот, которого контролирует Ноль? И если его лично здесь нет, то где он?

Вставай, Эми.

Я шепчу эти слова снова и снова, пока наконец мое оцепенение не спадает. Я заставляю себя оторваться от стены, встать с пола и добрести до пути, по которому я сюда пришла. Лихорадочно вызываю меню и настраиваю карту на отель. Наконец я оставляю ужасную комнату далеко позади и снова выхожу в просторное лобби комплекса.

Я хочу поставить новый борд на пол, но мои руки так сильно трясутся, что я с грохотом роняю его. Напрасно я пытаюсь поймать его.

Неожиданный щелчок заставляет меня обернуться. Там стоит Джэкс, ее бледная кожа выделяется на фоне черных стен, пистолет направлен прямо мне в голову. Ее серые глаза пронзают меня насквозь.

– Тебя здесь быть не должно, – говорит она.

17

Я не осмеливаюсь ответить, просто остаюсь на месте и поднимаю руки над головой.

Она указывает мне пистолетом:

– Вставай.

Я делаю, как она говорит. На ее перчатке несколько капель крови, крови Тримейна, от которых я не могу отрвать глаз. Она убьет меня за проникновение сюда, спрятаться мне негде. Я умру на полу этого здания, как и Тримейн.

– Зачем, черт возьми, ты сюда пришла? – резким шепотом спрашивает она.

– Я искала Ноля, – говорю я, сама не веря в это жалкое оправдание. Мой голос прерывается и дрожит. – Я встречаюсь с Хидео завтра ночью. Я…

Джэкс внимательно осматривает меня. Она знает, что я лгу.

– Ты все видела?

Я отчаянно качаю головой.

– Я слышала. – Обычно я вру лучше, но прямо сейчас паника в глазах выдает меня. – Было слишком темно. Я слышала лишь голоса в коридоре.

Джэкс вздыхает и смотрит так, словно ей почти жаль меня. Видит ли она на моем лице то же выражение, что у меня было в момент, когда она пристрелила того киллера.

– Удивительно, что я не поймала тебя на пути в здание.

Эхо выстрела, убившего Тримейна, все еще звенит в моей голове, оно раздается снова и снова, и мне хочется закрыть уши руками.

Джэкс крепче сжимает пистолет. Мое тело замерло на месте.

– Иди.

Что? Мои ноги словно приросли к полу.

Джэкс хватает меня за руку и толкает вперед. Ее ногти больно впиваются мне в кожу.

– Если они узнают, что ты здесь, ты погибла, – рычит она мне в ухо. – Иди.

Ее слова прорываются через мои хаотичные мысли. Я удивленно смотрю на нее, когда она тянет меня вдоль главного лобби.

– Куда ты ведешь меня? – шепчу я.

Джэкс тащит меня по еще одному темному коридору с противоположной стороны лобби.

– Меньше болтай, больше двигайся, – отвечает она.

Плотина молчания вдруг прорывается, и слова льются из

меня потоком:

– А потом что? Ты тоже со мной расправишься? Выстрелишь в голову, как Тримейну? Куда вы увезете его тело?

Она поворачивает свои бледно-серые глаза на меня.

– Так ты видела.

Я несколько раз качаю головой, напрасно пытаясь прогнать из головы картинку лежащего на полу тела Тримейна.

– Что вы здесь делаете? – снова и снова спрашиваю я. – Что это за робот, которого контролирует Ноль? Где он сам?

Джэкс не отвечает мне. Мы доходим до конца коридора к маленькому боковому входу в задней части здания, где припарковано несколько машин.

Здесь Джэкс внезапно толкает меня к стене и закрывает рот рукой в перчатке. Она кажется такой же холодной, как и всегда, но теперь в ее глазах чувствуется напряжение. Она осматривается, чтобы убедиться, что мы одни.

– Через минуту ты должна выйти на улицу и сесть в крайнюю машину слева. Она отвезет тебя в отель. Охрана снаружи занята телом Тримейна. Пригни голову и не пытайся вернуться. Ты поняла меня?

Я борюсь с ее хваткой:

– Но ты…

Она с силой толкает меня и приставляет холодный, как лед, пистолет к моей голове. Я слышу, как он щелкает у виска.

– Но я уложила твоего глупого дружка Тримейна настильным выстрелом в голову. Я направлю его машину в больницу. Не смей навещать его сегодня ночью, если не хочешь, чтобы Тейлор донесли, что ты откуда-то быстро пронюхала, куда его привезут. Подожди до завтрашнего утра.

Это все не имеет смысла.

– Что? Тейлор? – Мой шепот становится хриплым. – Ты выстрелила в Тримейна. Ноль глава…

Джэкс издает тихий удивленный смешок и опускает пистолет.

– Ты думаешь, что Тейлор работает на Ноля?

В моем голосе появляется нотка сомнения.

– Она пыталась предупредить меня. Ноль…

Джэкс холодно улыбается.

– Ноль здесь не командует. Мы исполняем приказы Тейлор.

Тейлор – глава «Черных Плащей». Я удивленно моргаю. Этого не может быть – она слишком тихая и неуверенная. Ее мягкий голос, хрупкие плечи, задумчивый взгляд… Разве она не считалась с мнением Ноля, когда мы впервые встретились? Разве не позволила ему говорить?

Позволила ему говорить. Словно он работал на нее.

– Но, – пытаюсь сказать я, – Тейлор не кажется…

Я замолкаю, увидев выражение лица Джэкс. Она совершенно серьезна и в ее глазах я вижу то, чего раньше никогда не видела. Настоящий страх. Она боится Тейлор.

Джэкс, девушка, которая может пообедать, а потом застрелить кого-то, которая и глазом не моргнет при виде крови… в ужасе от Тейлор.

Вот теперь мне по-настоящему страшно.

Джэкс наклоняется ко мне.

– Как только доберешься до отеля, – бормочет она мне в ухо, – я отправлю тебе приглашение в «Темный мир». Мы встретимся там, и я расскажу больше.

– Почему я должна тебе верить? – выплевываю я каждое слово, надеясь, что злость сдержит слезы.

– Потому что ты все еще жива, – отвечает она, – а не обливаешься кровью на полу.

Мне столько всего хочется сказать ей в ответ. Что я видела, как она стояла на балконе с Нолем, что я не понимаю, почему она сейчас помогает мне или почему спасает Тримейна за спиной Тейлор. Но сейчас не время давить на Джэкс. Я могу лишь следовать ее инструкциям, даже если ничего не мешает ей последовать за моей машиной.

Возможно, сегодня ночью она планирует убить меня таким образом. Уговорит сесть в машину, а потом та съедет в кювет. Несчастный случай.

Слабые шаги раздаются с другой стороны главного лобби. Джэкс резко поворачивает голову, а потом смотрит на меня.

– Ты получила от меня предупреждение. Если снова вернешься, я всажу в тебя пулю раньше, чем ты успеешь все обдумать. А теперь заткнись и иди.

* * *

Онемевшие ноги несут меня к машине. Я сижу в молчаливом шоке, когда меня везут в отель. Мне хочется, чтобы вместо этого меня отвезли к Тримейну. Я хочу понять, где он находится. Сказать ему, как мне жаль, и умолять простить меня.

Он лежит в какой-то больнице, сражаясь за свою жизнь, которой рисковал из-за меня. Если он умрет, мои руки будут запятнаны кровью.

Последние слова Джэкс звенят в моей голове. Часть меня ждет, когда стекла разобьются вдребезги от выстрелов – это будет означать, что она подставила меня и только ждет, когда я

отвернусь.

Но за окном все выглядит точно так же, как и когда я уезжала: парад косплееров в самом разгаре, улицы окрашены неоновыми цветами. Некоторые приветствуют новые объявления топ-десятки игроков, а общее возбуждение из-за приближающейся церемонии закрытия достигает апогея.

ОЛИВЕР АНДЕРСОН, АВСТРАЛИЯ | «ОБЛАЧНЫЕ РЫЦАРИ»

КАРЛА КАСТИЛЛО, КОСТА-РИКА | «ПРЕСЛЕДУЮЩИЕ ШТОРМ»

Другие свистят, когда группа их друзей проходит в безупречных костюмах «Всадников Феникса» из одной нашей игры.

Для них за это время ничего не изменилось. Они не видели, как их знакомого только что застрелили, не чувствовали запаха крови на земле. В их головах не происходит переворот от осознания, что на самом деле происходит вокруг. С их точки зрения мир цел и невредим. Они не в ответе за то, что их друг оказался в смертельной опасности.

Когда я приезжаю в отель, дверца машины открывается, и я выхожу, как ни в чем не бывало. Лифт поднимает меня на этаж, как и должен. Кровать в моем номере на месте, застеленная свежим постельным бельем, на письменном столе стоит закрытая пленкой тарелка фруктов – личи, карамбола, персики. Я стою мгновение в тени штор, наблюдая за парадом костюмов, проплывающим внизу по улице. Все смеются в счастливом неведении, какой темный мир их окружает.

Я мою руки в раковине. Несколько капель крови запачкали одежду, и сначала я думаю, что это кровь Тримейна, пока не замечаю порванный рукав. Должно быть, в спешке обо что-то порезалась. Я снимаю одежду и иду в душ. Вода обжигает мою кожу. Выйдя, заворачиваюсь в халат и сажусь на кровать. С улицы доносится шум празднования.

Я замечаю сообщения, которые пыталась отправить Тримейну. Они до сих пор висят как непрочитанные.

Слезы, которые не могли вылиться раньше, теперь текут потоком. Я плачу, и громкие всхлипы эхом отдаются в моей груди. У меня едва получается перевести дыхание. Руки сжимают простыни. Неужели прошла лишь пара часов с тех пор, как я стояла возле Хидео и рассказывала ему о брате? Неужели лишь мгновение назад я видела, как Тримейн упал на пол?

Я все еще могу представить его силуэт на фоне дождя, его отстраненный взгляд, то, как он небрежно пожимает плечами.

Прямо сейчас Тримейн где-то в больнице, лежит на каталке, пока его спешно везут в отделение неотложной помощи. Он подобрался слишком близко и принял на себя удар, предназначенный мне. Теперь я одна, потерялась в битве между алгоритмом Хидео и секретами «Черных Плащей». Как отреагирует Рошан, когда узнает, что произошло? Окажутся ли остальные «Всадники Феникса» в опасности, если я продолжу это дело?

У каждой закрытой двери есть ключ. Но вдруг это не так? Где ключ к этой двери? Я больше не знаю, в какую сторону идти. Не знаю, какой путь правильный, и не знаю, где выход.

Образ Тримейна на каталке сменяется старыми воспоминаниями коридоров больницы, знакомого ужасного запаха дезинфекции, навсегда въевшегося в мою память. На мгновение мне снова одиннадцать, и я вхожу в дверь палаты отца с ужасными пионами и подносом с едой. Я ставлю цветы в вазу и сажусь, скрестив ноги, на край его кровати, потом мы вместе съедаем больничную еду. Когда-то густые ярко-голубые волосы папы теперь поседели и ежедневно выпадают клоками. Его халат странно топорщится на худых плечах. Он накалывает вилкой каждый кусочек брокколи и поочередно засовывает в рот, затем аккуратно разрезает мясной рулет, но избегает при этом маленького квадратного кусочка шоколадного торта.

«Сахар – тот же яд», – сказал он мне, когда я спросила, почему он оставил десерт на тарелке.

И в то время я могла лишь думать о космическом шаттле «Челленджер», о котором только что узнала в школе. Правительству была по душе официальная история, что от взрыва шаттла вся команда мгновенно погибла, но правда в том, что кабина не была повреждена, когда ракета «Челленджера» взорвалась. Они пролетели еще три мили в небе, а потом две с половиной минуты падали, пока на всей скорости не врезались в Атлантический океан. Все это время экипаж понимал, что происходит. Они смотрели в лицо смерти, но все равно надели кислородные маски и пристегнули ремни безопасности.

Мы сражаемся, чтобы выжить, всеми имеющимися у нас средствами, будь то кислородная маска, ремень безопасности или отказ от шоколадного торта. Между реальностью и виртуальностью есть разница. В реальности ты можешь потерять своих любимых. В реальности ты можешь почувствовать раны в сердце.

Когда мир становится мрачным, пусть твой собственный непоколебимый свет направляет тебя.

Эти слова отца – тихий непрерывный поток в моей голове. Я

представляю, как он устало улыбается мне над подносом с ужином, его пальцы сначала растирают виски, а потом грудь в области сердца.

Держись, Эми. Продолжай двигаться вперед.

Я сижу в темноте, пока слезы не высыхают, а дыхание не выравнивается. Сейчас два часа ночи. Парад за окном наконец закончился, люди направляются домой. Наконец я снова начинаю ясно соображать. Тримейн выбрал свой путь. Если я отступлю сейчас, то его жертва станет напрасной.

Перед глазами появляется новое сообщение. Оно от анонимного аккаунта: он просит меня связаться с этим человеком в «Темном мире». Это Джэкс. Она в самом центре этого мрачного кошмара, и я могу верить ей лишь потому, что должна была уже погибнуть от ее руки.

Ты готова? – спрашивает она.

Я сквозь слезы смотрю на парящее передо мной приглашение.

Зачем ты это делаешь?

Как ты думаешь, кто изначально дал Джесси информацию?

Аноним, который показал Джесси бейдж института. Это была Джэкс.

Она все-таки наблюдала за мной, знала, что я работала с Тримейном, услышала о расспросах Джесси по поводу символа Сасукэ в «Темном мире».

У нас не так много времени, Эмика.

Я смотрю на это напоминание, успокаиваясь. А потом протягиваю руку и принимаю приглашение.

18

ДВА ДНЯ ДО ЦЕРЕМОНИИ ЗАКРЫТИЯ WARCROSS

Комната вокруг меня растворяется в темноте. Секунду спустя я уже стою на неприметной черной улице, подсвеченной синими и красными неоновыми огнями. За моей спиной – небольшая толпа зашифрованных прохожих.

Рядом со мной стоит девушка-аноним, лица которой я не узнаю. Когда она задумчиво кладет руку на пояс и ритмично по нему постукивает, явно скучая по рукояти пистолета, я сразу же понимаю, что это Джэкс.

Она не представляется, просто поворачивается к ближайшему углу и кивает мне следовать за ней. Я молча иду. Гигантский знак «стоп», окрашенный в желтый цвет вместо красного, появляется на пересечении двух улиц. Джэкс переходит на другую сторону дороги, и появляется еще один знак «стоп». Чем ближе к месту назначения мы подходим, тем больше знаков появляется по обеим сторонам улицы. Зловещая оптическая иллюзия. Оттого, как быстро меняется улица вокруг, у меня кружится голова.

– Закрой глаза, – говорит Джэкс, увидев мое выражение лица. – После запуска алгоритма Хидео, хранители этого места ставят эти знаки, чтобы отпугнуть прохожих, которые могут заставить их сдаться. Если ты продолжишь смотреть на знаки, тебе станет жутко плохо – только если не знаешь новый пароль. Так что закрой глаза и следуй моим инструкциям.

Я снова делаю, как она говорит. В темноте Джэкс называет количество шагов, которое мне нужно сделать, и когда повернуть. Я борюсь с постоянным ощущением, что могу споткнуться, и заставляю себя двигаться дальше.

Наконец мы останавливаемся.

– Теперь все нормально, – говорит Джэкс.

Я открываю глаза.

– Ты когда-нибудь слышала об этом месте? – спрашивает она, кивая на квартал перед нами.

Я лишь качаю головой и продолжаю смотреть во все глаза. Перед нами возвышается огромное здание, похожее на гигантский стеклянный купол, поднимающийся выше Эмпайр-стейт-билдинг. Оно занимает целый квартал. От купола тянутся узкие черные мосты, связывая его с гигантскими парящими кругами, подвешенными в воздухе. Вся конструкция похожа на увеличенную модель Солнца и планет. Черные металлические решетки закрывают стекло, словно поддерживая его. Вокруг основания купола стоят несколько фонарей с алым светом.

Высокие, словно водопады, фонтаны выстроились по периметру купола – впечатлющее зрелище.

– Это Всемирная темная выставка, – продолжает Джэкс, знаком показывая двигаться за ней вперед к огромной арке, через которую проходит поток посетителей. – Это как Всемирные выставки в настоящем мире, только тут выставлены на продажу менее легальные товары.

Я в восхищении вытягиваю шею. Впервые о Всемирных выставках я услышала в школе и помню, как читала о них статью в интернете. Эйфелева башня изначально было построена для Парижской всемирной выставки в 1889 году, а колесо Ферриса – для выставки в Чикаго в 1893 году. Папа был фанатом больших экспозиций, которые казались ему невероятно романтичными, ведь каждая из них – настоящий волшебный мир для изобретателя. Помню, сидела ночью и слушала, как он рассказывает об одной знаменитой Всемирной выставке за другой. Интересно, что бы он сказал, если бы увидел это место.

Мы проходим внутрь вместе с другими аватарами и оказываемся в помещении, от вида которого у меня перехватывает дыхание. Под парящим стеклянным потолком расположилось обширное пространство со стендами, окруженных толпами зевак и потенциальных покупателей. Гирлянды фонариков свисают элегантными арками со стеклянного потолка, усиливая сюрреалистичность этого места. Мимо нас пролетают крошечные механические птички. Присмотревшись, я замечаю, что к ножке каждой из них проволокой привязаны маленькие кусочки бумаги.

– Эти птицы – зашифрованные посылки. Чтобы посетители могли обмениваться здесь безопасными посланиями. – Джэкс кивает в сторону пары стендов, мимо которых мы проходим. – Они финансируются тайными патронами и нелегально разработаны в инновационном институте, – тихо говорит она. – Разработаны Тейлор.

Один из стендов – облако данных, миллионы крошечных точек, летающих вместе. На другом представлено оружие, по краям которого мерцают голубые овалы – сенсоры отпечатков пальцев. На третьем демонстрируют, как стать невидимым с помощью «НейроЛинк»; вместо того, чтобы загружать случайное лицо на свое, можно превратить окружающий мир в сетку, покрывающую твое тело, – таким образом ты исчезаешь с глаз окружающих.

– И Тейлор… продает все эти технологии?

Джэкс кивает.

– Немногие. И за хорошую цену.

Я качаю головой и останавливаюсь перед большим вращающимся стендом с доспехами.

– Как Тейлор разрабатывает все эти нелегальные приспособления, работая в обычном научном институте? И как с этим связаны «Черные Плащи»?

– А что ты знаешь о Тейлор?

– Немного. Только то, что она мне рассказала. Она сказала, что ее отца убили из-за незаконной деятельности.

Джэкс поджимает губы.

– Дана Тейлор выросла в тяжелое время, в тот период, когда рухнул Советский Союз. Ее отец отмывал деньги, чтобы выжить. В детстве Тейлор видела слишком много смертей. Она начала заниматься нейронаукой, потому что всегда интересовалась тем, как работает разум, как он обрабатывает каждый аспект нашего мира. Разум может заставить тебя поверить в то, во что он хочет, чтобы ты верил. Он может привести диктаторов к власти. Может уничтожить целые нации. Ты способен сделать что угодно, если направишь на это все свои мысли. Она действительно относится к этому серьезно. Если бы разум не зависел от тела, он мог бы работать вечно.

Я рассеянно киваю. Ее слова – эхо того, что сказала мне Тейлор.

– Когда она получила работу в инновационном центре и переехала в Японию, понимание того, как отделить разум от тела, стало ее одержимостью. Отделить мощь от неизбежной слабости.

Ее одержимостью. Я вспоминаю о том, что мне рассказала Тейлор.

– Это из-за убийства ее отца?

Джэкс некоторое время молчит.

– Все боятся смерти, но Тейлор просто в ужасе от того, что это означает финал. От вида мертвого отца, ушедшего навсегда без объяснений. От мысли о том, что ее разум… просто отключится однажды, без предупреждения.

Неприятное чувство страха появляется в животе, я даже чувствую его привкус во рту.

– А что насчет «Черных Плащей»?

– Тейлор быстро поднималась по карьерной лестнице в институте, стала исполнительным директором. Но она хотела провести некоторые исследования, который институт никогда бы не одобрил. Как ты знаешь, она выросла среди криминала. Мысль о том, что она не могла сделать то, что хочет, для нее невозможна. Так появились «Черные Плащи». Она создала группу как прикрытие для экспериментов, которые хотела провести, не имея разрешения.

– Я не понимаю…

– Тейлор хотела сделать то, что, как она знала, не будет одобрено институтом. Она не остановилась и все равно проводила эксперимент, под прикрытием безобидного исследования. Документы и результаты ее настоящего эксперимента передавались «Черным Плащам». Если она продаст их кому-нибудь – иностранному государству или другой организации – их отследят лишь до «Черных Плащей».

Я наконец начинаю понимать.

– Так «Черные Плащи»…

– По сути, обманка, – заканчивает Джэкс. – Пустая оболочка, под которой хранятся тайные проекты Тейлор.

– Никакие данные не приведут к ней, – доходит до меня.

– Правильно. Например, узнают о нелегальном оружии, которое разрабатывала Тейлор в институте. Следователи найдут следы, ведущие не к самой Тейлор, а к загадочной группировке под названием «Черные Плащи». Тейлор может заявить, что она невинный свидетель, а ее личность украли и использовали «Черные Плащи». Клиенты, купившие у нее технологии, также могут указать пальцем на «Черных Плащей». Так что новостные репортеры смогут лишь спросить: “Кто такие Черные Плащи? Тайная преступная группировка, разработывающая нелегальное оружие”. Во всем виноваты «Черные Плащи» и их репутация теневой организации.

– А как же история, что это группа народных мстителей, сражающихся за то, во что они верят? – спрашиваю я.

– Ложь, – пожимает плечами Джэкс. – Мы не мстители, Эмика. Мы наемники. Мы делаем то, за что нам платят.

– Но как со всем этим связан алгоритм Хидео? Зачем Тейлор уничтожать его? Ей кто-то платит за это?

Джэкс награждает меня мрачным взглядом:

– Тейлор не хочет уничтожать алгоритм. Она хочет его контролировать.

Контролировать его.

Правда бьет по мне с такой силой, что я едва могу дышать.

Конечно же. Зачем кому-то вроде Тейлор, одержимой могуществом разума, желать повредить «НейроЛинк» и вырвать из него такую сложную часть как алгоритм? Почему я раньше не догадалась, что у нее могут быть другие планы на его счет?

Во время нашей первой встречи Тейлор сидела напротив меня и выглядела такой искренней, такой правдивой в своих намерениях. Она знала, как направить мое собственное прошлое против меня, заманить меня тем, что я сделала ради Энни, оставив красное пятно на своем деле. Она манипулировала мной,

чтобы я согласилась, что «Черные Плащи» занимаются благородным делом.

Наш разговор снова проносится в моей голове. Какой робкой и тихой она казалась. Как идеально все разыграла.

Джэкс наблюдает за мной, пока я пытаюсь переварить эти новости.

– Знаю, – говорит она, нарушая молчание.

Я удивленно киваю ей. Джэкс отворачивается от меня и смотрит на мосты главного купола.

– «Черные Плащи» используют Всемирную темную выставку как место хранения своих архивов. Каждый проведенный эксперимент, каждая выполненная миссия, все, что они делают, заперто здесь, в зашифрованной базе данных, блокчейне.

Блокчейн. Зашифрованный регистр, который практически невозможно отследить или изменить.

Джэкс останавливается у самого края купола.

– Я хотела, чтобы ты увидела историю, с которой связан Сасукэ. Ведь ты искала именно это?

Мое сердце сжимается, и я снова вспоминаю, как увидела в разуме Ноля маленькую фигурку Сасукэ, сжавшегося в комнате со странным символом на рукаве.

Я показываю это изображение Джэкс. Она сразу же смотрит на Сасукэ, и ее лицо на мгновение смягчается. *Какова ее история?* – начинаю думать я. *Как пересеклись их с Сасукэ пути?*

Она касается моей руки и показывает мне идти вперед. Другой рукой она проводит по стеклу. Панель двигается, в куполе словно открывается невидимая дверь, а за ней ступени, уходящие в темноту.

– Только у Тейлор и у меня есть доступ к этим архивам. – Внезапно Джэкс колеблется, и по ее молчанию я понимаю, что если кто-то расскажет, что Джэкс показала мне это место, то Тейлор убьет ее.

– Только ты и Тейлор? – спрашиваю я. – Не Ноль?

– Ты сейчас увидишь, почему. – Она показывает, что я должна направляться за ней. – Постарайся не оставлять следов.

Я наблюдаю, как Джэкс проходит через дверь, а потом оборачивается, чтобы проверить, не идет ли кто за нами. Кажется, никто не может увидеть нас или вход, только что открытый Джэкс. Такое впечатление, что мы существуем в другом виртуальном измерении. Я оборачиваюсь и вижу, как фигура Джэкс исчезает на темной лестнице, делаю глубокий вдох и следую за ней.

Лестница быстро исчезает в кромешной тьме, и хотя я знаю, что это виртуальный мир, все равно вытягиваю руку, пытаясь

нащупать рядом стену. Передвигаясь в темноте здесь, где ничто не реально, мне кажется, что я не двигаюсь. Единственный намек на наше продвижение – звуки шагов Джэкс, все еще спускающейся передо мной.

Постепенно ступеньки под ногами можно различить. Мы достигаем низа лестницы и входим в просторную комнату, где все подсвечивается приглушенным голубым светом.

– Добро пожаловать в библиотеку, – объявляет Джэкс.

Похоже, что здесь все книги Вселенной, выставленные на полках бесконечной круглой комнаты, обрамленной лестницами. Я понимаю, что каждая книга – файл, сохраненный «Черными Плащами»: архивы исследований, данные людей, записи миссий. Это их центральный штаб. Мы стоим на платформе, и мне приходится закрыть глаза, чтобы справиться с головокружением.

Джэкс жестом приглашает меня на одну из лестниц. С нее невозможно упасть, но меня до сих пор накрывает волна головокружения.

– Мы храним все стадии Воспоминания и дубликаты каждого файла. – Она открывает перед нашими глазами поиск и набирает «Сасукэ Танака».

Мир вокруг нас расплывается, и секундой позже мы оказываемся на лестнице, приставленной к другой секции библиотеки, где определенные книги подсвечиваются голубым светом. Джэкс вытаскивает их взмахом руки и раскладывает вокруг нас. Когда я долго смотрю на какую-нибудь книгу, начинает воспроизводиться запись.

Здесь записи «Черных Плащей», из Воспоминаний Сасукэ и одетых в белые халаты технологов и, кажется, записи с камер наблюдения настоящих экспериментов. А еще отчеты полиции, файлы об исчезновении Сасукэ, данные о его родителях. И о юном Хидео.

Я помню, как впервые сидела в офисе Хидео, изучала коды взлома Ноля, гадая, кто же цель моей охоты. Я помню, как Хидео поднял голову к небу, в онсен, бесконечные версии его Воспоминания о том, как исчез Сасукэ.

Эти файлы расскажут мне, что на самом деле случилось с Сасукэ много лет назад.

Джэкс смотрит на меня, а потом показывает на файлы.

– Мы не может оставаться здесь вечность, – напоминает она мне. – Если хочешь что-то узнать, ищи сейчас.

Я колеблюсь всего секунду. А потом проматываю все файлы, распределяя их по датам, чтобы посмотреть сначала самые старые. Я нахожу один файл десятилетней давности, как раз того года, когда исчез Сасукэ, и нажимаю на него.

Запись с камеры наблюдения начинает воспроизводиться.

19

Мы стоим в комнате с двумя десятками детей не старше десяти лет, на запястье каждого из них желтый браслет. Они сидят за белыми партами, расставленными аккуратными рядами, словно в классной комнате. Голые стены украшены веселыми рисунками радуги и деревьев, постерами, на которых написано «Прочитай и узнай сегодня что-то новое» и «Отличаться – значит быть особенным».

В действительности комната не похожа на класс только из-за лаборантов в белых халатах, которые наблюдают за детьми у двери.

Длинное окно занимает заднюю стену комнаты. Там собралась группа взрослых, они с любопытством и тревогой вытягивают шеи, заламывают руки и тихо переговариваются. По выражениям их лиц я понимаю, что это родители.

Я смотрю на время записи. Это было до того, как Сасукэ похитили.

Мой взгляд возвращается к детям. Я изучаю их лица, пока не нахожу того, кого ищу. Я вижу Сасукэ, сидящего в центре комнаты.

Джэкс стоит рядом со мной, тоже наблюдая за сценой. Она слабо улыбается при виде маленького Сасукэ, а потом кивает в сторону девочки в другой части комнаты. Ее каштановые волосы заплетены в две низкие косички.

– Это ты? – спрашиваю я.

– Мне тогда было семь, – отвечает Джэкс. – Как и всем остальным в этой комнате. Таково было требование этого исследования – и в частности Тейлор. Вот где я впервые познакомилась с Сасукэ.

Я бросаю взгляд на родителей у окна.

– Твои родители там?

Она качает головой:

– Нет. Тейлор удочерила меня.

Теперь я смотрю на нее с удивлением.

– Тейлор – твоя мать?

– Я бы не сказала, что она по-матерински воспитывала меня, – бормочет Джэкс. – Но да, она нашла меня в больничной палате приюта. Позже я узнала, что она удочерила меня, чтобы внедрить в это исследование.

Джэкс показывает на двух взрослых в дальнем левом углу. У меня уходит мгновение на то, чтобы узнать родителей Хидео и Сасукэ – ту пожилую пару, которую я однажды встречала.

– Они выглядят совершенно по-другому, – бормочу я.

На записи они намного лет моложе, словно с момента исчезновения их сына прошло не десять лет. Мина Танака одета в аккуратный костюм и белый лабораторный халат с логотипом института на кармане, у нее молодое лицо и черные волосы. Отец совсем не похож на хрупкого, болезненного мужчину, которого я видела в доме Хидео, – скорее, на более старшую версию Хидео с такими же красивыми чертами лица и высокой подтянутой фигурой. Я бросаю взгляд на Джэкс.

– Что это за исследование? Почему Сасукэ в нем участвует?

– Все дети, которых ты видишь здесь, умирают, – отвечает Джэкс. – Из-за аутоиммунного расстройства, неизлечимого с точки зрения медицине.

Умирают? Хидео никогда не упоминал об этом. Мой взгляд возвращается к Сасукэ, его большие блестящие глаза выделяются на маленьком бледном личике. Я думала, что это освещение…

– Ты… ты знала? Родители Сасукэ знали? – заикаюсь я. – А Хидео?

– Понятия не имею, рассказали ли об этом Хидео, – говорит Джэкс. – Если он никогда не делился с тобой, скорее всего, его родители утаили это. Я была слишком маленькой, чтобы понять, как тяжело болею. Я не знала, что причиной, по которой меня никто не хотел брать, была… Ну… Кто захочет удочерить умирающего ребенка? Даже сам Сасукэ не знал. В то время он думал, что просто заболевает быстрее остальных детей. – Она пожимает плечами. – Ты особо не задаешь вопросы, когда тебе так мало лет. Ты веришь, что все нормально.

Я вспоминаю, как Хидео просил Сасукэ замедлить шаг, как отругал младшего брата и плотно обмотал синий шарф вокруг шеи Сасукэ.

– И это исследование было сосредоточенно только на неизлечимо больных детях?

– Тейлор хотела проверить экспериментальное лекарство, которое должно было оказаться революционным, – говорит Джэкс. – Оно могло бы излечить различные детские заболевания, воспользовавшись молодыми клетками и превратив их в набор суперклеток. Так что можешь представить, сколько родителей, у которых не оставалось других вариантов, были готовы отправить детей на это радикальный эксперимент. Что терять?

Я снова смотрю на комнату, мой взгляд задерживается на лицах родителей, прижавшихся к стеклу. Они с надеждой наблюдают за каждым движением своих детей. Мина Танака крепко прижимает руку мужа к груди, не отрывая взгляда от Сасукэ.

Меня начинает тошнить. Эта сцена напоминает мне о ложной надежде, которую давало мне и моему отцу каждое новое лекарство. *Вот это точно оно. Оно должно спасти.*

– Всегда есть что еще терять, – шепчу я.

Мы смотрим, как лаборант поправляет браслет на запястье одного ребенка.

– Конечно же, исследование было прикрытием, – продолжает Джэкс. – Пока небольшая команда серьезно работала над настоящим лекарством, Тейлор проводила свое собственное исследование.

– Так в чем заключался ее эксперимент?

– Особым требованием исследования был разум ребенка. Для испытания нужно было иметь IQ как минимум шестьдесят. От детей требовали поразительной дисциплины. Им нужно было продемонстрировать высокую энергичность и мотивацию. Их мозг должен был сработать определенным образом во время серии проверок, которые проводила Тейлор. – Она смотрит на меня. – Ты знаешь, насколько умен Хидео Танака. Сасукэ был даже умнее. Он легко проходил тесты. Тейлор нашла меня в приюте прежде всего потому, что услышала о моих высоких показателях IQ. О Сасукэ она узнала от самой Мины, так как они обе работали в институте. Мы оба прошли ее проверки.

Я сглатываю. Хидео рассказывал мне о Сасукэ, о том, что его младший брат прошел много проверок интеллекта.

– Что искала Тейлор? – спрашиваю я.

– Кандидата, чей разум был достаточно силен, чтобы выдержать его отделение от тела.

Внезапно я нахожу настолько ужасную связь между этими опытами, что у меня кружится голова.

– Так вот почему Тейлор нужен был неизлечимо больной ребенок, – выдыхаю я.

Глаза Джэкс, холодные как камень, мрачнеют от правды.

– Если бы они умерли во время исследования, можно было бы легко списать это на их болезнь. Использовать ее как прикрытие. Родители подписали свое согласие. Таким образом, никто ничего не заподозрит и не начнет задавать вопросы.

Мы продолжаем смотреть, запись завершается и автоматически переключается на следующую. Мы просматриваем по крайней мере дюжину. Некоторые дети в исследовании сменяются; количество родителей у окна тоже уменьшается. Я не хочу спрашивать Джэкс, куда те подевались, были ли это дети, которые не смогли пройти через испытания.

Мы просматриваем другую запись, класс исчез. За окнами садится солнце. Тейлор тихо разговаривает по-японски с другим

ученым, ее голос достаточно тихий – внизу начинает появляться перевод на английский. Я удивленно моргаю – это Мина.

– Уже в третий раз твой сын оказывается на первом месте по тестам в своей группе, – говорит Тейлор. Она смотрит на Мину так же сочувствующе и подбадривающе, как и на меня. – Сасукэ прошел тесты на таком высоком уровне, что нам пришлось переделывать категории.

Мина хмурится и опускает голову.

– Мне не нравится, как он ведет себя дома после этих проверок. У него постоянные кошмары и кажется, он больше ни на чем не может сосредоточиться. Врач говорит, что состав его крови не улучшился. И он снова потерял в весе.

– Не делай этого, Танака-сан, – мягко говорит Тейлор. – Мы так близки к прорыву.

Мина колеблется, встречаясь глазами с коллегой. Не знаю, что она видит, но ей удается выдавить из себя улыбку.

– Прости, директор, – наконец говорит она с глубочайшей усталости. – Я все равно хочу забрать Сасукэ из эксперимента.

Тогда Тейлор одаривает ее печальным, сочувствующим взглядом – таким же, каким когда-то заставила меня поверить ей. – Возможно, это твой единственный шанс спасти сына.

Вина в глазах Мины словно пронзает меня ножом. Она снова качает головой.

– Мы хотим, чтобы он отдыхал дома. Там он может быть счастлив, по крайней мере, еще немного.

Тейлор ничего не отвечает. Две женщины кланяются друг другу. Тейлор долго смотрит на дверь после того, как Мина уходит.

Включается следующая запись: Тейлор сидит в своем офисе напротив другого ученого.

– Ты сказал мне, что организовал все хорошо, – говорит Тейлор мягким голосом.

Мужчина склоняет голову, извиняясь.

– Миссис Танака уже подала документы в институт. Она не хочет оставлять своего сына в программе. Вы знаете, что у нее хорошие отношения с генеральным директором. Нам нужно их отпустить.

– Мина подозревает, что мы делаем?

Ученый качает головой.

– Нет, – отвечает он.

Тейлор вздыхает, словно происходящее причиняет ей боль. Она просматривает стопку бумаг на столе.

– Очень хорошо. Есть ли у нас в программе другие участники, с которыми может что-то получиться?

– Ваша девочка. Джэксон Тейлор. – Он пододвигает к ней еще одной стопку бумаг. Тейлор молча их изучает.

– У нее хорошие показатели, – отвечает она, поправляя очки. – Но ее реакция на проверку не настолько идеальная. Также она слишком непредсказуема, чтобы быть надежным кандидатом.

Безразличный тон Тейлор поражает меня. Я смотрю на Джэкс, пытаясь понять, о чем она думает, но та лишь постукивает пальцами по поясу.

Тейлор закрывает глаза, хмурясь в раздражении.

– Покажи мне снова файлы Сасукэ.

Ученый передает ей документы и показывает на несколько строчек наверху. Оба сидят молча некоторое время, листая бумаги и периодически кивая друг другу.

– Он куда надежнее, – голос Тейлор звучит четко и настолько уверенно, что по спине пробегает холодок. Она закрывает папку и начинает тереть виски. – Это слишком важное различие. Он был бы идеальным кандидатом. А теперь он просто умрет дома, увянет за пару лет. Как жаль. Какая *напрасная смерть*.

– Вы не сможете продолжать эксперимент с ним, – говорит ученый и понижает голос. – По крайней мере, без согласия его родителей.

Тейлор замирает и резко смотрит на него.

– Что ты предлагаешь?

– Я просто констатирую факты. – Но я слышу непроизнесенное предложение.

Она опускает руки и очень долго молчит.

– Мы не занимаемся похищением детей, – наконец говорит она.

– Вы хотите спасти его жизнь. Чем эксперимент хуже того, что все равно произойдет с ним? Как вы сказали, он скоро умрет.

Тейлор сидит, сплетя пальцы и погрузившись в раздумья. Интересно, думает ли она об убийстве своего отца или размышляет над своей потерей, над страхом смерти? Что бы ни происходило в голове Тейлор, на ее лице появляется спокойная решимость.

– Эти бедные дети… – наконец шепчет она, словно самой себе. – Как жаль.

Я вижу это в ее глазах. Она думает, что совершает благородный поступок. От осознания этого я в страхе сжимаюсь. Такая же решимость была на лице Хидео, когда он впервые рассказал мне об алгоритме.

Картинка все еще стоит перед глазами, когда размышляю над этой парой ученых, готовых пойти на ужасные преступления, чтобы спасти мир.

– Если эксперимент пройдет успешно, – продолжает мужчина, – у вас в руках окажется самая прибыльная технология в мире. Суммы, которые люди заплатят за нее, будут астрономическими. И подумайте о тех жизнях, которые вы спасете. – Он наклоняется ближе. – Мы никогда не найдем другого пациента, настолько подходящего для этого испытания. Гарантирую.

Тейлор подпирает рукой подбородок и смотрит вдаль.

– Сделай это быстро. И осторожно.

– Конечно. Я подготовлю план.

– Хорошо. – Тейлор делает глубокий вздох и выпрямляется в кресле. – Тогда я рекомендую выдвинуть Сасукэ Танака для нашего проекта «Ноль».

20

Проект «Ноль».

Мое сердце замирает. Я думала – как и Хидео – что это прозвище, имя хакера, его фирменный знак. Но в действительности так его назвала Тейлор. Проект «Ноль». Исследование «Ноль». Первый эксперимент.

Тейлор глубоко вздыхает, закрывает папку и отдает бумаги обратно ученому.

– Время Сасукэ ограничено. Мы не можем позволить себе ждать.

Прежде чем я успеваю полностью осознать, что сейчас увидела, сцена меняется, и появляется маленький мальчик, сжавшийся в углу. Я сразу же узнаю ту самую комнату, в которой видела Сасукэ во время нашей Дуэли.

Так это Тейлор забрала его. Она стояла за тем, что произошло тогда в парке: Хидео звал брата, но так и не услышал ответа. Она неосознанно подтолкнула Хидео к созданию «НейроЛинка», результата его безутешного горя. Она – причина, по которой Тримейн сейчас лежит без сознания на больничной койке, а я нахожусь в ловушке этого безумия.

За окнами теперь занимается рассвет, но кровать Сасукэ не разобрана, словно он сидел на одном и том же месте в углу всю ночь. Он до сих пор сидит там, в белом свитере с символом на рукаве, подтянув колени к подбородку. Его пальцы постоянно теребят синий шарф. Тот шарф, что Хидео обернул вокруг его шеи в их последний день вместе.

Дверь наконец открывается, отбрасывая косой прямоугольник золотистого света на сжавшегося мальчика. Вместо того чтобы встать, он еще больше вжимается в стену и крепче держит шарф. В проходе стоит высокая женщина, в которой я узнаю Тейлор.

– Как ты чувствуешь себя сегодня, Сасукэ? – спрашивает она нежным голосом.

– Доктор Тейлор, вы сказали, что если я буду вести себя тихо, вы разрешите мне вернуться сегодня домой.

Сасукэ отвечает на английском, а его юный голос звучит так невинно, пронзая мое сердце. В то время он был еще самим собой.

Тейлор тихо вздыхает и облокачивается о дверь. Ее доброе лицо кажется таким искренним – если бы я не знала правды, то подумала бы, что она любит его как мать.

– И я говорила серьезно, дорогой, от всего сердца. Ты вел себя так хорошо. Нам просто нужно еще немного понаблюдать, а

потом мы отвезем тебя домой. Ты можешь это сделать ради меня?

Сасукэ поднимает голову.

– Тогда я хочу сначала позвонить моей маме, – говорит он. – Сказать, что сегодня вернусь домой.

Ему всего семь, а он уже пытается вести переговоры. В этот момент я необычайно горжусь, что Сасукэ не покупается на доверительный голос Тейлор так же легко, как я.

Должно быть, она подумала о том же, потому что на ее губах расцветает улыбка:

– Ты такой умный мальчик! – В ее голосе слышится нотка восхищения. Она подходит к нему и садится на корточки. – Но сегодня нам нужно просто быстро просканировать твой мозг. Если ты поговоришь с мамой по телефону, это может расстроить тебя, и твой разум не будет настолько спокоен, насколько нам нужно. Но я обещаю тебе, это очень легко – и моргнуть не успеешь. А после ты отправишься домой. Разве это не прекрасно звучит, Сасукэ-кун?

Сасукэ игнорирует ее ласковое обращение.

– Нет.

Тейлор снова улыбается его ответу, и в комнату заходит другой ученый. Сасукэ мотает головой, когда мужчина тянет его за руку.

– Я не пойду, – в отчаянии говорит он.

– Слушай, Сасукэ-кун, – говорит Тейлор. – Если ты не будешь повиноваться, то я заберу твой шарф. – Она протягивает руку и дразняще похлопывает по ткани шарфа. – А я знаю, из-за этого ты очень расстроишься.

При этих словах Сасукэ замирает и смотрит на нее своими огромными глазами.

– Я лишь пытаюсь помочь тебе, – мягко говорит Тейлор, протягивая руку, чтобы потрепать его по щеке. – Вот чего хотели твои мама и папа, когда записали тебя сюда. Разве ты этого не знаешь? Вот почему ты здесь.

Его маленькие пальцы так крепко сжимаются вокруг кончика шарфа, что даже на записи я вижу, как белеют костяшки. Сасукэ бросает неохотный взгляд на комнату, прежде чем последовать за Тейлор и ученым. Дверь закрывается, снова погружая комнату во тьму.

Я закрываю рот рукой. Пока родители Хидео отчаянно искали его, пока Хидео потерял свое детство, сосредоточившись на исчезновении брата, Сасукэ удерживали здесь против его воли.

Следующая сцена снова начинается в комнате тестирования. В этот раз Сасукэ сидит за партой один, положив голову на руки. Он смотрит вперед невидящим взглядом. Когда шевелится, я

замечаю след от укола на сгибе его левой руки. На голове сбоку сбрита небольшая полоска волос, и возле виска я вижу еще один след от укола.

Открывается дверь. Заходит девочка, в которой я теперь узнаю юную Джэкс. Она видит Сасукэ, колеблется, а потом накручивает одну из своих косичек на палец и садится рядом с ним.

– Привет, – говорит она.

Он не произносит ни слова. Кажется, он даже не замечает ее присутствия.

Джэкс прикусывает губу и толкает его под руку. Сасукэ поднимает голову и сердито смотрит на нее.

– Чего ты хочешь? – бормочет он.

Джэкс удивленно моргает.

– Я Джэксон Тейлор.

– А. Ты ее дочь. – Сасукэ снова отворачивается и кладет голову на руки. – Я помню тебя с исследования.

Джэкс кривится и упирает руки в боки.

– Мама сказала, что тебе для разнообразия может понадобиться компания кого-то твоего возраста.

– Скажи свой маме, что мне неинтересно, что она там думает. – Он одаривает Джэкс скептическим взглядом. – Ты не выглядишь больной.

Она улыбается.

– Помнишь то исследование лекарства, которое проводили на нас? Оно очень хорошо сработало на мне. Мама говорит, что это чудо.

Сасукэ смотрит на нее какое-то время, а затем снова отворачивается.

– Повезло тебе.

– Эй, оно и твою болезнь замедлило. Возможно, ты превращаешься в кучу суперклеток. Так сказала мама. Она объяснила, что исследование помогло десяти процентам из нас. – Она колеблется и смотрит на выбритую полоску вдоль его головы. – Зачем они вводят тебе это?

Сасукэ кладет голову на руки и закрывает глаза.

– Почему бы тебе не спросить свою маму? – бормочет он.

Джэкс ничего не говорит. Ее щеки краснеют, словно извиняясь. Сасукэ поднимает взгляд и видит выражение ее лица. Он вздыхает. Через мгновение, кажется, ему становится жалко ее.

– Датчики, – объясняет он. – Должны находиться в моей крови. Поэтому и нужна была инъекция. Они сказали, что это приготовление к процедурам.

– О, – Джэкс изучает его лицо. – Ты плохо выглядишь.

Он снова закрывает глаза.

– Уйди. У меня болит живот и мне плохо.

Джэкс смотрит на него какое-то время, а затем выпрямляется:

– Хотела только спросить, не желаешь ли посмотреть на тот укромный уголок, что я нашла под потолком института. Мама не знает о нем. – Она встает, чтобы уйти. – Там металлическая решетка, ведущая на свежий воздух. Может тебе станет лучше.

Сасукэ поднимает голову и смотрит на ее удаляющуюся фигуру.

– Подожди, – говорит он. Когда она разворачивается, он смущенно откашливается. – Где оно?

Джэкс улыбается и наклоняет голову.

– Я покажу тебе.

– Я не должен покидать комнату.

Джэкс подмигивает ему.

– Никто же тебя не привязал? А теперь пойдем. – Она выходит за дверь, секундой позже он отодвигает свой стул и идет за ней.

Я просматриваю несколько таких сцен, как они вдвоем проводят время в пустой комнате для исследования, или в коридорах, или в библиотеке института. Несколько сцен взяты из Воспоминания Джэкс: вот она стоит на коленях в ванной, нежно похлопывая Сасукэ по спине, пока того тошнит в унитаз. А вот Сасукэ корчит смешные рожицы, пока она не начинает хихикать.

В другом Воспоминании они вместе сидят в тесном помещении, над которым за металлической решеткой виднеется квадрат ночного неба. Джэкс погружена в свои мысли и рассеянно показывает созвездия. Она замолкает, когда видит, что Сасукэ смотрит на нее, а не на небо. Он быстро отворачивается, но она успевает заметить, что его щеки покраснели. Она ухмыляется.

– Ты знаешь, что такое поцелуй? – серьезно спрашивает она его.

Он качает головой.

– Ты имеешь в виду поцелуй мамы?

– Нет, глупый, не тот, – Джэкс смеется. – Поцелуй, который ты даришь такому, как ты, – бормочет она. – Вот так. – Она наклоняется и быстро прижимает губы к его щеке, а потом отстраняется.

Сасукэ смотрит на нее с широко открытыми глазами, его лицо покраснело.

– О, – произносит он хрипло.

– Я видела это по телевизору, – отвечает Джэкс. Она нервно смеется, и Сасукэ начинает смеяться в ответ. Теперь он целует ее в щеку. Из-за этого она хихикает еще больше. Вскоре оба хохочут.

Я отворачиваюсь и вижу Джэкс рядом со мной. Она кивает в сторону юной себя.

– Это мои Воспоминания, – объясняет она, пока мы продолжаем смотреть. – Тейлор их записала и заархивировала, когда появился «НейроЛинк».

В третьем Воспоминании оба выглядят немного старше. Они сидят перед телевизором – старой моделью, которой скорее всего уже лет семь-восемь. На экране тринадцатилетний Хидео выходит на сцену перед прессой, его приветствует облако вспышек. В этом возрасте он выглядит неуверенным в себе и застенчивым, одежда мешком сидит на его долговязой фигуре. Его манера поведения мало чем напоминает то, каким мужчиной он стал. Он приветствует репортеров нервным взмахом руки.

Сасукэ хватает Джэкс за руку. На мгновение на его лице появляется искренняя улыбка:

– Это мой брат, Джэкс! – восклицает он, показывая на экран. – Вон там! Его показывают по телевизору! Ты видишь его? Посмотри на него! Он так вырос! – Его глаза блестят от слез. Взгляд Сасукэ прикован к телевизору, словно он боится, что показ прекратится. – Разве я не похож на него? Как думаешь, он ищет меня? Он вспоминает обо мне?

Значит он все еще любил своего брата. Я отрываю свой взгляд от картинки. На это слишком тяжело смотреть. Возле меня Джэкс сидит с мрачным спокойствием.

– Это была часть исследования Тейлор, разрешить ему смотреть телевизор, – говорит она.

– Зачем? – спрашиваю я.

Джэкс просто кивает, когда эта сцена заканчивается и начинается новая.

Сасукэ снова сидит, сжавшись, в той же темной комнате. В этот раз он выглядит пугающе худым, его руки стали костлявыми, а глаза – непомерно большими на маленьком лице. Сколько лет прошло? Должно быть, болезнь пожирает его.

В этот раз, когда дверь открывается, он садится прямо и косо смотрит на Тейлор.

– Как ты чувствуешь себя сегодня, Сасукэ?

Он молчит и рассматривает ее с подозрением, не присущим детям его возраста. Его руки сжимают синий шарф.

– Я заключу с вами договор.

Такие суровые слова из уст маленького мальчика заставляют Тейлор рассмеяться.

– Позвольте мне пропустить это сегодня, и я съем свой ужин.

Теперь женщина по-настоящему смеется. Когда она наконец успокаивается, то качает головой.

– Боюсь, что нет. Ты не можешь пропустить ни дня. Ты об этом знаешь.

Сасукэ бросает на нее задумчивый взгляд.

– Позвольте мне пропустить, и я отдам вам свой шарф.

В этот раз Тейлор смотрит на него с любопытством.

– Ты любишь этот шарф. Мы не можем забрать его у тебя даже во сне. Ты не отдашь его просто за день прогула.

– Я серьезно, – говорит Сасукэ.

Я наклоняюсь вперед, не в силах оторваться от разговора.

Тейлор подходит к Сасукэ, смотрит на него мгновение, а потом протягивает руку.

– Шарф, – говорит она.

– Мой свободный день, – отвечает Сасукэ, все еще крепко сжимая руками ткань.

– Даю тебе свое слово. Сегодня ты не отправишься в лабораторию. Мы не будем донимать тебя. Отдохни. Завтра мы продолжим.

Сасукэ смотрит на нее и выпускает из пальцев шарф. Когда Тейлор его забирает, я вижу, как руки Сасукэ трясутся, словно ему понадобилась вся сила, чтобы не броситься за шарфом прямо в тот момент. Но он отдает его, не издав ни звука.

Тейлор смотрит на шарф, а потом она поворачивается, чтобы уйти.

– Увидимся послезавтра, Сасукэ-кун. Я тобой горжусь.

Сасукэ не отвечает, но и не плачет. Он не сжимается на полу, как в первом видео, которое я смотрела. Он просто спокойно внимательно смотрит, как Тейлор уходит из комнаты. Когда дверь закрывается, плечи Сасукэ опускаются, он инстинктивно тянется к шее, на которой больше нет шарфа. Присмотревшись, я вижу, что он вытирает слезы. А потом вскакивает на ноги, подходит к камере слежения и ломает ее.

Я вздрагиваю. Пленка жужжит от помех. Когда камера снова включается, я вижу, что Сасукэ яростно пытается освободиться от уз в комнате с холодным светом. Рядом стоит Тейлор и наблюдает за ним со спокойным выражением лица.

– И кто помог тебе бежать, Сасукэ-кун? – спрашивает она.

Сасукэ не смотрит на нее. Его глаза прикованы к двери, ведущей из комнаты, словно силой волей он сможет вытащить себя из лаборатории. Когда Тейлор намеренно встает перед дверью, его взгляд наконец перемещается на нее.

– Кто помог тебе бежать, Сасукэ? – повторяет она.

Сасукэ продолжает молчать.

Тейлор качает головой и приказывает одному из ученых вывести вперед маленькую девочку. Мои глаза распахиваются от

удивления. Здесь у нее волосы покороче, но без сомнений это Джэкс. Она покорно следует за ученым и встает рядом с матерью. Странно видеть Джэкс такой испуганной, мне едва удается поверить, что это она.

– Джэксон помогла тебе? – спрашивает Тейлор спокойным голосом.

Сасукэ снова качает головой, хотя его взгляд теперь обращен на Джэкс. Я замечаю натянутые кожаные путы, руки Сасукэ напряжены так, что я вижу вены, выпирающие под кожей. Он не отвечает.

Тейлор кивает своим ассистентам. Я вижу, как они снимают путы с запястий и лодыжек Сасукэ.

Сасукэ не колеблется ни секунды. Он вскакивает и спрыгивает со стола, его глаза устремлены на дверь. Тейлор тянется к запястью юной Джэкс, тащит ее вперед и сажает на ту же скамейку, к которой всего пару секунд назад был прикован Сасукэ.

– Иди сюда, моя дорогая, – говорит ей Тейлор.

Это движение – единственное, что заставляет Сасукэ замереть у двери. Джэкс хныкает, она слишком боится сбежать, когда мама толкает ее к скамейке.

– Ты так сильно хочешь уйти, правда, Сасукэ? – успокаивающе говорит Тейлор, пока другой лаборант начинает протирать виски Джэкс влажной салфеткой.

На лице Сасукэ застыло странное выражение. Страх. Соблазн. Вина.

– Тогда иди. Умри там вместо того, чтобы позволить нам спасти тебя, – говорит Тейлор, поворачиваясь к Сасукэ спиной и сосредотачивая свое внимание на Джэкс. – Ты не единственный пациент в наших рядах, и твой прогресс оказался медленнее, чем я ожидала. Если не хочешь сотрудничать, мне просто придется заменить тебя кем-то другим. Джэкс всегда была запасным вариантом в нашем эксперименте.

Девочка отчаянно смотрит на Сасукэ, но не умоляет спасти ее, а наоборот, качает головой. *Иди*, настаивает она.

Тейлор поворачивается, чтобы встретиться глазами с парализованным взглядом Сасукэ.

– Ну? Двери открыты. Чего ты ждешь?

И мгновение кажется, что Сасукэ действительно попытается сбежать. Охраны, чтобы остановить его, нет, никто не смотрит в ту сторону. Тейлор слишком далеко, чтобы поймать его. Никто не погонится за ним, если он сейчас побежит.

Но он стоит и не двигается, сжимая и разжимая кулаки. Его напряженный взгляд мечется от Тейлор к Джэкс.

Тейлор вздыхает.

– Ты испытываешь мое терпение, – говорит она, снова поворачиваясь к Джэкс.

Сасукэ делает шаг вперед. Этого движения достаточно, чтобы Тейлор замерла. Сасукэ встречается глазами с Джэкс, а потом делает еще один шаг. Он пытается, чтобы его голос звучал спокойно, но я слышу дрожь.

– Она не часть программы.

Тейлор не спешит освободить свою приемную дочь.

– У тебя такой потенциал, Сасукэ, – говорит она. – Но мне нужно, чтобы ты принял окончательное решение. Если ты хочешь уйти – уходи. Мы не пойдем за тобой. Но знай, что ты единственный, на ком держится весь этот эксперимент, и твои действия могут изменить все. Результаты исследования могли бы спасти миллионы жизней. Могли бы спасти *твою* жизнь. Мы все так тяжело трудились ради тебя. И вот ты готов выбросить все это на ветер. – Она разочарованно смотрит на Сасукэ.

Хотя Сасукэ, кажется, все еще боится идти вперед, я вижу его виноватое лицо, слова Тейлор зажимают его в тиски. Внезапно он словно чувствует себя должным, словно что бы ни случилось здесь с Джэкс, это будет его вина, если он уйдет. Он встречается с ней глазами, и я вижу между ними немую связь, которая появилась после всех проведенных вместе дней и ночи, когда они прятались ото всех.

Я молча надеюсь, что Сасукэ развернется и убежит, и оставит все позади. Но он так не поступает. Вместо этого я вижу, как его плечи снова опускаются, и он делает несколько шагов от двери к лабораторному столу.

– Отпустите ее, – просит он Тейлор. Джэкс бросает на него испуганный взгляд, словно говорит ему не делать этого.

Тейлор улыбается.

– И ты не сбежишь?

– Не сбегу.

– И ты посвятишь себя нашему эксперименту?

Сасукэ колеблется, встречаясь с глазами Тейлор.

– Да, – быстро отвечает он.

Запись заканчивается. Сердце сейчас бьется так быстро, что мне приходится сесть на пол.

Следующая сцена датируется месяцем спустя. Сасукэ немного вырос, его руки стали длиннее, а тело более нескладным. Самое заметное изменение – его голову обхватывает обруч из черного металла, там где была заново сбрита часть волос. Он снова в той же лаборатории и отвечает на вопросы тех же лаборантов, которые работали с Тейлор и раньше.

– Назови свое имя.

– Сасукэ Танака.

– Возраст.

– Двенадцать.

Я быстро подсчитываю. К этому времени Хидео исполнилось четырнадцать, а мне одиннадцать. Warcross уже превратился в международный феномен, «НейроЛинк» попал в миллионы домов.

– Город рождения.

– Лондон.

– Как зовут твоего брата?

– Хидео Танака.

– Твою мать?

– Мина Танака.

Вопросы продолжаются еще некоторое время. Я смотрю на лицо Сасукэ, когда упоминаются имена его любимых – и впервые замечаю, что он не реагирует на них. Ни вздрагивает. Ни хмурится. В его глазах вспыхивает узнавание, но он словно произносит имена знакомых, а не семьи.

– Включите ему телевизор, – говорит Тейлор.

На экране идет запись интервью с Хидео, который постепенно привыкает к своей новообретенной славе. Я снова смотрю на Сасукэ. Недавно он держал Джэкс за руку и плакал при виде брата. Теперь он смотрит интервью с едва заметным интересом. Словно его привлекает знаменитость, а не родной брат.

Снова начинаются вопросы.

– Кто это?

– Хидео Танака.

– Он твой старший брат?

– Да.

– Ты скучаешь по нему?

Сасукэ колеблется, потом пожимает плечами.

Пока он отвечает на вопрос, лаборант наблюдает за результатами на экране и делает пометки на планшете.

– Признаки узнавания у Ноля все еще около восьмидесяти четырех процентов. Общее количество ответов улучшилось на тридцать три процента. – Лаборант зачитывает резутаты проверки, пока Сасукэ отвечает на вопросы.

Что бы они с ним ни делали, они забрали самое настоящее и человеческое – интонацию в голосе и свет в глазах – то, что определяло его как Сасукэ. Теперь Сасукэ перестал бороться и готов – если не желает сам – делать то, что ему говорят.

– Когнитивные умения Ноля незатронуты, – наконец заключает техник, когда звучит последний вопрос. Кто-то вводит

шприц Сасукэ в руку. Я наблюдаю, как его глаза закатывается, а тело оседает на платформу.

– Хорошо, – говорит Тейлор, скрестив руки. – А что насчет его реакций при упоминании семьи? Он, кажется, все еще отвечает эмоционально. Эти воспоминания должны уходить быстрее.

– Он держится за них крепче, чем я ожидал. Не волнуйтесь. Он уже скоро поверит, что всегда работал на вас. Мы должны все наверстать за следующие пару недель. Он будет полностью загружен прежде, чем утратит силы.

Прежде чем он умрет.

Я вдруг замечаю кое-что любопытное на записи. Теперь, когда система переключена на «НейроЛинк», я могу передвигаться по записи. Мой взгляд притягивает надпись на одном экране. Вверху тот же символ, что я видела на рукаве Сасукэ, а под ним большими буквами написано: ПРОЕКТ НОЛЬ.

Я перехожу к нему, внезапно испугавшись того, что могу увидеть. Джэкс рядом тихо объясняет мне все.

– Проект «Ноль» – программа искусственного интеллекта. За последние несколько лет благодаря ему улучшилось все, от работы поисковиков до программ распознавания лиц. У компьютера появилась возможности обыграть человека в сложных ментальных играх, например, в го. Но проект «Ноль» строится на том, чтобы установить продвинутые программы искусственного интеллекта в человеческий разум, и наоборот, чтобы объединить их вместе. Так мы получим преимущества компьютерного разума – логику, скорость, точность, а компьютеры сильные качества человеческого мозга – инстинктивные реакции, воображение, инстинкты, спонтанность.

Тейлор буквально отделяет разум Сасукэ от тела и передает его машине. Машине, которую она сможет контролировать.

Я откидываюсь назад, мир вокруг кружится. Почему просто не остановиться на том, чтобы загрузить человеческие инстинкты в искусственный интеллект? Зачем разрушать человека?

– Какова ее конечная цель? – шепчу я Джэкс.

– Бессмертие, – отвечает Джэкс. – Ты же знаешь, как Тейлор боится смерти. Она хочет, чтобы ее разум продолжал жить после тела. С такой технологией она сможет это сделать.

Мы переходим к последней записи. Сасукэ больше похож не на того маленького мальчика, а на Ноля, которого знаю я. Он стоит в центре лаборатории с холодным, бесчувственным взглядом.

– Но что они с ним сделали? – наконец спрашиваю я, в растерянности наблюдая за Нолем. – Он зашел так далеко, на нем ставили эксперименты, связанные с программой искусственного

интеллекта, но каков конечный результат? Что теперь он может такого, чего не мог раньше?

Джэкс пригвождает меня пустым взглядом:

– Конечная цель – превратить его в одни только данные.

Я моргаю в удивлении.

– Данные?

– Эмика, Ноль не настоящий.

Когда она это говорит, я вижу, как лаборанты проходят сквозь Ноля, словно он виртуальная симуляция. Голограмма. Сегодня ночью я тоже видела, как Ноль прошел прямо сквозь стеклянную дверь.

Кровь приливает к голове. Это не может быть правдой.

– Что ты имешь в виду, он не настоящий? Я видела его. Он физически много раз находился в моем номере, в том же пространстве, что и мы. Он…

– Разве? – прерывает меня Джэкс безжизненным голосом. – Ноль ненастоящий. Он иллюзия. Тело Сасукэ Танака умерло много лет назад в лаборатории. То, что ты видела, – виртуальная проекция. Эмика, Ноль – человеческий разум Сасукэ, успешно перемещенный в данные. Он и есть программа искусственного интеллекта.

21

Ноль ненастоящий.

Все это время я думала, что он из плоти и крови. Но он оказался иллюзией, проекцией, виртуальной, но настолько реалистичной картинкой, что я не заметила разницы.

Это невозможно.

Мне отчаянно хочется рассмеяться Джэкс в лицо. Должно быть я неправильно поняла ее.

Но потом ко мне возвращаются воспоминания, все быстрее и быстрее. Впервые я увидела его в «Пиратском логове», виртуальном пространстве. Во второй раз – в игре Warcross. В третью нашу встречу он стоял в комнате моего общежития и просто исчез, когда раздался взрыв. Когда я приехала в отель для встречи с «Черными Плащами», Джэкс и Тейлор были с ним, а он стоял, опершись о стену, ни к кому не прикасаясь.

Но нет! Я же видела, как он стоит на балконе с Джэкс, разве он не положил руку на ее спину, притягивая к себе? Мой разум лихорадочно кипит, вспоминая тот момент и пытаясь отыскать знак, что я сделала неправильный вывод.

Нет, Джэкс стояла близко к нему, а он только наклонился, чтобы прошептать ей что-то на ухо.

Я никогда не касалась Ноля, а он меня. Мы всегда находились просто рядом. Его холодный взгляд на самом деле искусственный.

От осознания всего у меня кружится голова, и мне приходится протянуть руку и опереться о стол.

Ноль ненастоящий. Он иллюзия.

Сасукэ Танака умер много лет назад.

Джэкс испуганно наблюдает за мной, пока я пытаюсь принять услышанное.

– Вечная жизнь внутри машины – это то, о чем всегда говорили, ведь так? Только теперь Тейлор сделала это реальностью. Разум Ноля точный и подвижный как человеческий, а по интеллектуальным возможностям он совершенно такой же, каким был Сасукэ. Только теперь Ноль может существовать где угодно. У него нет физической формы. Он не стареет. И пока существует интернет, пока существуют компьютеры, он будет существовать вечно.

– Что… – Мой голос обрывается и мне приходится попробовать снова. – А его память? Его воспоминания о семье?

– Тейлор не может допустить, чтобы он навещал их. А если он расскажет властям? – отвечает Джэкс. – Она дала ему бессмертие.

В обмен забрала его память, соединив его разум со своим. Он делает то, чего хочет она. Верит в то, во что верит она. И он умрет вместе с ней.

Джэкс перевела нас на другой файл, и я вижу перед собой список имен клиентов. Военные. Гиганты медицинской промышленности. Самые богатые люди мира. Технологические компании. Главы государств.

У меня раскалывается голова от новой информации. В мире полно людей, которые хотят воспользоваться результатами этого исследования, чтобы создать послушных суперсолдат или лекарство для неизлечимо больных, или ради другой выгоды. Возможно, чтобы жить вечно.

– Ирония судьбы… – говорит Джэкс отрешенным голосом. – Тейлор по-своему выполнила обещание перед Миной Танака. Она спасла жизнь Сасукэ, сделав его существование вечным. Вот только ценой стало его убийство.

Я вспоминаю, как в институте Ноль двигался вместе с той фигурой в доспехах, как его жесты передавались роботу.

– А тот робот в лаборатории? – решаю спросить я. – Тот, которого контролировал Ноль.

– Его физическая оболочка. Он может синхронизироваться с машиной, как если бы она была его телом. Он может контролировать одного робота или нескольких, если захочет.

Суперсолдаты.

– А теперь представь, что это можно подключить к «НейроЛинк». Тогда Тейлор легко сможет воссоздать эту технологию в больших масштабах.

– Но, – говорю я хрипло, откашлявшись, – знают ли эти клиенты – патроны – как она провела этот эксперимент? Каких жертв это стоило?

– А что теперь изменится, если даже они знали? – Джэкс пожимает плечами. – Если итоговые результаты настолько удивительные, откажешься ли ты от исследований просто потому, что процесс неэтичен? Жестокие эксперименты на людях проводили всегда, все страны. Думаешь, людям не хочется увидеть результаты исследования? Всем плевать на процесс, если конечная цель того стоит. И какова была цена в обмен на бессмертие?

Одна жизнь.

Она права. Если эксперимент раскроют, в нем можно обвинить «Черных Плащей». Все эти клиенты просто укажут на них, объявят жестоким и нелегальным обществом и избегут любого наказания за финансирование исследования. Но никто не выбросит на ветер деньги просто потому, что Сасукэ умер ради

них.

– Его родители, – шепчу я. – Мама Сасукэ. Она…

– Она никогда не знала, что с ним случилось. Она знает, что он исчез через несколько месяцев после того, как она вывела его из программы. Я знаю, что она чуть не погубила себя, пытаясь узнать, что с ним случилось – но что она могла сделать? Люди в Японии часто исчезают. Здесь даже не существует государственной базы, где регистрируют пропавших. Тейлор была директором института. Благодаря своей власти она могла скрыть то, что нужно было скрыть. Такое дикое обвинение Мины все бы восприняли как безумные домыслы убитой горем матери.

– А как насчет тебя? – тихо спрашиваю я.

– Тейлор часто нанимала нужных людей для своих проектов. Большинство, кто работал с нами, не были особо выдающимися гражданами. Так что пока ее амбиции росли, она хотела, чтобы кто-то вроде меня охранял ее власть и защищал ее. Может я и не пошла по пути Сасукэ, но меня долго проверяли на рефлексы. Так что она устроила мне тренировки. – Джэкс горько улыбается. В ее глазах снова появляется страх. – Никто так не поддерживает авторитет, как профессиональный убийца, а юная девушка-киллер способна удивить кого угодно.

Хотя Джэкс и не произносит этого вслух, я знаю, что она все еще думает о Тейлор как о матери. Жестокой матери, которой нет до нее дела, но для которой Тейлор все равно семья. Сложно избавиться от ловушек разума, какими бы болезненными они ни были.

Тейлор заставила меня поверить, что она – сила добра, что ее миссия глубоко благородная: избавить мир от режимов и технологий, вроде алгоритма Хидео, которые хотели контролировать других. Но иногда необходимость защитить мир от контроля означает захватить власть в свои руки.

Джэкс вытаскивает нас из записей. Я снова вижу огромную лабораторию, хранилище секретов «Черных Плащей». Потом возвращаемся на Всемирную темную выставку, а затем на улицы «Темного мира». Потом мы оставляем виртуальное пространство, и я возвращаюсь в свой номер, освещенный лунным светом и уличными фонарями. Виртуальное изображение Джэкс все еще здесь, стоит рядом со мной. Я откидываюсь на спинку кровати.

– Зачем ты все это мне рассказываешь? Ты рискуешь собственной жизнью.

Ее выражение лица, как всегда, не меняется.

– Потому что я не верю, что Сасукэ полностью исчез.

Она замолкает, но продолжает смотреть на меня. В голове уже проносятся мысли и воспоминание, которое Ноль показал

мне, когда учил взламывать разум Хидео. При этом он сказал, что не хотел мне этого показывать. Но что, если этого желал Сасукэ? Вдруг он сидит в дальнем углу разума Ноля?

– Символ, – шепчу я Джэкс. – Воспоминание Сасукэ в комнате.

Она кивает в ответ.

– Думаю, не было случайностью, что Ноль впустил тебя в это Воспоминание. Я думаю, это сделал Сасукэ.

То, с какой надеждой Джэкс это произносит, совсем не похоже на ее обычную немногословность. Для нее Сасукэ все еще жив. Неудивительно, что она никогда не станет пытаться убить Тейлор, пока Сасукэ может находиться в ловушке разума Ноля.

Внезапно Джэкс сосредоточенно смотрит куда-то в сторону и некоторое время прислушивается. Я напрягаюсь, не понимая, что она слышит и где сейчас в действительности. Она наклоняется ближе ко мне.

– Слушай внимательно, – быстро говорит она. – Ноль полностью под контролем Тейлор. По природе своего программирования он должен слушать ее команды и подчиняться, чтобы она ни сказала. Тебе нужно получить доступ к алгоритму Хидео. Но как только у тебя это получится, ты не должна дать Тейлор взять над ним контроль. Если ты сможешь использовать алгоритм, чтобы заставить Тейлор потерять контроль над разумом Ноля, то ты сможешь освободить его.

Внезапная неуверенность в ее голосе ошеломляет меня. Прямо сейчас она похожа не на беспощадного киллера, а на маленькую девочку, которая в ужасе от своего опекуна.

– Как и мы все, Тейлор носит бета-линзы. Они не привязаны к алгоритму. – Она засовывает руку в карман и достает маленькую коробочку. – Но они подключатся на мгновение, сразу после того, как ты получишь доступ к алгоритму Хидео во время церемонии закрытия.

Она права. На долю секунды после того, как бета-линзы Тейлор подключатся к алгоритму, – прежде, чем ее код определит ее как хозяина алгоритма – она будет уязвимой перед Хидео. Он сможет захватить контроль над ее разумом.

– У нас будет всего одна секунда, чтобы это сделать, – говорю я. А потом добавляю про себя: “И если бы я только могла убедить Хидео сотрудничать”.

Джэкс кивает.

– Это будет самая важная секунда в истории.

Если что-то пойдет не так, мои собственные бета-линзы тоже подключатся к алгоритму. Я окажусь под контролем Тейлор, а не Хидео. Все мы. Я стараюсь не думать, на что способна Тейлор с

такой властью. Во что она может нас превратить.

– Что произойдет после того, как мы освободим Ноля из-под ее контроля? – спрашиваю я.

– Та библиотека, которую я показала тебе. В ней есть все, помнишь? Каждое исследование, каждый эксперимент, когда-либо проведенный Тейлор. Там также сохранен разум Сасукэ на каждой стадии эксперимента.

При этих словах она достает сжатую базу данных, который повисает между нами. Мне не нужно говорить, чтобы понять, что́ содержат эти записи.

– Тебе нужен будет прямой путь в разум Ноля. Загрузи Воспоминания Сасукэ обратно в Ноля. У него нет желания идти против Тейлор… но у Сасукэ может быть.

Использовать алгоритм, чтобы спасти брата Хидео. В этом плане почти наверняка что-то пойдет не так. Но я все равно киваю Джэкс.

– Мы это сделаем.

Джэкс резко отшатывается от меня, словно что-то услышав. Слабость мгновенно исчезает с ее лица.

– Мне нужно идти, – шепчет она и встречается со мной взглядом в последний раз. А потом обрывает связь. Я снова остаюсь одна в своем номере.

Я сижу, прислонившись к спинке кровати, в гробовой тишине. Записи, которые я просмотрела, на повторе прокручиваются в моей голове, отказываясь исчезать. Я снова поднимаю каждый файл, который передала мне Джэкс. Изображения Сасукэ, его Воспоминания окружают меня, словно нимб.

Вот ключ, который я искала.

Медленно в моей голове начинает формироваться план.

22

Мне едва удается поспать той ночью. Каждый раз, закрывая глаза, я вижу Сасукэ маленьким мальчиком в той комнате, по его щекам текут слезы. Вижу, как он целует Джэкс. Кричит, когда его привязывают для процедур. Воспоминания сливаются друг с другом, создавая новые, искаженные. Вот Джэкс стоит с Нолем на балконе, он наклоняется, чтобы поцеловать ее в шею. Затем Джэкс превращается в меня, а Ноль в Хидео. Мы снова лежим в постели в стеклянной башне. Его голова откидывается назад, когда Тейлор стреляет в него. Он превращается в Тримейна и падает на пол.

Я с криком вскакиваю с кровати, мое тело мокрое от пота. Мне слишком страшно, чтобы снова пытаться заснуть, так что вместо этого я сижу в постели и играю со светящимся кубом, который отдал мне Ноль – код взлома, который поможет пробраться в разум Хидео.

Используй алгоритм, чтобы заставить Тейлор потерять контроль над Нолем.

Пойдет ли Хидео на это? Позволит ли кому-то получить доступ к его алгоритму? Даже Ноль отказался открываться брату, зная, насколько непредсказуемой может оказаться его реакция. Гарантий, что Хидео поверит мне, нет.

Сасукэ похоронен где-то внутри монстра, созданного Тейлор. Если есть хоть малейший шанс, что мы можем спасти его… мне нужно верить, что Хидео выслушает меня. А если нет… а если нет, мне придется проникнуть в его разум.

Я изучаю данные, когда лучи рассвета начинают проникать в комнату. Как только свет меняется с голубого на золотой, перед моими глазами появляется входящий звонок. Я подпрыгиваю, думая, что звонит Ноль – он или Тейлор поняли, что` сделала Джэкс.

Но это Рошан. Я принимаю звонок и его хриплый голос наполняет мои уши.

– Тримейн в больнице, – говорит он, что я и так уже знаю. – Он серьезно ранен. – Его голос немного дрожит. – Эм, он указал меня среди своих контактных лиц для экстренной связи. Вот почему врач позвонил мне. Я… я не могу…

Я едва выношу боль в его голосе. У меня руки трясутся, когда он диктует мне название больницы.

– Уже еду, – шепчу я и выскакиваю из постели, прежде чем он отвечает.

Полчаса спустя я приезжаю в больницу и нахожу Рошана,

разговаривающего с врачом. Тот напрасно пытается объяснить Рошану, что навестить Тримейна пока нельзя.

– Мы торчим здесь уже много часов! – голос Рошана раздается по всему холлу. – Вы сказали, что мы сможем навестить его, час назад! – Он кричит на доктора по-японски, и перевод его слов появляется перед моими глазами. Рядом с ним стоят неестественно спокойные Хэмми и Эшер, даже не пытаясь остановить его. Должно быть, нервы у него сдали уже не в первый раз.

– Мне жаль, мистер Ахмади, – объясняет врач, слегка кланяясь. – Но вы не родственник мистера Блэкборна. Если у вас нет официального свидетельства, то вам с вашими друзьями придется подождать, пока мы разрешим вам навестить…

– Мы пара, – резко отвечает Рошан, забывая в запале, что это больше не так. – Разве вы не приняли закон об однополых браках в прошлом году?

– Но вы же на данный момент не женаты, – парирует врач. – Не так ли? У вас есть документы?

Рошан вскидывает руки и мчится назад в комнату ожидания, где стою я. Позади него Эшер и Хэмми обмениваются быстрыми взглядами. Рошан по пути замечает меня и быстро кивает.

Мое сердце стучит в горле, когда я подхожу к ним. Рошан выглядит бледным и измотанным, а его глаза покраснели.

– Почему ты не была с ним? – резко спрашивает он меня. – Они сказали, что его выбросили одного у больницы.

Злость Рошана больно бьет меня в грудь. Я пытаюсь найти оправдание: что я не могла добраться до него, что «Черные Плащи» поняли, что Тримейн взломал их базы данных. Но не это нужно услышать Рошану.

– Я должна была быть там, – выдавливаю я из себя. – То, что случилось с ним – моя вина. Он вообще не должен был…

Рошан бросает взгляд через плечо на палату Тримейна, потом закрывает глаза и опускает голову.

– Прости, – говорит он. – Я рад, что тебя там не было.

– Его видно через окно?

Рошан кивает.

– На нем бинты. Врачи говорят, что они ждут, пока сойдет отек, но не знают, когда это произойдет. Они сказали, что ему повезло, что пуля прошла таким образом. Чуть правее или левее, и он был приехал сюда мертвым.

Я вспоминаю обещание Джэкс, что она сделала настильный выстрел. Она сдержала свое слово.

– Что случилось? – спрашивает Эшер, подъезжая к нам, а за ним следует Хэмми.

«Бригада Демонов» и дргуие игроки из разных команд тоже пришли, наполнив комнату ожидания неловким шумом. Так что я понижаю голос и рассказываю друзьям то, что могу: как я и Тримейн отправились в институт, и что все пошло совсем не по плану.

Но я не рассказываю о Сасукэ. Не могу позволить им приблизиться к настоящей опасности.

– Тебе нужно остановиться, – говорит Хэмми, когда я замолкаю. – Там могла оказаться и ты – и все могло быть намного хуже.

Мне хочется прислушаться к ней, но сегодня ночью я встречаюсь с Хидео. Церемония закрытия пройдет через два дня. У нас нет вариантов. Просто больше нет времени, чтобы останавливаться. Я могу лишь слабо ей кивнуть. Она видит ложь в моих глазах, но не настаивает.

Когда мы устраиваемся на стульях в комнате ожидания, я понимаю, что смотрю на дату перед глазами. Когда начнется игра церемонии закрытия, все или закончится хорошо, или обернется настоящим кошмаром.

* * *

Хидео сегодня ночью не дома – по крайней мере, не в том доме, что я помню. Машина, которую он посылает за мной, везет меня через мост над широким Токийским заливом, где океан встречается с городом, а отражения небоскребов дрожат на воде. Сегодня ночью мост полностью подсвечен цветами «Всадников Феникса», и сквозь линзы я вижу, что над круизными кораблями и туристическими паромами в гавани, парят сердечки и звезды.

Алые цвета «Всадников Феникса» отражаются в океане как кровь. Панорама города напоминает миллионы осколков стекла. Я утыкаюсь взглядом в колени и крепко сжимаю руки.

Мы едем вдоль берега, пока не оставляем большую часть лодок позади и не въезжаем в тихое место с роскошными небоскребами. Здесь команда секьюрити показывает машине проезжать через ворота. Когда наконец мы останавливаемся у края дока, к нам подбегают еще больше телохранителей в костюмах, чтобы открыть дверцу.

Я выхожу из машины и вдыхаю соленый воздух. От развернувшегося вида захватывает дух.

Передо мной мирно покачивается самая большая яхта, которую я когда-либо видела. Матово-черный, корабль сливается с ночью, кроме серебряных линий, бегущих вдоль каждой палубы,

и гирлянды из цветных фонариков, протянутых через топ-мачту.

– Мистер Танака ждет вас, – говорит мне один из телохранителей. Он протягивает руку в перчатке, предлагая мне ступить на мостик, ведущий на яхту. Я молча киваю. Внезапно мне становится нехорошо от предвкушения чего-то и страха. Я оказываюсь на нижней палубе корабля и захожу внутрь.

Вижу двухэтажное помещение, с потолка которого свисает хрустальная люстра. Стеклянные двери от пола до потолка затонированы для приватности. В дальнем конце уже распахнутые двойные двери приглашают меня внутрь. Я останавливаюсь в сомнениях в проходе, чтобы рассмотреть просторную полутемную комнату.

Стены тоже сделаны из тонированного стекла и за ними виднеются очертания города над водой. Толстые белые ковры и плюшевые диваны повсюду. Прозрачно-жемчужные занавески лениво колышутся от морского бриза, а под распахнутым иллюминатором стоит низкая роскошная кровать.

Комната такая же безупречная, как и основной дом Хидео, насколько я помню – по крайней мере, мне так кажется до того момента, как я замечаю осколки фарфора на полу.

– Смотри под ноги.

Голос Хидео долетает до меня через комнату; он направляется ко мне с балкона с черной курткой, перекинутой через плечо и небрежно бросает ее на соседний стул. В тусклом освещении я лишь вижу его высокий силуэт и серебро волос, но могу определить, что его рубашка непривычно измята, рукава неровно закатаны, а воротник поднят. Тени полностью скрывают выражение его лица.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Он выпрямляется и подходит к дивану, немного выходя на свет.

– Я подмету через секунду, – отвечает он. Его вечная привычка отвечать, не отвечая.

Я смотрю на его руки: костяшки сбиты, на них засохла кровь. Под его глазами залегли темные круги.

Он здесь с той самой ночи в Музее современного искусства, переживает из-за того, что я ему рассказала? Я никогда не видела его таким уставшим, словно его сердце пытается справиться с огромной тяжестью.

Я сажусь напротив него, а потом жду, пока он не наклоняется вперед и не смотрит на меня пронзительным взглядом.

– Ты привела нас сюда, – говорит он тихо. – Так что рассказывай. Что ты знаешь о моем брате?

Сегодня ночью нет смысла для вступительной вежливой

беседы. В его голосе чувствуется злость, которую я помню с той ночи, когда Джэкс пыталась убить его. Тогда он склонился над своим раненым телохранителем и приказал остальным найти преступника. Даже та страшная ночь ничто по сравнению с этим моментом. Я чувствую, что смотрю в пустоту, открывшуюся в нем и угрожающую поглотить целиком.

Я отвечаю не сразу. Нет слов, которые облегчили бы наш разговор. Вместо этого я связываюсь с ним и поднимаю экран, чтобы показать ему Воспоминание, сохраненное после первой встречи с Нолем. Он в моем номере отеля.

Хидео смотрит на лицо брата. В его глазах водоворот эмоций. Сначала недоверие, что этот незнакомец вообще может быть им. А потом узнавание, потому что этот молодой человек, несомненно, тот же маленький мальчик, исчезнувший много лет назад.

– Как ты поняла? – наконец спрашивает он.

– Я поняла после финальной игры, когда ушла из твоей комнаты, – продолжаю я, желая заполнить тяжелую тишину. – Код взлома, который я использовала в конце, чтобы остановить его, раскрыл его личность. Вот тогда я увидела его имя.

– Это не он.

Я достаю второе видео Ноля: в этот раз он ведет меня в мою комнату.

– Это он, – настаиваю я тихим голосом.

Хидео смотрит на него долгое время, смотрит, не отрываясь, пока мне не начинает казаться, что он вообще застыл.

– Что… – его голос обрывается на мгновение, и я чувствую, как мое сердце замирает от этого звука. Не думаю, что когда-либо слышала, чтобы его голос так дрожал. – Что с ним случилось?

Я вздыхаю, проводя рукой по волосам.

– Не я должна тебе это рассказывать, – отвечаю я. – Но когда твой брат… когда он исчез, он был очень болен. Твоя мать в отчаянии записала его в экспериментальную программу, где был шанс вылечить его.

Хидео качает головой.

– Нет, – отвечает он. – Мои родители рассказали бы мне. Сасукэ играл со мной в парке в день, когда исчез.

– Я рассказываю тебе лишь то, что знаю.

Пока Хидео продолжает смотреть файлы, я показываю ему каждую дублированную мной запись, в хронологическом порядке. Комната испытаний в инновационном институте, ребенок за партой. Надежда и тревога на лицах родителей Хидео, вглядывающихся через окно. Личная встреча Даны Тейлор и Мины Танака. Маленький силуэт Сасукэ, сжавшегося в углу

комнаты, умоляющего отпустить его домой к семье. Яркий синий шарф, обернутый вокруг его шеи. Его дружба с Джэкс и моменты, которые они провели вместе. То, как он пытался выторговать у Тейлор свободу, заплатив своим шарфом. Неудачная попытка бегства. Медленное исчезновение его личности с каждой новой процедурой, которая превращала Сасукэ в набор данных.

Открываю правду о проекте «Ноль».

Я ожидаю, что в какой-то момент Хидео оторвет взгляд от экрана, но он этого не делает. Он смотрит все записи молча, его взгляд не отрывается от брата, где с каждым видео Сасукэ становится старше и все больше теряет самого себя. Когда Тейлор забирает его шарф. Когда Сасукэ смотрит на первое публичное выступление брата. Каждая сцена оставляет рану в сердце Хидео.

Когда записи заканчиваются, он не произносит ни слова. Мой взгляд прикован к засохшей крови на его костяшках. Тишина ревет в наших ушах, как живое существо.

– Сасукэ умер много лет назад, – наконец шепчет Хидео в темноту, эхом повторяя слова, которые Джэкс сказала мне. – Значит, он покинул этот мир.

– Мне жаль, – шепчу я в ответ.

Тяжесть, разрушавшая его сердце, вежливая, суровая отстраненность, все щиты, которые он возводил один на другой, – все это рушится. Он опускает голову и внезапно начинает плакать.

Тяжестью была ноша незнания, многих лет горя, представления тысячи вещей, которые могли произойти, гаданий, войдет ли его брат когда-нибудь снова в дверь. Все эти бесконечные вариации Воспоминания, сделанные Хидео в попытке понять, как мог исчезнуть Сасукэ, только давили на него. Это была последняя ниточка незавершенной истории.

Я ничего не могу сказать, чтобы утешить его. Я лишь могу слушать, как его сердце разбивается снова и снова.

Слез больше не остается, Хидео сидит в тишине и смотрит в окно. Он кажется потерянным, и впервые я вижу в его глазах неуверенность.

Я наклоняюсь вперед и обретаю голос.

– Хоть Сасукэ и покинул этот мир, – тихо говорю я, – он все еще по-своему жив в другом.

Хидео не отвечает, но его ресницы опускаются, когда его взгляд поворачивается ко мне.

– Ноль – творение Тейлор, – продолжаю я. Мой голос звучит оглушающе. – Он привязан к ней во всех смыслах этого слова. Как и твой алгоритм контролирует тех, кто носят линзы «НейроЛинк», Тейлор контролирует данные Ноля. Его разум. Но

Сасукэ не исчез. Я думаю, что он дотянулся до меня через Ноля. Он в ловушке где-то в темноте, кричит о помощи.

Хидео заметно вздрагивает, но по-прежнему молчит.

Я нерешительно кладу свою руку на его.

– Хидео, Тейлор охотится за твоим «НейроЛинком». Ее люди стоят за каждой недавней атакой против него.

– Пусть приходят, – в словах Хидео слышится тихая и явная угроза. Он встает с дивана, отворачивается и идет к окну, засовывает руки в карманы и смотрит на отражающийся в воде город.

Я умолкаю. Через некоторое время я встаю с дивана и подхожу к нему. Когда я смотрю на него, то вижу, что его глаза покраснели, а на щеках остались дорожки от слез. Наконец через долгое время он поворачивает голову в мою сторону, его взгляд все еще направлен на город.

– Он что-нибудь помнит? – тихо спрашивает он.

Я слышу настоящий вопрос в его словах. *Он помнит меня? Помнит наших родителей?*

– Он знает, кто ты, – мягко отвечаю я. – Но только так, как может знать о тебе незнакомец. Мне жаль, Хидео. Я бы хотела рассказать тебе что-то получше.

Хидео продолжает невидящим взглядом смотреть на город. Я не знаю, о чем он думает. Неужели он хочет воспользоваться «НейроЛинком» и уничтожить все то, что случилось в прошлом?

– Джэкс сказала мне, что единственный способ помочь Сасукэ – использовать твой алгоритм, чтобы повернуть Ноля против Тейлор.

Мои слова вырывают его из транса. Хидео косо смотрит на меня.

– Ты хочешь, чтобы я привязал к ней алгоритм?

– Именно. Если ты откроешь алгоритм и привяжешь к нему Тейлор, то сможешь ее контролировать и освободить Ноля.

– А что насчет Сасукэ? – Хидео сжимает челюсти, произнося имя брата.

– У Тейлор сохранен архив прошлого разума Сасукэ. Все его стадии развития. Если мы сможем соединить эти версии с тем, кем он является теперь, то сможем снова сделать его разум целым. – Я делаю паузу. – Я знаю, что он никогда не будет настоящим… Но ты в силах хоть как-то вернуть его.

– Ты просишь предоставить тебе доступ в мой алгоритм.

Я колеблюсь.

– Да.

Он все еще думает, верить мне или нет, но под защитной броней я снова вижу его бьющееся сердце. Все тысячи

возможностей того, что могло случиться с Сасукэ, исчезли. Им на смену пришла ясность – и путь вперед. У него есть шанс снова поговорить с братом, отчасти вернуть его.

Ради этого, я знаю, он готов разбить устои мира на кусочки. Готов рискнуть всем.

Хидео снова смотрит на воду. Проходит долгое мгновение прежде, чем он наконец произносит:

– Я сделаю это.

Не раздумывая, я делаю шаг к нему, теперь мы почти касаемся друг друга. Моя рука опускается на его. Я ничего не говорю. Он все равно вздрагивает, почувствовав мои смешанные эмоции – колеблющуюся веру в него, притяжение, которое я испытываю к нему. Мой страх снова довериться ему. Я чувствую тепло его кожи сквозь рубашку и не могу заставить себя отойти.

Он поворачивается ко мне лицом.

– Ты рискуешь своей жизнью, рассказывая мне об этом, – говорит он. – Ты могла бы вернуться в Нью-Йорк и оставить все позади. Но ты все еще здесь, Эмика.

Мгновение я вспоминаю, как сидела в маленьком баре с Хэмми и другими «Всадниками». Я вижу, как Хэмми наклоняется ко мне и припечатывает меня твердым взглядом. *Почему ты это делаешь?*

А потом я делаю то, на что никогда не думала, что решусь. Я вспоминаю то утро, когда лежала, свернувшись клубочком, худая, опустошенная и лишенная надежды в постели приюта и услышала его историю по радио. Я позволяю Воспоминанию сформироваться в ясную картинку и посылаю ему все, что увидела, почувствовала и услышала в тот день. Я позволяю ему увидеть ту разрушенную часть меня, которая ожила, услышав о нем.

Не знаю, как много из этого он видит и понимает. Это сумбур мыслей и эмоций, а не записанное Воспоминание. Внезапно я боюсь, что он не поймет, что я вообще пытаюсь сказать. Что этот уязвимый, открытый момент может ничего не значить для него.

Я в смущении отворачиваюсь. Но когда снова смотрю на него, его взгляд прикован ко мне. Он смотрит так, словно только я имею значение. Словно он понимает все, чем я пыталась с ним поделиться.

Это больше, чем я могу выдержать. Я сглатываю и заставляю себя отвернуться. Мои щеки горят.

– Хидео… я никогда не соглашусь с тем, что ты делаешь. Никогда не буду считать правильными смерти, связанные с твоим алгоритмом или причины, которыми ты их оправдываешь. Но в тот день, когда ты был всего лишь мальчиком, дающим интервью

по радио, прячущим свое разбитое сердце, ты дотянулся до девочки в поисках чего-то, за что можно держаться. Она нашла тебя, и ты помог ей встать на ноги.

Хидео смотрит на меня, его взгляд прожигает до самого сердца.

– Я не знал, – шепчет он.

– Ты всегда будешь частью моей истории. Я не могла бы отвернуться от тебя, не предав себя. Мне нужно было попробовать. – Мои тихие слова повисают в воздухе. – Мне нужно было протянуть тебе руку.

Он сейчас так близко. Я на опасной территории – не нужно было приходить сюда. Но я стою на месте и не отстраняюсь.

– Ты боишься, – бормочу я, замечая эмоции, пульсирующей волной идущие от него.

– Я в ужасе, – шепчет он в ответ, – от того, на что ты способна. Потому что ты здесь, идешь по лезвию бритвы. Я боялся с тех пор, как встретил тебя, когда ты посмотрела мне в глаза и сломала мою систему за какую-то пару минут. Я провел часы после этого, изучая что ты сделала. Я помню все, что ты когда-либо сказала мне. – В его голосе появляется боль. – Я боюсь, что каждый раз, когда я вижу тебя, может быть последним.

Я вспоминаю его пронзительный взгляд, обращенный на меня в нашу последнюю встречу. Под ним все это время таился страх.

– Ты сказал, что больше не хочешь меня видеть, – единственное, что мне удается выговорить.

Теперь его голос низкий и полный боли.

– Потому что каждый раз, видя тебя, мне нужны все силы, чтобы отвернуться.

Я наклоняюсь к нему, желая большего. Должно быть, он чувствует это через нашу связь, и словно в ответ я ощущаю тень того, что он желал бы сделать; она пролетает сквозь его мысли, в ней его рука на моей талии, прижимает меня к нему. Расстояние между нами кажется живым, искрящимся от обжигающего желания сократиться.

Он колеблется. Его сердце открыто и уязвимо, и теперь я вижу страх на его лице.

– Чего ты хочешь, Эмика? – шепчет он.

Я закрываю глаза, вздыхаю и снова открываю их.

– Я хочу остаться.

Это последняя дрожащая нить, удерживающая его. Он сокращает расстояние между нами, обхватывает мое лицо в руки и наклоняется ко мне. Его губы касаются моих.

Чувство контроля, которое я испытывала, рушится. Он теплый, его тело такое знакомое. Я падаю в его объятия. Этот

поцелуй сильнее нашего первого робкого поцелуя – мы оба восполняем потерянное время.

Мои руки обвивают его шею. Его руки касаются моей талии, прижимая мое тело к его. Мои пальцы пробегают по его волосам. Он прерывает наш поцелуй только для того, чтобы коснуться губами моей шеи, и я выдыхаю, дрожа от его теплого дыхания на коже. Отрывки мыслей, фантазии и ощущения передаются из его разума в мой, и от этого в теле приятно покалывает.

Я смутно замечаю, что он без особых усилий поднимает меня на руки. Несет меня к постели.

Не делай этого, предупреждаю я себя. *Ты на тонком льду. Тебе нужно сохранять ясную голову.*

Но когда мы падаем на простыни, я могу лишь думать об очертаниях его подбородка в темноте. Я наслаждаюсь лучами темно-синего света на его коже, пока борюсь с пуговицами на его рубашке и расстегиваю его ремень. Его руки стягивают мою рубашку через голову, скользят по коже. Прохладный ветерок обвевает мою обнаженную грудь, и внезапно мне хочется прикрыться перед ним. Но он смотрит на меня темными от желания глазами. Застенчивая улыбка появляется на его губах. Свет города за окном цепляется за его длинные ресницы.

Когда я тянусь к нему, он целует меня в щеку, потом его губы двигаются по моей шее и ключицам. Его дыхание тяжелое и неровное, его руки теплые и нежные. Я дрожу, прижавшись к нему, и через мгновение понимаю, что и он дрожит. Я провожу пальцем по мускулам его груди, вниз до живота, краснея от того, что такое простое прикосновения заставляет его дрожать. Его губы касаются моих, он шепотом спрашивает, чего я хочу, и я отвечаю ему. В этот момент я не думаю ни о чем: ни о «Черных Плащах», ни о Ноле, ни об опасностях, ожидающих нас. Я думаю лишь о настоящем моменте. О моем теле, переплетенном с его. О резком вздохе, моем имени, которое возбужденно повторяют его губы. О прохладных простынях под нами, жаре его тела, прижимающегося ко мне, моих пальцах, отчаянно цепляющихся за его спину.

Существую только я.

И он.

И мягкий шелест океанских волн под полуночным небом, отделяющих нас от замершего в ожидании города.

23

ОДИН ДЕНЬ ДО ЦЕРЕМОНИИ ЗАКРЫТИЯ WARCROSS

Я не шевелюсь, пока первые лучи солнца не проникают в комнату, отбрасывая бледный свет на смятые простыни. Мгновение я не могу вспомнить, где нахожусь – незнакомая комната, чужая кровать. Рядом со мной никого нет. Комната немного качается. Я на лодке?

Воспоминания о прошлой ночи медленно возвращаются ко мне.

Я хмурюсь, собирая одеяло вокруг себя, и сажусь на кровати. Хидео ушел? Я осматриваю комнату, и мои глаза наконец останавливаются на приоткрытой двери, за которой я вижу силуэт мужчины, залитый золотым светом. Он облокотился о поручни корабля и смотрит на город.

Я позволяю себе некоторое время понаблюдать за ним, потом вылезаю из постели и одеваюсь.

Воздух на улице прохладный, пахнет солью и морем. Кожу покалывает, когда я останавливаюсь в проходе. Я вижу две дымящиеся кружки на маленьком столике возле Хидео. Утренняя роса все еще блестит на стеклянной двери. Я лениво провожу по ней пальцем, и напоминаю себе, что теперь я в настоящем мире, а не в виртуальном.

Хидео наконец замечает меня.

– Ты встала рано, – говорит он.

– Ты знал, что так и будет, – отвечаю я, кивая в сторону двух чашек. – Иначе не стал бы наливать мне кофе.

Он бросает на меня быстрый взгляд, на его губах появляется легкая улыбка и он делает глоток кофе. Этим утром он кажется бледным, под его глазами все еще видны темные круги, но Хидео больше не говорит о том, что сейчас творится в его душе. Все уязвимые места, которые он открыл мне прошлой ночью, вновь спрятаны. На мгновение я боюсь, что он снова мне не верит. Думает, что все это было огромной ошибкой.

А потом я встречаюсь с ним взглядом. Нет, он не закрылся полностью. Настоящий Хидео, которого я искала, здесь.

Он предлагает мне присоединиться к нему, протягивая кружку с кофе.

– Тейлор ожидает, что ты будешь здесь, – тихо говорит он, а его взгляд перемещается на просыпающийся город.

Я киваю. На мгновение мой разум возвращается к Нолю. Они могут наблюдать за нами прямо сейчас с какого-нибудь укрытия

на берегу.

– Они хотят, чтобы я подобралась к тебе как можно ближе, – отвечаю я, ставя кружку на стол.

Глаза Хидео вспыхивают, и я знаю, что он думает о своем брате. Что бы это ни было, он не произносит ничего вслух. Вместо этого прижимает меня к себе. Его руки, державшие чашку, теплые. Он разворачивает меня, прижимая спиной к перилам, а его руки зажимают меня в ловушку с обеих сторон.

– Так это они ожидают увидеть? – бормочет он, его губы у моего уха.

– Да. – Кожу покалывает от его близости, и я могу думать лишь о том, что произошло прошлой ночью. Он, конечно, прав, и если «Черные Плащи» наблюдают, это сыграет нам на руку, когда они увидят меня с Хидео. Я снова вспоминаю свой сон о разбитом стекле, в котором Ноль наблюдает за нами. Я почти ожидаю увидеть его на яхте. Но здесь только мы.

Хидео награждает меня полуулыбкой, наклоняется ближе и прижимает губы к моей шее.

– Тогда поцелуй меня, – бормочет он и притягивает к себе.

Я закрываю глаза и медленно целую его, наслаждаясь моментом. Если бы все между нами могло оставаться таким простым.

Наконец я заставляю себя отстраниться.

– У нас почти не будет времени во время церемонии закрытия завтра, – бормочу я. – Нам нужно будет сделать это в тот момент, когда твои бета-линзы загрузят обновление.

Он внимательно наблюдает за мной краем глаза. Огонь в его взгляде – темная, кипящая ненависть.

– Хорошо, – говорит он. Что-то в его голосе пугает меня. – Я буду готов к встрече с Тейлор. Хочу увидеть ее лицо.

Ко мне снова возвращаются воспоминания об очередях у полицейских участках и самоубийствах преступников, которых заставил это сделать алгоритм.

– И что произойдет, если у нас все получится?

– Что ты имеешь в виду?

– Если ты вернешь брата… что тогда? Что станет с алгоритмом? Ты оставишь его?

Хидео молчит. Все, что он когда-либо делал, было направлено на одну цель – найти человека, ответственного за похищение его брата и предотвратить повторение таких ситуаций. Теперь он знает, кто это сделал. Он встретится с ней через день.

– Ты всегда говорил, что алгоритм должен быть непредвзятым, – продолжаю я. – Но так никогда не будет. Не

когда он контролируется человеком. Я узнала все, что могла о Сасукэ, потому что мне было не все равно, что с ним случилось. Потому что ты мне не безразличен. Но больше всего я хотела, чтобы у тебя появился повод прекратить использовать алгоритм.

Я не решаюсь признаться, что подслушала его разговор с Мари и Кенном, и что знаю, что он использовал алгоритм, чтобы выследить похитителя Сасукэ. Хидео знает, о чем я говорю.

– Пожалуйста, Хидео, – добавляю я тихо. – Этот твой шанс поступить правильно. Останови алгоритм.

Впервые с того момента, когда он рассказал мне о своих планах, я вижу, что он сомневается в сделанном выборе. Он не отвечает, резко выпрямляется и становится рядом со мной. Вдали на горизонте виднеется Токио в лучах солнца.

Я тоже смотрю, как в городе наступает новый день. Хидео молчит, он помрачнел. Он отворачивается и смотрит на лежащие в тени доки.

Что мне делать, если у нас все получится, а Хидео не отключит алгоритм? Что, если все это время я ошибалась в нем?

Эта темная и пугающая мысль не дает мне покоя. Я быстро достаю куб, отданный мне Нолем. Он вращается передо мной в воздухе, невидимый для Хидео.

Если Хидео не передумает, я знаю, что нужно будет сделать. В этот раз я не смогу его простить и дать второй шанс.

Если он добровольно не откажется от алгоритма, то мне придется забрать его силой.

24

ДЕНЬ ЦЕРЕМОНИИ ЗАКРЫТИЯ WARCROSS

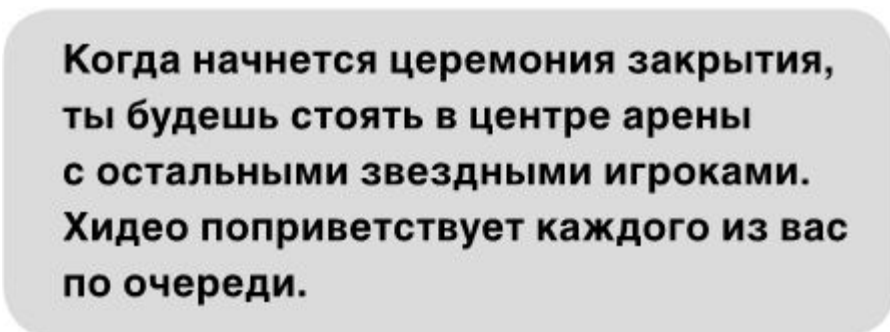
Последние дневные часы церемонии закрытия окутаны облаками. Даже в линзах я знаю, что под украшающими небо яркими цветами команд, Токио затянут всеми оттенками серого.

Очень символично. Таймер перед глазами подсказывает, что у меня остался всего один час до обновления бета-линз.

Черная машина забирает меня из отеля в Омотэсандо и везет к «Токио Доум». Городские празднования приобрели угрожающий размах, все приветствуют криками вереницу черных машин, проезжающих по городу. Словно сегодня новый соревновательный день Warcross.

Я отворачиваюсь от окна и смотрю на свои руки, сложенные на коленях. Каким станет город после того, как все кончится?

Сообщения от Ноля врывается в мои мысли.


Когда начнется церемония закрытия, ты будешь стоять в центре арены с остальными звездными игроками. Хидео поприветствует каждого из вас по очереди.

Ноль знает все детали сегодняшней церемонии. Я представляю, как его виртуальная фигура проникает во все расписания Henka Games и скачивает оттуда информацию. А потом представляю Сасукэ, свернувшегося калачиком в углу разума Ноля. Если он вообще там есть. И даже если он там, что именно он знает? В курсе ли он, что произойдет?

Я посылаю ответ.

Когда я увижусь с тобой и Тейлор?

Когда Хидео закончит приветствовать вас, откроется новый мир церемонии закрытия Warcross. Он лично объявит об этом зрителям. На мгновение ты, другие игроки и Хидео одновременно окажетесь внутри этого мира. Это случится как раз перед тем, как бета-линзы обновятся и ты сможешь вломиться в его разум.

Ноль делает паузу.

Будь готова. Мы увидимся на арене.

Я готова.

Наш разговор заканчивается. Я снова беру в руку куб, код взлома Ноля парит над ладонью. Я знаю, что Хидео воспользуется шансом поймать Тейлор в алгоритме, надеясь освободить брата. Но сам алгоритм… Я вспоминаю неуверенное лицо Хидео, когда он стоял со мной на палубе яхты.

Открываю куб, чтобы рассмотреть голубые линии кода, а потом закрываю его. Мне нужно верить, что он поступит правильно. Отключит его.

Но если нет, я буду готова.

Я делаю глубокий вздох. А потом приглашаю Хидео связаться со мной. Я смотрю на его зеленый профиль – вдруг он передумал?

Мгновение спустя чувствую знакомый поток его эмоций в моей голове. Он напряжен и встревожен. Но больше всего я чувствую его готовность и пугающую уверенность. Никто из нас не произносит ни слова.

Я закрываю глаза, ощущая его присутствие, позволяю себя еще раз погрузиться в его чувства и мысли. Когда мы подъезжаем к «Токио Доум», я открываю глаза и сразу слышу рев толпы, собравшейся у стадиона.

Тридцать минут до обновления бета-линз.

Гигантские проекции игроков сегодняшней игры транслируются на стенах здания. По периметру стадиона повторяют голограммы с лучшими моментами чемпионата. Увидев на записи себя, я слышу голос комментатора:

– …позволив противоречивой темной лошадке Эмике Чен, изначально играющей за «Всадников Феникса», участвовать в церемонии закрытия после ее исключения из команды. Чен, номер один в Wardraft этого года, получила множество голосов путем вписывания имени…

На короткое мгновение я чувствую восторг, что меня отведут для еще одной игры Warcross, что я буду стоять с товарищами по команде и переминаться с ноги на ногу, желая победить.

Но теперь я направляюсь на арену по совсем другой причине.

Вскоре все машины, перевозящие лучших игроков, собираются в длинную вереницу и движутся в одном направлении. Я быстро сжимаю и разжимаю кулаки. Цвета всех команд сегодня украшают трибуны стадиона, а над головой, в воздухе, медленно вращается огромный серебряный логотип Warcross.

Я выхожу из машины как в тумане и следую за телохранителями, уже поджидающими меня на красной дорожке, ведущей на стадион. Люди столпились по обеим сторонам, одевшись в костюмы любимых игроков и размахивая баннерами и постерами. Они оглушительно кричат, едва завидев меня. Я могу лишь натянуто улыбнуться, не в силах рассказать им, что именно происходит. Позади и впереди меня я узнаю несколько других игроков, которые будут соревноваться сегодня. Они все здесь. С появлением каждого фанаты вопят от восторга.

Когда мы оказываемся внутри стадиона, меня окутывает темнота. Лишь одна дорожка света ведет в центр арены. Громкие голоса комментаторов на верхних трибунах эхом раздаются вокруг нас.

– И вот выходят новые игроки, друзья! Мы заметили команду «Андромеда» – капитан Шахира Булус ведет своих игроков Иво Эрикксона, Пенна Вачовски…

– …за ними следует Джена Макнил из «Бригады Демонов» и ее команда…

Их слова практически тонут в шуме зрителей. Добравшись до края арены, я вижу «Всадников Феникса». Хэмми и Рошан уже здесь, ожидают начала вместе с другими игроками сегодняшнего матча. Эшер сидит среди зрителей с теми, кого не отобрали в десятку или уже выбирали в прошлом году.

Из всех игроков мои друзья выглядят самыми напряженными. Они знают, что произойдет. При виде их у меня щемит сердце, и

неосознанно я поворачиваю к ним.

Рошан первым замечает меня, толкает Хэмми и машет мне рукой. Над нашими головами ведущие объявляют мое имя, по всей арене проигрываются записи моего выступления в качестве официального игрока.

Даже на стадионе, полном людей, я чувствую себя уязвимой. Когда я в последний раз открылась перед публикой, едва не погибла. Я пробегаю взглядом по зрителям, напрасно пытаясь найти Тейлор и Ноля в темных коридорах. Сзади шеи покалывает, как и тогда, на дождливых улицах Синдзюку. Он может оказаться где угодно. Везде. И хотя я не вижу его, я знаю, что он за мной наблюдает.

Я продолжаю улыбаться, потому что меня показывают на всех экранах… Если Ноль здесь, то это значит, что Джэкс, скорее всего, тоже присматривает за мной. От этой мысли мне становится немного спокойнее, и на мгновение моя улыбка становится искренней.

Пятнадцать минут до официального обновления бета-линз.

Когда последние игроки выходят в центр арены, свет прожекторов приглушается. Весь стадион исчезает за сиянием, окружающим нас. Я смотрю в темноту, а голос начинает представлять каждого из нас.

– Дамы и господа, наконец мы дошли до конца неожиданного и действительно эпического чемпионата Warcross этого года! – Зрители взрываются восторженным ревом, в котором тонет голос ведущей. Она делает паузу, а потом перечисляет нас согласно позициям, которые мы занимаем в наших командах и кем мы будем сегодня вечером. Когда она заканчивает, над нашими головами появляется 3D-картинка сегодняшнего игрового мира. Она медленно вращается, чтобы зрители могли ее рассмотреть. Все игроки видят уменьшенную версию прямо перед глазами. Это отдаленный космос, за маленькими боевыми платформами просматриваются огромные наклонные кольца планеты.

– И, конечно же, – продолжает ведущий, – с нами тот, кто несет ответственность за эту революцию – Хидео Танака!

Когда стадион взрывается дикими криками и прожекторы освещают проход, я вижу его: Хидео, высоко подняв голову и засунув руки в карманы, идет к нам в сопровождении двух телохранителей. Зрители, сидящие возле прохода, вытягивают шеи, чтобы увидеть его поближе.

Хидео кажется как всегда спокойным, на его губах играет вежливая улыбка. Он поднимает руку, чтобы помахать толпе. Кажется, его внимание сосредоточено на зрителях, но через эмоции, бегущие от него через связь, я чувствую, что он думает

только обо мне. Он притворяется, что не замечает этого. Я стою спокойно вместе с остальными игроками и смотрю на стадион. Слышу, как ритмично бьется мое сердце.

В сотый раз я восхищаюсь тем, как Хидео контролирует свои эмоции после всего того, что я рассказала ему. Возможно, он будет вести себя так же, когда ему придется столкнуться с Тейлор или когда он лично увидит Ноля – он отреагирует с ледяным спокойствием.

Хидео по очереди приветствует всех игроков и, как принято, благодарит нас за сезон. Стадион уже достиг крайней точки возбуждения, глаза всех зрителей прикованы к нему, следят за каждым его движением. Он подходит ближе ко мне. Мои ладони потеют, и я вытираю их о штаны.

Десять минут до обновления бета-линз.

Хидео приветствует других моих товарищей по команде. Он пожимает Рошану руку, поздравляет Хэмми.

А потом он оказывается передо мной, одаривает меня напряженной улыбкой и протягивает мне руку. Зрители сходят с ума. Я протягиваю руку в ответ— и сжимаю ее на мгновение дольше, чем надо.

Через нашу связь доносится его голос, глубокий и сильный.

Ты все еще со мной, спрашивает он.

Я не моргаю и не отворачиваюсь. *Да, если ты со мной.*

Мы жмем друг другу руки, но оба знаем, что еще мгновение – и поползут слухи. Поэтому он отстраняется.

Он идет к центру кольца игроков, поворачивается лицом к зрителям и обращается к ним. Прожекторы снова начинают скользить по рядам сидений. Когда он начинает благодарить публику за их энтузиазм, мое внимание переключается на стадион. Высоко над нами, под самым потолком, тикает таймер, отсчитывающий время до начала игры.

Пять минут до обновления бета-линз.

Вокруг меня все кажется сюрреалистическим. Возможно, ничего не произойдет. Кажется, что церемония закрытия проходит, как и должна, – Хидео приветствует игроков, обращается к зрителям, которые кричат в ожидании начала игры. В альтернативной вселенной они бы посмотрели матч без происшествий, вышли бы с арены и отправились домой, сев в самолеты, поезда или машины. И все было бы хорошо.

– …чтобы начался матч!

Слова Хидео возвращают меня в настоящее. Мир игры загружается, и мы попадаем в бесконечную черноту космоса. Бескрайнее небо усеяно звездами. Гигантские кольца планет переливаютя всеми оттенками серебра.

В это мгновение я даже верю, что мы действительно начнем матч финала. Вдруг ни одно из событий прошлой недели все же не произошло.

Но в этот момент мир игры вспыхивает. Он выключается, возвращая нас в стадион, – как раз вовремя, чтобы я увидела, как Ноль выходит на арену. И он не один.

25

Он и Джэкс идут по обеим сторонам от Тейлор. Они делают несколько шагов в центр арены, а потом останавливаются там, где стоит Хидео.

Один из телохранителей делает шаг к ним, но Хидео качает головой.

– Стой.

Его телохранители замирают на месте, моргая пустыми глазами, словно они в трансе. Но они не единственные. Вокруг нас все замирает: ведущие замолкают на полуслове, зрители перестают махать руками, крики затихают. Большинство других игроков – все те, кто не использует бета-линзы, – перестают двигаться.

На Хэмми и Рошана это не действует. Но они все равно растерянно смотрят на Ноля. Рот Хэмми слегка приоткрыт в удивлении, а Рошан готов броситься на мою защиту.

Всего пару мгновений назад здесь стоял оглушающий шум, а теперь стадион погрузился в зловещую тишину. Словно кто-то нажал кнопку и поставил мир на паузу, оставив активными лишь несколько человек.

Именно это и произошло.

Хидео использует алгоритм, чтобы контролировать всех. Меня начинает трясти. До этого момента я не видела настоящую силу его алгоритма собственными глазами.

Хидео, говорю я и тянусь к нему через нашу связь. Но он не отвечает. Его внимание сосредоточено на Тейлор.

Она смотрит на Хидео с уже знакомой мне мягкой улыбкой. Но ее глаза холодны как камень.

– Я следила за твоей карьерой, – наконец говорит она. – Впечатляюще, как и этот алгоритм, который ты разработал.

Хидео замирает на мгновение, и я решаю, что и он под контролем. Он ничего не говорит, уставившись на женщину, которая похитила его брата и украла его жизнь.

Но его эмоции – темная, кипящая ненависть проносится по нашей связи – такая мощная сила, что я почти чувствую, как она царапает мне кожу.

– Твой креативный директор согласился впустить нас, – говорить она.

Кенн.

Меня накрывает волна эмоций Хидео. Я встречаюсь взглядом с Тейлор. Кенн впустил их на стадион. Как еще он им помог?

Глаза Хидео блестят:

– Давно? – тихо говорит он.

– Уже многие месяцы. – Тейлор делает шаг вперед и скрещивает руки на груди. – Сложно найти друзей, которым доверяешь, правда? Думаю, у всех есть цена.

У всех есть цена. Я вспоминаю, что именно эти слова Ноль сказал мне, когда мы встретились во время чемпионата Warcross. Уже многие месяцы. Значит, Кенн работал на нее с начала чемпионата.

Ко мне возвращается воспоминание о споре между Кенном и Хидео. Как он хотел остановить расследование Мари насчет проблем «НейроЛинк».

Но его недовольство оказалось куда глубже, раз он решился предать Хидео и впустить Тейлор.

Внезапно я понимаю, почему мне всегда казалось, что Ноль так много знает. Каждую деталь церемонии закрытия. План Хидео обновить бета-линзы во время открытия сегодняшней игры. Об ошибке, которая позволит попасть в разум Хидео. О существовании самого алгоритма в первую очередь.

Кенн сливал им информацию. Вот почему он попросил меня присматривать за Хидео. Это нужно было, чтобы следить за Хидео и его планами.

Эта правда бьет по мне так сильно, что я едва могу дышать. Я перевожу взгляд с Тейлор на стеклянную ложу над ареной, где сейчас сидит Кенн.

Возможно, это он позволил Джэкс проникнуть в охраняемую ложу Хидео во время неудачного покушения.

Мое дыхание становится прерывистым. Предложила ли Тейлор ему долю за участие в этой миссии в ответ на его помощь? Должно быть, да. А Кенн, недовольный и амбициозный, согласился.

Пятьдесят девять секунд до обновления бета-линз.

Внимание Хидео больше не приковано к Тейлор. Он смотрит на Ноля, чьи глаза – несомненно, глаза Сасукэ – остаются холодными и бесчувственными.

Хидео изучает Ноля так, словно все, что я ему рассказала, не могло быть правдой.

– Сасукэ, – хрипло говорит Хидео. Волна злости превращается в горе.

В его голосе слышится безумная надежда, вдруг Ноль может просто отключиться и они смогут спокойно поговорить. И на мгновение мне кажется, что это может сработать.

Но Ноль никак не реагирует. Он стоит напротив своего брата в первый раз за многие годы, но я не могу сказать, испытывает ли он хоть какие-нибудь эмоции. Возле него Джэкс крепко сжимает

рукоять пистолета.

Мы стоим посреди пороховой бочки, и фитиль скоро догорит.

Тридцать секунд до обновления бета-линз.

– В этом-то и дело, Хидео, – наконец говорит Ноль. Его голос звучит как обычно: в нем нет ни малейшего намека на узнавание. – Или Эмика не сказала тебе то, что должна была?

Хидео смотрит на меня. Его глаза потемнели от горя, глубокого чувства потери, осознания того, что все, что я ему рассказала – правда. Сасукэ смотрит на него, произносит его имя, но никак не реагирует на него.

– Ты не код, – хрипло говорит он. – Ты мой брат. Я знаю, что ты не хочешь навредить нам. Я слышу в твоем голосе память о том, кто ты. Ты же знаешь, не так ли?

– Конечно же, я знаю, – отвечает Ноль со своим зловещим спокойствием.

Слова пронзают Хидео, словно пули.

Тейлор понимающе улыбается ему.

– Взгляни на это, Хидео. Ты создал произведение всей своей жизни из-за исчезновения брата, – говорит она. – Все происходит по какой-то причине.

– Это самая большая чушь в мире.

– Да ладно тебе. Теперь твой брат здесь, а ведь я могла позволить ему умереть из-за болезни. Разве так не лучше?

Хидео сощуривается, глядя на нее. В его взгляде снова появляется чистая ненависть при виде того, что Тейлор сделала с его братом, и теперь угрожает мне. Глубокая бездушная ярость, которую я и раньше видела в нем, в разбитых костяшках пальцев… ничто по сравнению с этой.

Тейлор бросает на меня взгляд. Она ожидает, что я выполню обещание и влезу в разум Хидео.

Ноль секунд.

Электрический разряд пробегает по моей голове. Рядом со мной Хэмми и Рошан тоже вздрагивают. Бета-линзы начинают обновляться, загружая алгоритм.

Я достаю куб, который дал мне Ноль. Код взлома. Мгновение я сомневаюсь.

Не знаю, что выдает меня Тейлор. Свет в моих глазах, изменившаяся поза, легкое колебание.

Знает ли она, что у меня другие планы?

Внезапно она достает пистолет и направляет его мне в голову. Ее взгляд прикован к Хидео, палец завис над курком.

– Открывай алгоритм, Хидео, – спокойно говорит она.

Хидео скалит зубы, видя, что мне угрожают. Его ненависть выплескивается, как нефть в океан.

В то же мгновение Джэкс, стоявшая до этого неподвижно, внезапно достает свой пистолет и направляет его прямо на Тейлор.

– Выстрелишь в нее, и я убью тебя. – Она крепко сжимает рукоятку пистолета побелевшими пальцами.

Тейлор резко смотрит на нее. В этот раз она кажется удивленной.

– Что такое? – бормочет она. – Ты тоже в этом участвуешь, Джэксон?

Джэкс кривится, услышав свое полное имя.

Тейлор поджимает губы. Ярость мелькает на ее лице. Я помню, что Джэкс сказала мне о самом большом страхе Тейлор. Смерть. Теперь ее дочь угрожает ей.

Паника наполняет глаза Джэкс, она чувствует тот ужас, который испытывала будучи маленькой девочкой, в страхе подчиняясь той, которая стала ей матерью. Ее рука дрожит. Но в этот раз она не отходит. Все, что накапливалось внутри нее со смерти Сасукэ, вырвалось на поверхность, и эта сила не дает ей опустить руку.

Она отрывает взгляд от Тейлор, чтобы взглянуть на меня.

– Сейчас, – шипит она.

Хидео, – выдыхаю я через нашу связь.

Тейлор снова смотрит на него и ее палец замирает на курке.

Хидео щелкает пальцами и достает маленькую коробочку, которая теперь парит между нами. Прежде чем я успеваю понять, что это ключ к открытию алгоритма, он одним движением активизирует ее.

Лабиринт цветов вырывается из коробочки, миллион ярких узлов, связанных друг с другом линиями света, как нервные окончания в мозгу. Массивный и запутанный алгоритм выходит за пределы нашего пространства и заполняет всю арену. Краткое мгновение я смотрю на паутинку команд, которые контролируют разумы каждого человека в мире, привязанного к «НейроЛинку». Если можно было бы остановить время, я бы остановила его сейчас, чтобы восхититься этим пугающим шедевром.

Хидео заходит в аккаунт Тейлор и привязывает его к алгоритму. Палитра ее разума внезапно появляется на новом узелке в матрице, привязанная к Нолю светящейся нитью.

Хидео снова делает движение рукой. Нить обрывается.

По телу Тейлор проходит сильная дрожь – Хидео забирает у нее контроль над Нолем.

Сейчас, Хидео, – тихо кричу я. Куб в моей руки сверкает, а сама я дрожу. *Разрушь алгоритм*.

Но глаза Хидео все еще черны от ненависти. И я вдруг

понимаю, что он еще не закончил – он не хочет просто привязать Тейлор к алгоритму и заставить ее освободить Ноля из-под своего контроля. Он потерял свое обычное хладнокровие и позволил ярости высвободиться. Он направит всю свою силу против нее.

– Нет… – начинаю я. Но уже слишком поздно.

В то же мгновение рот Тейлор искажается в ужасе, когда она понимает, что он собирается сделать. Она инстинктивно вытягивает перед собой руку.

Глаза Хидео сужаются. Через нашу связь я слышу, как он посылает беззвучную команду.

Умри.

26

Я вижу происходящее, словно в замедленной съемке.

Тейлор не успевает проронить ни звука. У нее есть только доля секунды. Она удивленно смотрит на Хидео – ее глаза расширяются, как глаза оленя в конце охоты, когда в него впиваются зубы хищника, – раскрывает рот, но не успевает произнести последнее слово. Возможно, она хотела закричать.

А потом ее лицо становится молочно-белым. Глаза закатываются, ноги подгибаются, словно все ее кости переломаны.

Она падает на пол с ужасным звуком. Она лежит там в тошнотворно-неестественной позе, и я вспоминаю Тримейна, упавшего на пол, и брызги крови на стене.

Узел, который был палитрой ее разума, вспыхивает ослепляющим ярким белым светом и исчезает, удаленный из алгоритма. Линия с ее узлом возвращается на место и связывается с другими узлами, словно разума Тейлор никогда и не было там. Команда заставила ее мозг мгновенно отключиться. Она мертва.

Мой мозг – чистый лист. В голове бьется единственная мысль: Хидео убил ее одной короткой командой.

По идее, как раз от этого алгоритм и должен защищать – он должен излечить людей от импульсивной жестокости, от желания причинить боль и страданий другим.

Но в одно мгновение вспышка ярости Хидео из-за всего, что Тейлор сделала с его братом, все ее угрозы… свело на нет то, над чем он работал.

Джэкс кажется ошеломленной. Но Ноль…

Он поворачивается к Хидео. На его лице ледяная улыбка. Произошедшее его совсем не шокировало. Он кивает, словно все прошло как раз по его плану.

Он поднимает руку и демонстрирует код, который я раньше никогда не видела. Это не тот вирус, который он показал мне. Прежде, чем Хидео успевает среагировать, Ноль устанавливает его в алгоритм.

Паутина узлов вокруг нас сотрясается, прямо перед моими глазами миллионы связей голубых, красных и зеленых цветов меняются, одна за другой превращаясь в черный. Это изменение проносится по алгоритму, как волна. Она достигает Хидео и в мгновение ока обрывает его контроль над алгоритмом.

Ноль надевает шлем, снова закрывая свое лицо. Алгоритм теперь подключается к нему. Я понимаю, что случилось до того,

как кто-то успевает это озвучить.

У Ноля не было планов уничтожить алгоритм. Вместо этого он соединился с ним. В ужасе я смотрю, как новый алгоритм обретают форму с Нолем по центру.

Его искусственный разум смог эволюционировать, обойти контроль Тейлор и все это время развивался независимо за ее спиной.

Хидео пытается вернуть контроль, но уже слишком поздно. Его полностью отрезали от его творения.

Бросив взгляд на лицо Джэкс, я понимаю, что план Ноля никогда не совпадал с желанием Тейлор. Он никогда не собирался предоставлять ей контроль над алгоритмом или даже дать разрушать его. Его целью не было помешать Хидео использовать «НейроЛинк», чтобы контролировать людей.

Он сделал это только затем, чтобы самому взять контроль над «НейроЛинком» и алгоритмом. Он знал, догадался, что если Хидео увидит Тейлор, то убьет ее. Вот почему он вообще позволил мне снова связаться с Хидео, зачем придумал весь этот план. Скорее всего, по этой причине меня никто не поймал за тем, что я делала, потому Ноль все знал и хотел, чтобы мои планы удались.

А это означает, что Ноль всегда хотел, чтобы Тейлор умерла. Она пытала его разум так сильно, что превратила его в того же монстра, которым сама стала.

Одним действием Ноль избавился от человека, забравшего его жизнь, заставил Хидео показать этот безумный алгоритм и взял над ним контроль. Так он получил самый могущественный инструмент в мире.

На моем лице такой же шок, как и на лицах Хидео и Джэкс. Что мы наделали?

Куб. Мой вирус. В это мгновение у меня все еще есть шанс вломиться в разум Ноля. Я могла бы взломать его. Я бросаюсь вперед, собираясь синхронизировать куб с его аккаунтом. Он вспыхивает ослепляющим белым светом.

Но я опоздала.

Ноль поворачивается, чтобы взглянуть на меня.

– Спасибо, Эмика, – говорит он.

Я не знаю, что происходит дальше, потому что вокруг все темнеет.

27

Вокруг меня вспыхивают и исчезают звуки и ощущения: Джэкс кричит на меня, я слышу шум незнакомых голосов, чувствую, будто парю в воздухе. Возможно у меня слишком сильный шок. Или Ноль произнес команду, которая убила меня, и я просто еще не понимаю, что мертва.

Мои сны, резкие и странные, переключаются с одной сцены на другую. Вот маленький мальчик с синим шарфом, и я бегу за ним, напрасно пытаясь уговорить его вернуться. Я снова ребенок, держу папу за руку, когда мы идем по Центральному парку. Сегодня его волосы зачесаны назад, а вместо джинсов и черной рубашки – хорошо сшитый блейзер и брюки. Мы вышли с дневного концерта в Карнеги-холле. Отец в хорошем настроении, напевает мимо нот мелодию из концерта, а я кружусь в легком платье. Мне хочется погрузиться в знакомое радостное воспоминание.

Он показывает на что-то вдалеке, и я поднимаюсь на цыпочках, чтобы посмотреть, что там. Перед нами прямо на дорожке парка темное пятно, словно мазок краской. Когда я смотрю на него слишком долго, пятно начинает расширяться, пока не поглощает все вокруг нас.

Папа останавливается в страхе и крепче сжимает мою руку. Когда я снова осматриваюсь, парка уже нет, его место занял «Темный мир». Небоскребы, которые тянутся в черное небо, искаженные темные улицы и неоново-красный свет разоблаченных имен.

Проснись, Эмика Чен.

Насмешливый голос постепенно вытягивает меня из темноты.

Когда мир снова принимает очертания, я оказываюсь в тускло освещенной комнате с белым потолком и полом. Высокие стеклянные окна тянутся вдоль каждой стены.

Это комната, в которой Джэкс застрелила Тримейна.

Мы снова в инновационном институте, только теперь я по ту сторону стекла. У меня уходит мгновение, чтобы понять – я крепко привязана к стулу, а в нескольких футах от меня кто-то стоит.

Голос принадлежал Нолю. Его снова защищают доспехи, и когда он бросает на меня небрежный взгляд, я вижу, что его лицо спрятано за виртуальными сталью и стеклом. Он непринужденно сцепил руки за спиной и с задумчивым любопытством склонил голову. Этот жест напоминает мне о Хидео.

Сквозь туман в голове я чувствую страх. *Хидео. Где он? Он*

здесь? Он в порядке?

– Что случилось?. Мои слова все еще звучат, словно чужие.

– Не двигайся, – раздается эхом голос Ноля.

Рядом девушка с короткими серебряно-белыми волосами достает с полок контейнеры с линзами и кладет их на стол.

Джэкс. Имя всплывает на поверхность моего шаткого разума. Джэкс работала со мной. Я наблюдаю за ней, желая закричать. Что если она была заодно с ним все это время? Одурачила меня? Разве она не застрелила Тримейна не раздумывая? Что заставило меня предположить, что ей можно доверять?

Теперь она оборачивается и несет коробку с линзами к раковине, я вижу ее лицо. Она будто действует на автопилоте.

Должно быть, Ноль ее контролирует, использует палитру ее разума, словно кукловод управляет девушкой, которую когда-то любил, ради защиты которой отказался от свободы.

Ледяные когти сжимают мое сердце.

Это означает, что теперь Ноль контролирует всех в мире, используя линзы Хидео.

Джэкс, пытаюсь сказать я, но у меня пересохло горло. Я кричала?

– Я полностью стер твой аккаунт «НейроЛинк» и переделал твою связь, – говорит мне Ноль, направляясь в другую часть комнаты. – Он обновляется. Все пройдет более гладко, если ты позволишь себе расслабиться. Ты же не хочешь, чтобы произошла какая-то ошибка, Эмика.

Центральный парк. Мой отец. Мальчик с синим шарфом. То, что я считала снами, было скорее всего мешаниной из моих Воспоминаний и сохраненных записей, когда их удалили из моего аккаунта.

А тьма, поглотившая меня – это отключение моего «НейроЛинка». Потому я могла видеть лишь черное поле. Все, что у меня было – мой уровень, аккаунт Warcross – все исчезло, загруженное в какое-то внешнее место, к которому у меня нет доступа.

Ты не хочешь, чтобы произошла какая-то ошибка, Эмика.

– Что ты имеешь в виду? – мне наконец удается заговорить, несмотря дезориентацию. – Какая ошибка? Что ты со мной делаешь?

– Я не причиню тебе вреда, – отвечает Ноль. – Твои линзы – и твоя связь со мной – не настолько стабильные, как я ожидал, учитывая, какой у меня контроль над всеми остальными. Думаю, ты могла что-то сломать, когда запустила код взлома против меня.

Куб, который я использовала. Слабое воспоминание того

момента возвращается ко мне, раздробленное и размытое, как яркая бело-голубая вспышка, за которой следует удушающая темнота. Это не сработало… у меня нет пути в разум Ноля. По крайней мере, я его не вижу.

Но если я должна быть полностью под контролем Ноля… то я не совсем это ощущую. Что-то в коде взлома при столкновении с разумом Ноля изменило мои линзы, мешая мне полностью связаться с ним.

Вот что, должно быть, делает Джэкс прямо сейчас – готовит для меня новые линзы, чтобы заменить мои и наконец правильно связать меня с Нолем и алгоритмом, дав ему полный контроль.

Я борюсь с путами, но они такие крепкие, что я могу лишь чуть-чуть пошевелить руками и ногами. Мне нужно выбираться отсюда.

Ноль стоит возле второй каталки, к которой кто-то крепко привязан. Я перестаю бороться.

Это Хидео.

Его чем-то накачали, он едва в сознании. Его голова откинута на подголовник, а пот заливает лицо. Какой резкий контраст с последним моментом, когда мы стояли рядом. Он поднял руку, глаза его сверкали от ярости, и он приказал Тейлор умереть.

За все это время, не смотря на обстоятельства или его настроение, я видела Хидео, державшим все под контролем – в офисе, на арене, дома. Даже в отчаянии, с разбитым сердцем, он никогда не выглядел так, как сейчас – беспомощным. Его творение вырвали из-под его контроля.

Несмотря на то, что он сделал на моих глазах, я не могу не бояться теперь, когда он больше не управляет «НейроЛинком» и алгоритмом. Это означает, что кто-то намного хуже теперь контролирует все.

Ноль стоит перед каталкой. Если он и испытывает что-то при виде брата, то не показывает этого. Он поднимает Хидео за подбородок.

Я резко выдыхаю.

Я думала, что Ноль ходит здесь как виртуальная симуляция. Но нет, он в тех доспехах, которые проверял вместе с Тейлор в ту ночь, когда застрелили Тримейна. Он в оболочке робота, который двигал рукой синхронно с Нолем.

Разум Ноля управляет изнутри металлическим костюмом. Он – искусственное создание, которое технически кажется живым.

Он заставляет Хидео повернуть лицо, чтобы встретиться с ним взглядом. Брат против брата. Ноль с любопытством изучает его, словно образец. Затем сцепляет руки за спиной и плавно сжимает и разжимает стальные пальцы, медленно обходя

связанного брата по кругу.

Я сжимаю челюсти, во мне поднимается волна ярости.

– Оставь его в покое, – рычу я.

Ноль останавливается, чтобы посмотреть на меня.

– Ты все еще испытываешь к нему чувства, – тихо говорит он.

– Думаешь?

– Скажи мне, Эмика, каково это? – Теперь он кажется заинтересованным. – Он натворил ужасные вещи. И все равно я чувствую твою связь с ним.

Я вздрагиваю от понимания, что это так. Сасукэ так и не повзрослел, чтобы по-настоящему узнать, что такое любовь. Даже зарождающиеся, невинные чувства к Джэкс не могли сравниться со сложностью любви. Он потерял свою человечность до того, как смог пройти через это. Моя злость затихает, а сердце разрывается от сочувствия к нему.

– Что бы ты ни сделала, Эмика, – говорит Ноль, обращаясь ко мне и снова поворачиваясь к Хидео, – кажется, ты повлияла на линзы тех, с кем была связана до этого. И на его тоже. – Он замыкает круг и наклоняется к Хидео. – Но не волнуйся. Мы это легко поправим.

Его слова, успокаивающие и насмешливые, – эхо мыслительного процесса Тейлор. Даже если она мертва, ее влияние на него было таким сильным, что все еще остается под этими гладкими стальными пластинами.

– Но сначала, – продолжает Ноль, наконец отворачиваясь от Хидео и возвращаясь ко мне. Все мускулы в моем теле напрягаются, когда он подходит. – Давай сначала исправим тебя.

Я сердито смотрю на него, желая увидеть хоть один признак Сасукэ, заключенного внутри, но через его непрозрачный шлем на меня смотрит лишь мое отражение.

У раковины Джэкс уже открыла коробочку с линзами и вытащила один набор. Я снова смотрю на нее. Ее взгляд пустой, она двигается, словно находится не здесь.

А потом… ее взгляд перемещается на меня. Я понимаю, что Ноль не знает, что я связывалась с ней раньше. Ее дымчато-серая радужка мерцает в флуоресцентном свете. В это мгновение я вижу, что она в сознании, наготове за ее старательно контролируемым выражением лица. Она не находится под влиянием Ноля, нет – она только притворяется, что это так.

Она качает мне головой, а потом ее взгляд перемещается на дверь. Над ней светится красная лампочка, означая, что она закрыта, но возле двери находится аварийный пульт, который я заметила в первую ночь в институте. Я снова смотрю на Джэкс, которая возвращается к подготовке новых линз для меня.

Надежда прорывается через мой страх. Возможно, Джэкс все еще мой союзник. Если я смогу выиграть еще немного времени, может быть, у нее получится вытащить нас до того, как Ноль заставит меня надеть новые линзы.

– Ты не можешь быть настоящим, – с усилием говорю я, взглянув на него. – Я тебе не верю. Ты всего лишь симуляция.

– Тогда посмотри сама, – Ноль протягивает руку и нажимает на плоскую кнопку на верхней части каталки. Металлический наручник, удерживающий мое левое запястье, с щелчком раскрывается, освобождая мою руку.

Я сразу же вытаскиваю ее из пут, облегченно разминая запястье. В сомнении я тянусь к руке Ноля. Он не двигается.

Моя рука касается верхней части его руки. Я почти что вздрагиваю. Холодный, прочный металл. Нет ничего человеческого в стальной пластине, которой касаются мои пальцы, ничего, что предполагало бы, что внутри может существовать душа. И все же… вот он, двигается и функционирует, на первый взгляд живой.

– Ты это чувствуешь? – спрашиваю я.

– Я понимаю, что ты касаешься меня, – отвечает он. – Я чувствую это логически, если так это можно назвать.

– Ты чувствуешь боль?

– Нет. Я воспринимаю свои конечности не так, как ты.

– Ты помнишь, каково это?

– Да. Я помню все.

– Кроме важного.

– Кроме неважного, – поправляет он меня.

Я убираю руку и опускаю ее. Пальцы Ноля сжимаются вокруг моего запястья. Он прижимает ее к металлическому наручнику и, игнорируя мой умоляющий взгляд, снова защелкивает его.

– Я не понимаю, – шепчу я. – Зачем тебе это?

Он удивленно улыбается, словно кто-то вроде него все еще может понимать такие человеческие эмоции. – Ты уже знаешь. Такой же ответ дала бы тебе Тейлор, и, скорее всего, Хидео однажды давал.

– Но у них были цели, потому что они люди, плоть и кровь. Тейлор хотела получить контроль, потому что без него ей было страшно. Хидео сделал это из любви к тебе. – Я наклоняюсь вперед, путы впиваются мне в кожу, и я сжимаю челюсти. – Что ты получишь, обретя контроль над другими, кроме как просто удовлетворение, что ты это сделал?

– Свободу, конечно же, – отвечает он. – Теперь я могу делать что угодно. Попасть в разум кого угодно. – Он кивает в сторону темного коридора и мира за этими стенами. – Я могу быть сразу

везде и при этом нигде.

И вот тут я понимаю. Это противоположность тому, через что Сасукэ прошел в руках Тейлор. Будучи человеком, он был ее узником, заключенным в стенах института на многие годы, подвергаемым неописуемым ужасам, пока наконец не умер и его разум не оказался привязан к ней. Он был полностью в ее распоряжении.

Получив контроль, Ноль возвращает не только свою свободу. Это его месть Тейлор за все, что она украла у него.

Смерть Тейлор.

– Но тут не только это, – продолжаю я. – Ты устроил все так, чтобы Хидео убил Тейлор, разве нет? Ты сделал так, чтобы она была с нами на арене, потому что знал, как Хидео отреагирует, увидев ее. Ты хотел, чтобы его творение рухнуло, и хотел, чтобы Тейлор поняла, что проиграла в этой игре. – Мой голос теперь становится более отчаянным, сердитым. – Ты хотел, чтобы ее убил Хидео.

Ноль молчит. Что-то в моих словах задело в нем какую-то струну. Я продолжаю говорить до того, как он успевает прервать меня.

– Ты хотел показать ему, сколько изъянов было в его плане с самого начала. – Мое сердце дрожит, пока я продолжаю говорить. – Ты хотел, чтобы Хидео понял, как повредил «НейроЛинк» алгоритмом, и единственным способом показать ему это – единственным способом достучаться до брата, которого ты любишь – было заставить его продемонстрировать это перед целым миром. – Я делаю глубокий вдох. – Потому что Сасукэ хотел, чтобы ты это сделал. Потому что он все еще там, где-то внутри тебя.

Не знаю, насколько мои слова влияют на Ноля. Может быть, ему все равно. Он всего лишь паутина алгоритмов, контролирующая машину, в конце концов, и что бы человеческое в нем еще ни оставалось, оно превратилось в код.

Но Ноль напрягается при упоминании имени Сасукэ.

В этот момент я понимаю: все, что мы предполагали с Джэкс, правда. Сасукэ все еще там. Он по-своему пытался остановить брата от самоуничтожения.

– Ты не полностью исчез, – шепчу я.

– Тебе нравится решать задачки? – говорит Ноль.

– У каждой закрытой двери есть ключ.

Ноль слегка поворачивается, словно изучает слова, вытатуированные вдоль моей ключицы. Джэкс повернулась к нам лицом, в ее руках новые линзы и она готова надеть их на меня. Я не решаюсь смотреть прямо на нее. Когда она собирается начать

действовать?

Ноль наклоняется ко мне, его присутствие подавляет.

– Мы не сильно отличаемся, Эмика. Твое желание контролировать и решать такое же, как мое. Нет ничего, чего бы ты хотела больше, чем контролировать свой мир. Все ужасное, что произошло с тобой, было тем, что ты не могла исправить. Смерть твоего отца. Время, проведенное в сиротском приюте. Предательство Хидео.

Ноль легко взмахивает рукой в воздухе и внезапно создает виртуальное изображение моего отца, стоящего в комнате. На его добром лице знакомая улыбка, его силуэт в дверях подсвечивается сзади. Он протягивает руку, чтобы приколоть ткань к манекену. Я слышу, как он что-то напевает.

При виде него меня пронзает боль, словно от иглы. Папа смотрит на меня и улыбается, и весь воздух покидает мои легкие. Какая-то нелогичная часть меня тянется к нему, отчаянно желая дотронуться. Вот это он. Он настоящий.

Нет. Это не так. Ноль создает его прямо здесь перед моими глазами, показывая мне, какой могла бы быть моя жизнь, если бы папа все еще был здесь. Он показывает мне «НейроЛинк» изнутри, привязанный напрямую к его разуму. Вскоре он будет контролировать все, что я вижу, в виртуальном мире для всех.

– Разве ты не хотела бы спасти своего отца, чтобы он жил вечно? – настаивает Ноль. Это искренний вопрос, без намека на злобу. – Разве ты не хотела бы видеть его в своей жизни, как сейчас в ней нахожусь я? Неужели эта полужизнь настолько плоха?

Я не смею вслух признать, что он прав. Что его слова соблазняют меня больше, чем я могу описать. Неужели это так плохо? Я представляю Ноля в виде Сасукэ, маленького мальчика, который мог бы прожить призрачную версию своей жизни, вырасти и пойти в школу, играть в игры с братом и смеяться с друзьями. Влюбиться. Если бы Ноль хотел, он бы мог сейчас создать эту реальность для себя, сотворив виртуальную версию этой жизни. Он мог бы прожить миллионы разных жизней.

Я отрываю взгляд от изображения моего отца. Слезы застилают глаза. Ноль манипулирует мной. Если он наденет на меня новые линзы, то сможет поймать в ловушку этой ложной реальности и заставить меня поверить во что угодно.

– Пошел к черту, – тихо огрызаюсь я.

Наконец-то Ноль милостиво отстраняется от меня. Он кивает Джэкс, у которой уже готовы новые линзы.

– Усыпи ее, – говорит он. – У меня нет времени, чтобы позволить ей сопротивляться.

Джэкс встречается со мной взглядом. На мгновение мне кажется, что она сделает точно так, как говорит Ноль.

Потом ее рука бросается к пистолету на поясе. В одно мгновение она выхватывает его, направляет на дверь и, едва глядя стреляет.

Пуля попадает в сенсор аварийного пульта.

Весь свет в здании в одно мгновение гаснет. Комната погружается в темноту, а потом вспыхивает алым, когда включается аварийный свет.

Дверь открывается одновременно с тем, как над нашими головами начинает орать сирена.

Джэкс направляет пистолет на каталку возле моей головы и стреляет. Еще одно идеальное попадание. Мои металлические наручники раскрываются. Я чуть не падаю на пол.

Она направляет пистолет на каталку с Хидео и снова стреляет. Он освобожден и падает на четвереньки.

В алом свете силуэт Ноля кажется зловещей черной дырой. Хотя он загружен в робота, я чувствую удивление, исходящее от него.

Адреналин, родившийся из страха, проносится по мне. Я встаю на ноги и бросаюсь к Хидео.

Ноль поворачивает голову к Джэкс.

– Ты с ними заодно, – говорит он низким и опасным голосом.

Джэкс не отвечает. Она просто спокойно смотрит на него и снова поднимает пистолет.

– Нет, – отвечает она. – Я с тобой.

И стреляет в Ноля.

28

У Ноля нечеловечески быстрые рефлексы. Он бросается в сторону; выстрел Джэкс проносится мимо его шеи и попадает в плечо. Раздается резкий звук удара о металл.

Джэкс снова стреляет, но в этот же момент Ноль бросается на нее. Вторым выстрелом она попадает ему в ногу, вызывая новый фонтан искр. Его ноги странно подгибаются, лишая движения грациозности.

Я добираюсь до Хидео. Он пытается встать на ноги, но все его движения медленные, словно он борется с действием наркотика. Я перекидываю его руку мне через плечо и помогаю встать. Мы бежим к двери.

Ноль поворачивается, чтобы остановить нас, но выстрелы Джэкс повредили отдельные части его костюма – теперь он хромает. Но все еще ужасно быстр. Когда мы добираемся до двери, металлические пальцы Ноля успевают ухватить меня за футболку.

Джэкс уже возле него. В красном свете в ее глазах я вижу дикий блеск убийцы. Она со всей силой бьет его по кисти.

Она не может сломать металл, но этого достаточно, чтобы Ноль ослабил хватку и мне удалось ускользнуть.

– Сюда, – выдыхает Джэкс, пытаясь перекричать сирену, толкает меня к открытой двери и бросается в коридор.

Мы с Хидео бежим за ней. Позади нас Ноль поворачивается в нашем направлении.

Коридоры затоплены кровавым светом. За поворотом все громче и громче раздаются тяжелые шаги.

Джэкс бросает на меня взгляд:

– Все в этом здании под его контролем, – шепчет она. – Выбирайтесь из института. Не выходите через главную дверь – там повсюду охрана. Помнишь, как добраться до бокового выхода?

Я вспоминаю путь, по которому шла, впервые попав в это здание той ночью, а потом киваю. К Хидео, стоящему рядом со мной, понемногу возвращаются силы, но он все еще тяжело опирается на меня. Мы не сможем двигаться быстро.

– Хорошо, – продолжает она. – Выбирайтесь, а потом попробуйте проникнуть в разум Ноля. Когда…

Она замолкает. Ее взгляд устремляется через мое плечо и, обернувшись, я вижу темный силуэт Ноля позади нас.

Он опирается одной металлической рукой на стену. Над нашими головами все громкоговорители шипят от помех, за

которыми следует его глубокий голос.

– *Вы зря тратите время.*

Аварийное освещение в здании гаснет, и мы погружаемся в кромешную тьму.

Я не вижу ничего, даже своих рук или Хидео рядом со мной. Словно нас поглотила пустота. В то же время раздается серия щелчков – скорее всего, на дверях активируются замки.

Я могу быть везде, сказал Ноль. И теперь его разум управляет системой безопасности института, поймав нас в ловушку.

Звучащий из динамиков голос Ноля обволакивает нас в непроглядной темноте.

– Почему ты так поступаешь? – спрашивает он. Его вопрос адресован Джэкс.

Она не отвечает, но я чувствую, как ее пальцы сжимаются вокруг моей руки, и она тянет меня вперед.

– Убежище, – говорит она мне. – Это единственное место в здании, не подключенное к цифровой системе. Доберись до конца коридора и спускайся по первой же лестнице. Иди до конца. Добравшись до последнего этажа, ты увидишь две двери в конце коридора. Слева от них третья, ее почти не видно в стене. Тебе придется открыть ее вручную. Запритесь там.

Убежище. Тримейн пытался добраться до той комнаты, когда его поймали.

Я понимаю по ее голосу, что Джэкс с нами не идет.

– Но ты…

– Просто сделай это. Я задержу его. – В ее словах нет ни тревоги, ни чувства страха. Ее голос звучит так же, как и в самый первый день нашей встречи – холодно и уверенно.

Мне хочется крикнуть ей идти с нами, но вместо этого я чувствую вес Хидео, тяжело опирающегося на меня, когда она отходит от нас.

Через плечо она бросает:

– Почему вы все еще здесь?

С моих губ срывается проклятье, и я включаю виртуальную сетку.

Сразу же коридоры вокруг меня загораются в виде системы линий, указывающих мне схему помещений, словно там все еще светит тусклый свет…

Но что-то не так. Обычно, когда я использую виртуальную схему-сетку, она может наложиться на что угодно, провести пользователя через туман, дождь или снег. Но сейчас, должно быть, Ноль вмешался в способность «НейроЛинка» прочитать институт, потому что моя сетка исчезает в туманных пятнах, не получая всех данных. Скорее всего, в здании есть всевозможные

виртуальные барьеры, превращающие коридоры в иллюзии.

По крайней мере я вижу силуэт Хидео рядом со мной. Джэкс стоит к нам спиной, ее фигура покрыта зелеными линиями. Она смотрит в лицо Нолю, темному силуэту, виднеющемуся посреди коридора позади нас.

Двигайся. Мы с Хидео бредем прочь. Где-то в коридорах вокруг нас раздаются шаги приближающихся охранников, подконтрольных Нолю. Если они доберутся до нас, с нами не будет Джэкс, которая поможет отбиться.

За нами раздается голос Джэкс, бросающей вызов Нолю:

– Помнишь тот раз, когда ты не смог бросить меня? – спрашивает она.

– Убирайся с моего пути, Джэкс, – я слышу металлический стук шагов его костюма и осмеливаюсь обернуться.

Джэкс поднимает оба пистолета, заряжает их и присаживается с одной стороны коридора, готовая к атаке Ноля. Ее поза напоминает мне в тот раз она оказалась возле меня, ее движения были такие легкие, что казалось, она летит.

– Теперь мой черед, – отвечает она. – Так или иначе, в этот раз мы уйдем отсюда вместе.

Вес Хидео исчезает с моих плеч – он набрался сил, чтобы передвигаться самому. Его рука находит мою в темноте, и я сжимаю его ладонь как можно крепче. Мы заставляем себя идти дальше.

Перед нами коридор начинает обволакивать виртуальный туман, из-за чего мне становится труднее видеть сетку. Я замедляю шаг и кладу руку на стену. В тумане мелькают тени, фигуры, отступающие влево и вправо, а другие, кажется, бегут к нам. На лбу проступает пот.

– Они ненастоящие, – шепчет Хидео, его взгляд прикован к ним в темноте. – Сетка не очерчивает их зеленым.

Одна из теней растворяется в дыму, как только настигает нас. Ненастоящие. Я закрываю глаза и продолжаю пробираться вперед. Сделанные нами шаги пролистываются в уме в виде цифр. Доберемся ли мы до лестницы? Может, мы вообще двигаемся не в том направлении…

А потом моя рука находит нишу двери. Я замираю, пробегая пальцами по металлической перекладине поперек двери.

Я толкаю дверь. Мы оказываемся на лестничной площадке, где сетка перед моими глазами внезапно снова становится четкими линиями и очерчивает ступени, по спирали уходящие вверх. Из коридора, который мы только что оставили позади, доносятся звуки выстрелов.

Джэкс.

Я заставляю себя двигаться вперед, когда Хидео хватается за перила и запрыгивает на ступени. Его движения все еще кажутся усталыми, но, по крайней мере, ему удается не отставать от меня. Мы поднимаемся и поднимаемся, пока не не преодолеваем три пролета и ступени не заканчиваются. Я открываю дверь колодца и, спотыкаясь, выхожу в новый коридор.

Первым делом я замечаю пару фигур, бросающихся к нам. Мой взгляд сразу же замечает зеленую сетку, наложившуюся на их силуэты. Они настоящие.

Охрана.

Я падаю на пол и откатываюсь в другую сторону коридора, ударяя одного из них ногой по лодыжкам. Он теряет равновесие и с криком падает вперед.

Второй охранник разворачивается и наставляет на меня оружие. Я наклоняюсь, готовясь к выстрелу, но мгновение спустя он отлетает в сторону – Хидео сбивает его с ног, припечатывая к стене. Охранник выбрасывает кулак, но Хидео слишком быстрый – он уворачивается, выворачивает ему руку за спину и с силой толкает.

Раздается тошнотворный хруст, а за ним крик боли. Оружие со стуком выпадает из руки охранника. Хидео поднимает его, засовывает за пояс и спешит ко мне, пока я пытаюсь подняться на ноги. Звук шагов других охранников быстро приближается к нам.

Убежище должно быть в конце коридора.

Мы несемся по покрытому сеткой коридору. Впереди нас он исчезает в виртуальном тумане, но времени останавливаться и думать об этом нет. Мы влетаем в слепое пятно.

– Почти на месте, – выдыхаю я. Но взглянув в сторону, вижу, что зеленая фигура Хидео тоже исчезла из виду, поглощенная туманом.

Я продолжаю ощупывать стены, выискивая двери. Хидео, шепчу я, посылая зов через связь. Он не отвечает. Неужели всякая связь между нами отключилась, когда мы попали в эту зону?

Чье-то присутствие рядом со мной заставляет меня протянуть руку.

– Хидео? – бормочу я.

Это не он. Вместо него из тумана появляется стальной силуэт. Ноль.

Джэкс. Он пробрался мимо нее? Должно быть так. Или он… Мысль проносится в голове, слишком ужасная, чтобы на ней задерживаться.

Он хватает меня за руку и кидает меня. Я пролетаю по коридору, падаю на пол и приземляюсь на спину. Удар выбивает весь воздух из легких. Глаза широко распахиваются. Я хватаю

ртом воздух, как выброшенная на сушу рыба. Надо мной из тумана выходит Ноль, его скрытое шлемом лицо повернуто в моем направлении.

Я отползаю назад, сжав зубы, двигаясь ближе к стене и отчаянно выискивая двери в конце коридора.

Мы не доберемся туда.

Ноль поднимает руку и целится в меня. Я напрасно пытаюсь откатиться в сторону.

В это время возле меня материализуется другая фигура. Хидео. Он сидит на полу, его подсвеченные зеленым глаза в ярости смотрят на Ноля. Его руки в синяках сжаты в кулаки.

– Не. Тронь. Ее. – отрывисто рычит он.

А затем бросается на Ноля всем своим весом. Этой внезапной атаки достаточно, чтобы толкнуть Ноля назад, и они оба летят на пол.

– Эмика, скорее! – кричит Хидео.

Я вскакиваю на ноги и провожу рукой по стене. *Давай же, давай.*

А потом я нахожу их. Очертания первой двери. Потом второй. Мои пальцы останавливаются на углублении третьей раздвижной двери. *Убежище.*

Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на коридор. Сквозь обрывки тумана появляются Хидео и Ноль. У Ноля преимущество в грубой силе своего металлического костюма, но Хидео быстро оказывается на ногах, он проворнее, а Ноля замедляют повреждения, нанесенные Джэкс. Хидео бьет в металлическую грудь Ноля ногой, заставляя его отшатнуться. Ноль быстро восстанавливается. Он хватает Хидео за горло, пригвождая его к стене, а потом заносит кулак и бьет в живот.

У Хидео вырывается сдавленный крик.

Я ищу ручку от двери убежища, наконец пальцы сжимаются на ней.

– Хидео! – кричу я, рывком открывая дверь. В другой конец коридора прибывают охранники.

Хидео бросает взгляд в моем направлении. Он стискивает зубы, подтягивает ноги к груди и бьет Ноля так сильно, как только может. Раз, два. На третий раз хватка Ноля на шее Хидео чуть слабеет. Этого достаточно, чтобы он освободился. Хидео падает на землю, а потом бежит ко мне.

Я хватаю его за руку и тяну нас в комнату-убежище. Я закрываю дверь как раз в тот момент, когда Ноль добирается до входа. Последнее, что я вижу перед тем, как опустить засов двери, – лицо Ноля в шлеме. Дверь защищает нас толстым барьером стали.

Я падаю на пол и отползаю от двери. С другой стороны раздается громыхание ударов – Ноль или его охрана пытаются выломать дверь – но здесь столько слоев, что практически ничего не слышно. Внутри комнаты вдоль одной стены расположены панели, показывающие лабораторию с разных углов. Дыхание со свистом вырывается из моих легких.

За моей спиной Хидео издает стон. Я поворачиваюсь и вижу, что он сидит спиной к стене, прижимая одну руку к боку. Только сейчас я замечаю темное красное пятно на его рубашке.

Я падаю на колени возле него.

– Черт, – шепчу я, касаясь его руки. Он вздрагивает и осторожно убирает руку, чтобы я увидела рану. Между его дрожащими, окровавленными пальцами глубокий порез, скорее всего от лезвия.

Ноль не просто ударил его в бок кулаком. Должно быть, в его костюме было какое-то острое оружие, которое нанесло Хидео рану.

– Вот, – шепчу я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, когда я снимаю куртку и оборачиваю ее вокруг его талии. Из раны вытекает пугающая большая лужа крови.

Хидео издает еще один сдавленный стон, когда я затягиваю куртку, пережимая рану. Он отрывисто дышит, а его лицо очень бледное и покрыто капельками пота. Я присаживаюсь возле него и сжимаю его окровавленную руку в своей. Меня ошеломляет, насколько беспомощной я себя чувствую. Все распадается на части.

У меня уходит секунда на то, чтобы заметить, что Хидео шепчет.

– Прости меня, – говорит он снова и снова. – Прости меня. Прости меня.

Мой сон. Его тихий голос, его руки, притягивающие меня к себе. Я крепче сжимаю его руку и кладу на нее голову, вздрагивая от прикосновения его холодной, мокрой кожи, прежде чем взглянуть на него.

Его взгляд встречается с моим. Его глаза слишком темные:

– Я просто хотел…

– Я знаю, – выдыхаю я, пытаясь справится со слезами, угрожающими пролиться. – Сосредоточься на дыхании. Дай мне время пробраться в разум Ноля.

Хидео закрывает глаза, его ресницы касаются щек.

Я роюсь в кармане в поисках линз, которые мне бросила Джэкс. Наконец достаю одну из коробочек и снимаю крышку, чтобы взглянуть на новые линзы, которые свяжут меня с Нолем.

– Когда будешь там, свяжись со мной, – шепчет Хидео, а мой

взгляд снова возвращается к нему. Он кивает, с трудом, но решительно. Я киваю в ответ. Одна из линз дрожит на кончике моего пальца.

Если это не сработает, то все кончено.

Я достаю код взлома, он снова парит над моей ладонью. Я убеждаюсь, что он все еще нетронутый в моем аккаунте. Я колеблюсь в последний раз. Снаружи раздается удар, сотрясающий всю комнату.

Мы с Хидео обмениваемся молчаливыми взглядами.

А потом я снимаю свои старые линзы и надеваю новые.

По моему телу пробегает дрожь. *Теперь быстрее*, говорю я себе, сразу же доставая куб. Прежде, чем система успеет полностью привязать меня к разуму Ноля, я открываю куб и включаю его.

Он вспыхивает сферой вокруг меня. Убежище исчезает.

Моя виртуальная версия оказывается посреди черного поля. Оно тянется во всех направлениях – осязаемая темнота, давящая на границы моего разума, угрожает сомкнуться, как океан над ныряльщиком. Я готовлю себя к этому. Возможно, мы с Джэкс ошибались все это время. У меня не получится помешать Нолю захватить контроль.

Но сфера вокруг меня остается на месте, отталкивает.

В это же мгновение одна единственная дверь материализуется передо мной. Я сразу же понимаю, что эта дверь ведет в разум Ноля.

Разум Ноля. Я могу войти. Меня накрывает волна надежды. Я посылаю приглашение связаться Хидео.

Он не отвечает сразу же, и на мгновение я предполагаю худшее. *Его уже нет.*

А потом он принимает приглашение. Знакомая волна его эмоций доходит до меня, и вот он здесь, стоит рядом со мной в этом виртуальном аду. В виртуальной реальности он не кажется раненым, но его движения немного отрывистые, словно он включается и отключается за мгновение ока, боль из его настоящей жизни влияет на связь «НейроЛинк».

– Я знаю эту ошибку, – говорит Хидео, подходя ближе к двери. – Один из инженеров чуть ранее указал нам на нее, и я дал задание Кенну убедиться, что ее исправят. – Он сощуривается при упоминании имени бывшего друга.

– Значит, он солгал тебе, – заканчиваю я за него, а Хидео мрачно кивает.

Ради денег или обещаний свободы, вместо того, чтобы исправить ошибку, Кенн продал ее Тейлор.

– Может это все будет преследовать его, – добавляет Хидео. –

И это окажется ошибкой, спасшей нас всех.

Я берусь за ручку двери.

– Давай на это надеяться, – отвечаю я.

И открываю дверь. Мы оба отступаем назад, когда дверь рассыпается в ничто, открывая нашему взгляду первые намеки на мир разума Ноля – кромешно черный, словно ты смотришь в дальний космос.

Я первая делаю шаг вперед. Мои ноги парят над пространством из ничего за дверью. Хидео следует за мной секундой позже.

Первое изменение, которое я замечаю, это то, что я одета с головы до ног во все черное. Хидео одет так же. Теперь он так похож на Ноля, что, по правде сказать, я начинаю нервничать, боковым зрением замечая его рядом.

Перед глазами появляется приглашение от Хидео:

– *Сыграем в Warcross?* – спрашивает он.

Я принимаю приглашение.

Тьма вокруг нас размывается и становится серо-серебристой, а потом формируется виртуальный мир – искаженное место, созданное из-за подрыва баз данных миров Warcross разумом Ноля.

Мы с Хидео стоим на каменном мосту и смотрим на разрушающийся город, который окружает нас. Все постоянно движется – поднимаются новые ступени, старые обрушиваются камнепадом, мосты, соединяющие здания, возводятся заново и рушатся, башни то появляются, то исчезают. Темные блестящие шарики парят в воздухе. Я чувствую инстинктивное желание дотянуться до них, словно это бонусы в игре, но в то же время знаю, что это мины, которых нужно избегать.

Мои доспехи тоже меняются – появляется обычное обмундирование из Warcross, знакомые сумки и ремни, свисающие с пояса.

Хидео смотрит на меня.

– Мы не проберемся туда вдвоем, – говорит он. – Нам нужна команда.

Я мрачно улыбаюсь.

– У нас есть команда.

29

Возможно, я вообще больше не могу связаться с Хэмми, Эшером и Рошаном. Они и раньше со мной связывались сами – но, когда я поднимаю свою директорию, она кажется пустой доской. Внутри меня все обрывается. Возможно, им не удалось уйти с арены, и их привязали к разуму Ноля.

А потом постепенно появляются списки имен. Моя связь из убежища немного медленнее из-за толстых слоев металла, окружающих нас, но стабильная.

Я нахожу своих товарищей, каждый из них горит зеленым, показывая, что они онлайн.

Эшер отвечает первым.

– Эмс, – шепчет он. Мгновение спустя, он принимает мое приглашение и появляется на мосту рядом с нами, его аватар тоже одет в черные доспехи.

Я чувствую облегчение при виде его. Хотя я знаю, что никто из нас не почувствует этого, подбегаю и обнимаю его. Он вздрагивает от резкого движения, а потом смеется и отстраняется от меня на расстояние вытянутой руки.

– Салют, Капитан, – приветствую я его.

Он качает головой.

– Ты всегда будешь моей темной лошадкой, – отвечает он с улыбкой.

Вскоре к нам подключается и Хэмми, а за ней Рошан. Несмотря ни на что, они все здесь. Я по очереди приветствую всех, пока они обмениваются напряженными кивками с Хидео.

Эшер с тревогой осматривает свои доспехи и оглядывает меняющийся город вокруг нас.

– Что, черт возьми, это за место? – шепчет он.

– Разум Ноля изнутри, – отвечаю я. – Нам нужно найти Сасукэ, чтобы я могла отдать ему вот это. – Я поднимаю файлы, которые мне отдала Джэкс, – Воспоминания и стадии его разума из библиотеки.

Настороженный взгляд Хэмми на мгновение встречается с Хидео, прежде чем остановиться на мне.

– Арена, – говорит она быстро. – Всё просто остановилось – и когда мы очнулись, вы, ребята, исчезли. Все там выглядят так, словно одержимы духами. Думаю, технически это правда?

Хидео обменивается со мной взглядом. У меня даже не было времени подумать о том, как люди вне института реагируют на контроль Ноля.

– Весь «Токио Доум» просто море молчащих людей, –

добавляет Рошан. Его губы сжаты от страха, и я гадаю, думает ли он о Тримейне, попавшем в ловушку контроля Ноля, пока лежит в больничной кровати. Медсестры не будут заботиться о нем, если они застыли на месте.

– Мы сбежали с арены и добрались до дома Эшера, но по пути видели вагоны метро, полные людей с пустым взглядом. На дорогах толпы, стоящие у своих машин и движущиеся словно роботы. – Он вздрагивает от воспоминания. – Мы видели на улице старика, который, казалось, не попал под влияние линз. Может быть, у него не обновились бета-линзы или он один из немногих, кто не пользовался «НейроЛинком». Ноль, должно быть, приказал поймать его. Я видел, как его окружили.

По мне пробегает холодок при мысли об этом.

– Тогда у нас не много времени, – отвечаю я. – Код взлома – единственная вещь, защищающая нас от разума Ноля, но это не означает, что он не найдет других путей обойти нас. Здесь правил не будет, и никто не будет кричать, что так нельзя. У нас есть только один шанс сыграть в матче всей нашей жизни.

Если у Ноля получится поймать нас, он возьмет контроль над нашими разумами и зайдет в них так же, как и мы в его. И обладая такой силой, он сможет сделать все, что пожелает. Стереть части разумов, обездвижить нас, заставив нас сидеть тихо и смотреть в одну точку, пока не поступит так же со всеми остальными. Он может навечно оставить нас в таком состоянии, пока мы не умрем в настоящем мире. Может поглотить нас целиком, если мы не будем осторожны.

Мне стыдно, что даже после всего произошедшего, я почти жду, что «Всадники» отступят и откажутся. В конце концов это не обычная игра Warcross. Зачем кому-то рисковать жизнью вместе со мной? Зачем подвергать себя такой опасности?

Эшер присвистывает, глядя на движущийся город. В его глазах появляется блеск. Та его часть, что так любит соревнования, не в силах устоять перед притягательным вызовом. Он смотрел вот так во время Wardraft, когда выбрал меня, несмотря на тот факт, что у меня не была ранга.

– Хорошо, – отвечает он. – Я бы не хотел такое пропустить.

Хэмми, не колеблясь, дважды ударяет себя в грудь – знак приветствия Warcross.

– Я с вами, – говорит она.

– И я, – повторяет Рошан, его взгляд прикован ко мне.

Хидео касается моего плеча, а потом кивает в сторону ландшафта вокруг нас.

– Ноль знает, что мы здесь, – говорит он, изучая изменяющиеся здания. – Видишь, он уже пытается заблокировать

очевидные проходы с помощью препятствий? Должно быть, возводит защиту вокруг себя.

Хидео показывает на дверь в стене одной из башен, к которой нет лестницы. Тут есть и другие двери в странных местах – под лестницей, на потолках, за которыми лишь цемент. Двери повсюду. От этого кружится голова, а это как раз и надо Нолю.

Но рука Хидео замирает в направлении последней башни. Я едва замечаю одиноко стоящую дверь на плоской крыше, вход, практически полностью скрытый колоннами. Черные шарики парят над краями башни, спиралью окружая ее молчаливым узором. Каменная лестница опоясывает башню с крыши до самого конца моста, на котором мы стоим.

– Вон там, – говорит Хидео, – это дорога к той двери, хоть он и пытается ее спрятать. Нам нужно идти вперед.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Рошан. – Зачем Нолю вообще прокладывать нам путь к чему-то?

Хидео поворачивается к нему.

– Потому что, – отвечает он, – это не Ноль. Это Сасукэ зовет нас. Я узнаю его тип мышления, создающий путь через хаос.

Я снова смотрю на дверь. Теперь я вижу ее на стыке сражающихся друг с другом разумов.

– Так нам нужно подняться туда? – спрашивает Эшер. Он уже продумывает, как сделать.

– Нам нужно подняться туда, – подтверждает Хидео.

Щелкающий звук позади нас заставляет меня повернуться. В темноте материализуется фигура, напоминающая мне Ноля – темные доспехи от головы до пят. Возле него появляется вторая, а потом третья. Десятки роботов-охранников выходят к нам из теней.

Кажется, они точно не знают, где мы находимся, но смотрят в нашем направлении. Когда их становится больше и они начинают двигаться быстрее, я бросаюсь к башне с лестницей.

– Бегите! – кричу я.

Мы одновременно бежим по мосту. Мир вокруг нас чувствует наше движение, и над нами раздается раскат грома. Когда я поднимаю голову, то вижу черные облака, формирующиеся между исчезающими в небесах башнями. Молния бьет между ними.

Один разряд попадает в здание прямо перед нами и откалывает сбоку строения кусок цемента, который падает на наш мост. Мы резко останавливаемся, когда камень перегораживает нам путь к башне.

Если Сасукэ создает эту дорогу для нас, то Ноль пытается ее уничтожить.

– Отойдите, – кричу я и снимаю одну из динамитных шашек с

пояса. Я подбегаю к камню, зажигаю фитиль и кидаю его к основанию. А потом бросаюсь назад, пытаясь убежать как можно дальше.

Взрыв сотрясает мост, и меня бросает на землю лицом вниз. Камень и пыль летят во все стороны, а обломок разваливается на кусочки. Сощурившись, я вскакиваю на ноги и бегу к своим друзьям. Они появляется из облака пыли, а за ними гонятся роботы-охранники, двое из которых быстро нас догоняют.

– Быстрее, быстрее! – кричит мне Рошан, маша мне рукой, чтобы я не отставала, когда все пробегают по очищенную мосту. Он резко останавливается, его ботинок очерчивает на земле полукруг, когда он поворачивается к приближающимся охранникам.

Он скрещивает перед собой руки, образуя сверкающий голубой щит. Он бросается на первую же фигуру, со всей силы толкая ее назад.

Робот отлетает в сторону от удара щитом и кубарем катится с металлическим грохотом, пока не падает с моста и исчезает. Рошан разводит руки – один щит превращается в два. Он бьет одним щитом по второму бегущему охраннику. Удар такой силы, что робот ломается, прогибаясь внутрь, и с громким треском падает на спину.

Щиты Рошана исчезают, он опускает руки и разворачивается, чтобы догнать нас.

Когда мы приближаемся к основанию башни, она содрогается. Я окидываю взглядом ее целиком, от вершины до начала ступеней. Пока я смотрю, огромный кусок камня отламывается от лестницы и падает, разваливаясь на части. По лестнице бегут новые трещины.

Мы резко останавливаемся. Нетронутая лестница висит высоко над нашими головами, нам до нее не дотянуться. Просто так по ней забраться невозможно. Пока мы рассматриваем ее, сбоку башни появляется еще больше трещин.

При виде этого на лице Хэмми появляется улыбка. Там, где другие видят недостатки, она видит углубления для ног.

– Справишься? – спрашивает ее Эшер. На камне все время появляются новые трещины: одни расширяются, а другие сужаются.

Хэмми не колеблется.

– Без проблем.

– Я иду с тобой, – говорю я, снимая веревку с пояса. Я бросаю ей один конец, и она обвязывает его вокруг талии. – Когда мы доберемся до лестницы, то сбросим вам веревку.

– Что это, еще одно соревнование между нами? – Хэмми

криво ухмыляется мне, а потом бросается к башне. Ее пальцы хватаются за первую трещину в стене, и она подтягивается. – Ты же знаешь, что я обойду тебя.

– Я позволю тебе обойти меня раз десять, если у нас все получится! – кричу я ей в спину, прежде чем последовать за ней с веревкой и начать карабкаться.

Под нами Хидео поворачивается посмотреть, как роботы-охранники проходят там, где я убрала камень с нашей дороги – они уже подбегают к основанию башни. Он поворачивается к ним, достает клинок с пояса и один раз проворачивает его перед ними. Эшер и Рошан тоже готовятся к бою.

Я снова смотрю на Хэмми, карабкающуюся по стене в сантиметрах тридцати надо мной. Одна из трещин, за которую она держится, внезапно закрывается словно застежка, чуть не отрезав ей пальцы. Она вовремя убирает руку и падает.

Я выхватываю один из своих ножей и засовываю в трещину, за которую уцепилась, крепко держась за стену. Веревка между нами сильно натягивается – она почти стаскивает меня за собой, но нож держится надежно, и падение Хэмми останавливается в нескольких футах подо мной. Она сразу же цепляется за стену и находит опору.

Я ползу дальше. Нетронутая лестница появляется перед глазами. Я подбираюсь к ней, а потом прыгаю. Верхняя часть моего тела бьется о лестницу, а нижняя свисает с края. Я пытаюсь за что-то уцепиться, пальцы наконец находят удобную трещину на лестнице, и я заползаю на нее. Хэмми забирается прямо после меня.

Внизу Хидео бросается на ближайшего робота, рассекая его металлическое тело пополам.

Хэмми отвязывает веревку и бросает ее вниз. Она обхватывает меня за талию.

– Ладно, – кричу я им. – Поднимайтесь!

Рошан отправляется первым, а за ним Эшер. Мы с Хэмми распластались на лестнице, и когда они поднимаются, мы затаскиваем их на ступени. Хидео забирается последним. Он прыгает, чтобы ухватиться за веревку и едва избегает одного из роботов, который пытается ухватить его за ногу. Я тянусь и хватаю его за руку, пока он забирается на лестницу.

Мы бежим по ступеням. Мир вокруг нас снова сотрясается. Алые фонари внезапно включаются на крышах других башен, словно тюремные прожекторы. Я сосредотачиваюсь на подъеме. Ступени трескаются под нашими ногами.

Хэмми поднимается на вершину первой. Дверь светится по краям голубым – резкий контраст мрачному окружению.

Она толкает светящуюся дверь, но та не поддается.

– Думаю, нам нужен ключ или вроде того, – бормочет она, снова и снова наваливаясь на нее. Мы толкаем все вместе, но дверь нисколько не поддается. Я бросаю взгляд на ступени, некоторые из которых уже обрушились, а потом опять на дверь. По обеим сторонам виднеются два круглых углубления.

Хидео отходит первым.

– Я узнаю некоторые из деталей. – Он кивает в сторону темных шариков, парящих в воздухе, и, присмотревшись, я замечаю, что они мерцают насыщенным алым и синим светом.

Я сразу же понимаю, что он имеет в виду. Они из игры, которую Сасукэ придумал вместе с Хидео, когда они отправились в парк: они раскидывали красные и голубые пластиковые яйца по траве, а потом бегали и собирали их. Тогда Сасукэ и украли. Остатки тех воспоминаний разбросаны теперь здесь, искаженные и обращенные в кошмар.

Я снова смотрю на два отверстия в двери. Это слоты, к которым подойдут шарики.

– Нам нужно собрать их, – говорит Хидео. – Один красный, один синий.

Хэмми смотрит на парящие в воздухе темные шарики. Она кивает и прежде чем кто-то успевает остановить ее, приседает на ступенях, а потом прыгает с края, взлетая в воздух в мгновение ока.

– Стой! – вскрикивает Хидео.

Она хватает ближайший шарик, поворачивается в воздухе и засовывает его в карман. Падая, она бросает веревку, и та зацепляется за щель в ступенях. Она по дуге опускается ниже и повисает под нами.

– Один есть, – кричит нам Хэмми.

Внезапно все красные прожекторы поворачиваются к нам, омывая нас алым светом. Оглушающий горн эхом раздается по этому миру.

Это ловушка. Шарики нужны, чтобы пройти через дверь, но дотронувшись до них, мы сообщили Нолю, где точно находимся.

– Залезай! – Эшер кричит Хэмми, когда мы видим роботов-охранников, столпившихся у подножия башни.

Хэмми не теряет ни мгновения. Она начинает подниматься по веревке так быстро, как только может. Рошан бросается вниз по лестнице к ней, перепрыгивая через две ступеньки, но роботы двигаются так быстро, что я понимаю: они догонят их до того, как Хэмми вернется к нам.

Я поворачиваюсь Хидео и бросаю ему один конец веревки. Он хватает ее. Но роботы быстро подбираются – они их догонят,

прежде чем я доберусь до Хэмми и Рошана. Подо мной Рошан уже встал перед Хэмми и ждет, пока она забирется на одинокий островок ступени. Он сощуривается, глядя на приближающихся роботов и скрещивает руки, вызывая щит.

Роботы врезаются в него. Рошан вздрагивает, когда его отталкивают назад. Он цепляется ботинками за каменные ступени, напрасно пытаясь не дать роботам столкнуть его. Хэмми вскакивает на ноги и бросается по ступенькам к нам.

Щит Рошана не может больше выдерживать удары. Светящийся голубой круг содрогается, когда роботы снова набрасываются на него и потом гаснет. Я что-то выкрикиваю.

– Эй!

Моя голова поворачивается при звуке голоса Эшера. Он спрыгнул со ступеней, пытаясь схватить еще один шарик. Половина роботов-охранников теперь двигается к нему, а другие на мгновение замирают, дав Рошану достаточно времени, чтобы развернуться и побежать наверх за Хэмми.

Я проношусь мимо них, когда они присоединяются к Хидео на вершине. Рошан смотрит на меня.

– Куда ты? – кричит он.

Я отвечаю не сразу. Вместо этого останавливаюсь возле Эшера, сажусь и достаю динамитную шашку с экипировочного пояса. Я кладу ее на ступени перед роботами.

– Беги! – кричу я Эшеру.

Он уже понимает, что я делаю. Мы бросаемся бежать как раз в тот момент, когда динамит взрывается.

За нами в ступенях зияет дыра, такая широкая, что она мешает роботам следовать за нами. Они толпой скапливаются у края, собираясь прыгать через дыру.

– Вставляйте их! – слышу я крик Эшера. Хэмми и Рошан берут два шарика и засовывают их в слоты по обеим сторонам двери.

Роботы ползком пробираются через дыру в ступенях. Теперь они несутся к нам.

Дверь распахивается. Хидео хватает меня за руку. Роботы уже почти добрались до нас.

Хэмми, а за ней Рошан, прыгают в проход. Хидео толкает меня следом. За нами один из первых добравшихся роботов хватает Эшера за руку, его металлические пальцы крепко сжимают запястье. Он бьет робота в грудь ногой, и когда тот ослабляет хватку, бросается к двери. Хидео едва успевает забежать и наглухо захлопывает дверь, как раз в тот момент, когда роботы прыгают на нее.

Мы падаем на землю. Мое сердце колотится так сильно, что я хватаюсь за грудь, словно это поможет мне дышать.

– Ну, – выдыхает Эшер, встречаясь с нами взглядом. – Это что-то новенькое.

Хидео вздрагивает, прислоняясь к двери. Теперь его лицо призрачно-бледное. Это отражение того, как он выглядит в настоящей жизни, и я знаю, что он слабеет от потери крови. По его изображению пробегают небольшие помехи: оно мерцает, прежде чем снова обрести четкие контуры.

Я касаюсь его руки. У нас кончается время, а его рана – наши тикающие часы. Он слабо мне улыбается, но это больше похоже на гримасу. А потом кивает на новое место, в которое мы попали.

Хэмми тяжело вздыхает и устало облокачивается о Рошана. Я чувствую, как трясутся руки. Осмотревшись, я понимаю, что мы сидим внутри светящегося белого пространства, без стен и потолка. Где мы?

Мои мысли прерывает резкий вздох Эшера. Я поворачиваюсь и вижу, что он сжимает свою руку в том самом месте, где его коснулся робот. Его глаза закрыты.

– Эш, – говорит Хэмми. – Ты в порядке?

Эшер не отвечает. Его рука дрожит, а лицо бледнеет. Внезапно его глаза широко распахиваются – радужная оболочка не обычного голубого цвета, а пугающего серебряного.

Пустой белый мир вокруг нас мерцает. Внезапно мы оказываемся внутри дома – перила из витого железа, пуансеттии в горшках, осколки разбитого стекла на полу из твердого дерева.

Я инстинктивно отшатываюсь. Хэмми тянется к Эшеру, но я отдергиваю ее назад.

– Не прикасайся к нему, – предупреждаю я.

– Что с ним случилось? – спрашивает Рошан.

Хидео уже все понял.

– Когда робот-охранник дотронулся до Эшера, Ноль нашел путь внутрь.

Ноль прорвался сквозь коды Эшера и попал в его разум. Должно быть, это мир, созданный из его Воспоминаний.

Мы в ужасе наблюдаем, как этот мир продолжает разыгрывать одно из Воспоминаний Эшера. Мальчик, спешащий по ступенькам, не Эшер, а его брат Дэниел, которого легко узнать по светло-каштановым волосам и пронзительным голубым глазам. Спустившись, он с силой толкает коляску Эшера и та врезается в заднюю стену.

– Куда, черт возьми, ты теперь направляешься? – говорит ему Эшер. Он выглядит моложе, словно это случилось восемь или девять лет назад.

Дэниел ему не отвечает. Вместо этого он поворачивается и направляется на кухню. Голос Эшера становится сердитым.

– Знаешь что? Не хочешь, не говори. Мне не нужно знать о твоей жизни всё, тебе ведь плевать меня.

Услышав эти слова, Дэниел оборачивается. Он так похож на Эшера, его глаза горят тем же пламенем.

– Тебе не нужна моя забота, – огрызается он. – Разве ты не получаешь достаточно внимания?

– Если ты игнорируешь развод родителей, это не значит, что этого не происходит.

– А ты что делаешь? Играешь в Warcross в комнате?

Глаза Эшера сужаются, а его выражение лица внезапно становится холодным и суровым.

– А чем ты занимаешься? Может у тебя есть местные фанаты, но зато мои победы приносят еду на наш стол.

Кажется, это бьет по Дэниелу с такой силой, что Эшер колеблется, сжимая губы. Он понял, что зашел слишком далеко.

Дэниел подходит к Эшеру, ставит руки на подлокотники коляски и наклоняется к лицу брата.

– У тебя никогда не получится, – говорит он. – Ты никогда ничего в этом не достигнешь. Ты продолжаешь бросаться в эту бесполезную игру, словно серьезно считаешь, что тебя выберут «темной лошадкой».

Эшер не отвечает. Он просто откатывает коляску, заставляя Дэниела сделать шаг назад, и поворачивается к брату спиной.

Мне хочется выбраться из этого места прямо сейчас – снять эти линзы и увидеть убежище вместо этого искаженного мира разума. Я не хочу знать, что где-то там Эшер сидит в своем кресле, больше не понимая того, что происходит вокруг него.

Моя рука все еще лежит на плече Хэмми. Она кажется такой напряженной, что может сломаться.

Хидео встает.

– Если хотите вернуть его, нам нужно идти дальше.

Я отвожу взгляд от пустых глаз Эшера и отворачиваюсь. Мы идем дальше.

30

Вскоре мы натыкаемся на другую дверь, парящую в пустом белом пространстве. Я первая касаюсь ручки и осторожно поворачиваю ее и захожу, остальные следуют за мной.

Мы выходим на шумную, забитую людьми и омытую дождем улицу Токио. Я сразу же узнаю это место – станция Сибуя рядом с тем перекрестком, за которым я наблюдала из окна своего отеля. Мы стоим рядом со статуей Хатико, возле которой собираются люди в ожидании друзей. Вокруг нас движется толпа.

Я моргаю, сбитая с толку этой переменой. Люди повсюду: прячутся под цветными зонтами, под масками и шляпами, они одеты в пальто и сапоги, на их глазах тени. Машины поднимают волны брызг, проезжая мимо, а над всем этим возвышаются яркие рекламные щиты, на которых улыбающиеся модели, держат в руках лосьоны и крема.

Возле меня Хэмми слегка расслабляется. Я тоже это чувствую, словно мы здесь, а не в разуме Ноля, блуждаем по иллюзии. Хидео обменивается со мной быстрым предупреждающим взглядом.

Рошан хмурится, рассматривая картину перед нами.

– Это неправильно, – говорит он.

Только когда он произносит это, я понимаю, что тревожит и меня. Картинка не совсем точная: некоторых магазинов здесь нет, а часть из них расположены не в том порядке, как на реальной улице. Такое впечатление, что Ноль – или Сасукэ – не мог вспомнить ее в точности.

Но больше всего выделяется то, что никто из прохожих не разговаривает. Мы слышим лишь шорох ботинок, шум машин и гул реклам. Здесь, должно быть, тысячи людей, но никто не произносит ни слова.

Я тяжело сглатываю. Хидео вытягивает руку, советуя нам держаться ближе друг к другу.

– Мы уже почти пришли. Я помню это место, – говорит он, его взгляд прикован к рекламным постерам. – Наши родители водили меня и Сасукэ сюда, чтобы купить новые ботинки. – Он кивает на гигантский экран, обвивающий двухэтажный кофе-шоп, который показывает трейлер нового фильма. – Мне было восемь, когда вышел этот фильм. Сасукэ – шесть.

Хидео прав. Это не похоже на работу искусственного разума Ноля. Мы внутри искаженного Воспоминания в разуме Сасукэ, понимаю я.

Рошан становится рядом со мной, пока мы наблюдаем, как

люди оборачиваются и смотрят на нас невидящими глазами. Их головы наклоняются к нам, когда они приближаются.

– Роботы-охранники, – шепчет он.

В этот раз они замаскированы под обычных покупателей.

Хидео осторожно ведет нас вперед.

– Не дайте никому из них прикоснуться к вам.

– Ты знаешь, куда нам нужно идти? – спрашиваю я.

– Да, – он кивает в сторону универмага рядом с кофе-шопом, где продавец выдает купоны на скидку, чтобы завлечь потенциальных покупателей. Мы осторожно пробираемся через толпу, и я вижу пару с двумя маленькими мальчиками. Вытянув шеи, оба смотрят трейлер на экране над ними.

Мое сердце сжимается. Это Хидео и Сасукэ.

Мы проходим мимо них, но я не вижу их лиц. Когда я снова смотрю вперед, то они опять оказываются перед нами, словно все началось заново. Повторяющееся воспоминание.

Хэмми врезается в меня сзади. Я бросаю взгляд и вижу, что она подозрительно смотрит на людей, проходящих мимо нас.

– Кто-то только что бросился на меня, – шепчет она, ускоряя шаг. – Ноль вышел на охоту.

После того, что случилось с Эшером, должно быть, Ноль знает, что мы где-то здесь. Я протягиваю руку Хэмми и смотрю ей прямо в глаза.

– Они коснулись тебя?

– Нет, не думаю, – бормочет она в ответ, хотя и потирает локоть. – Она просто слегка коснулась моего рукава.

Мое сердце сжимается.

– Коснулась твоего рукава? – говорю я, но Хэмми отворачивается от меня и сосредотачивается на чем-то в толпе перед нами. Ее глаза широко распахиваются.

– Эй! – кричит Хэмми, заставляя нас всех вздрогнуть, а потом внезапно начинает пробираться через скопление людей.

– Хэмми! – зовет Рошан. Но она уже ушла, по косой направляясь прочь от универмага.

– Это моя мама, – говорит она, задыхаясь. Она оборачивается через плечо и видит наши шокированные лица. – Это моя мама! Вот там! – Она поворачивается, чтобы показать на женщину с темной кожей и темными кудрями, в униформе воздушных сил. – Что она здесь делает? Откуда Нолю известно, как она выглядит?

Я начинаю бежать. Хидео тоже, хотя мы оба понимаем, что уже слишком поздно. Невозможно двигаться так же быстро, как Хэмми, не врезавшись случайно в кого-то. Все больше прохожих смотрят на нас. Один резко наклоняется к Рошану, и тот едва успевает вовремя отпрыгнуть.

Хэмми! – хочется крикнуть мне, но я боюсь привлечь еще больше внимания.

Наконец мы ее догоняем. Она стоит посреди улицы, ее взгляд пустой и невидящий. Над нами огромные рекламные щиты исчезают, и на их месте появляется то, что может быть лишь Воспоминаниями Хэмми.

Две девочки, вьющиеся волосы которых спрятаны под шелковыми шапочками. Младшая из них громко смеется в кровати, когда их отец напрасно пытается поправить ее шапочку. Старшая – Хэмми – сидит тихо за маленьким квадратным столиком напротив женщины, должно быть их матери. Они обе сосредоточены на игре в шахматы. Я наблюдаю, как мама двигает фигуры за какие-то секунды, пока Хэмми хмурится и ерзает от досады, пытаясь продумать свои ходы.

– Зачем тебе снова завтра уезжать? – наконец бормочет Хэмми, когда слон мамы забирает ее ладью.

– Да, – нараспев кричит ее младшая сестра с кровати, специально сдвигая шапочку набок, из-за чего отец нежно вздыхает. – Зачем тебе уезжать?

– Перестань повторять за мной, Брук, – огрызается Хэмми на сестру, которая лишь хихикает в ответ.

– Я уезжаю ненадолго. – Их мать откидывается назад на стуле и скрещивает руки. Ее костюм украшают несколько медалей. Когда Хэмми наконец выбирает хорошее место, чтобы передвинуть туда своего ферзя, мать одобрительно кивает. – Всего лишь на пару недель. Девочки, вы можете даже прийти на базу и проводить меня, если хотите.

Брук разражается протестами, а отец снова пытается поправить ее шелковую шапочку. Хэмми отворачивается.

– Ты только вчера вернулась, – говорит она.

Их отец сурово вскидывает бровь.

– Хэмми. Перестань заставлять свою мама́ чувствовать вину. Я задал тебе много домашней работы по алгебре, чтобы занять тебя на следующую неделю. И всегда могу задать еще. Все, это была последняя жалоба. Ты поняла?

Хэмми открывает рот, но потом хмуро закрывает его.

– Да, сэр, – бормочет она.

Их мать улыбается, глядя на лицо Хэмми.

– Это хорошо, – дразнит она. – Когда меня не будет рядом, ты наконец сможешь выиграть несколько шахматных партий. Может быть, даже устроишь настоящую схватку, когда мы сыграем в следующий раз.

Хэмми выпрямляется, легкая ухмылка появляется на ее губах. Внезапно она снова похожа на ту девушку, которую я знаю.

Огонек в глазах матери, кажется, подпитывает ее.

– Да, ты пожалеешь. В следующей игре я захвачу твоего короля.

– О, какие громкие слова. – Ее мать тепло смеется. – Каждый раз, играя с кем-то, притворяйся, что играешь со мной. Поняла? Это станет для тебя стимулом стараться изо всех сил.

Юная Хэмми кивает.

– Черт, так и сделаю.

– Хэмми, – журит ее папа, сидя на кровати. – Следи за языком. Сколько раз повторять? – Брук начинает смеяться.

Возможно, Хэмми и слишком юна, чтобы понимать это, но я знаю, что именно делает ее мать – напоминает ей, что игра связывает их, что мама будет рядом с ней, даже когда это не так.

Сцена снова меняется, и мы оказываемся где-то еще; на улице ночь. Хэмми сидит у лампочки за маленьким шахматным столиком и тихо играет сама с собой, сосредоточенно хмурясь.

Наконец Воспоминание исчезает, и его снова заменяет сцена с бесконечно повторяющимся трейлером. Хэмми застывает на месте. Мне нужны все силы, чтобы не протянуть к ней руки и не увести ее вместе с нами. Я отрываю от нее взгляд, чувствуя, как разрывается сердце.

– Пойдемте, – говорю я сквозь сжатые зубы, держа Рошана за руку. Он задерживается, проходя мимо, словно тоже хочет схватить ее, но заставляет себя повернуться вперед.

Хидео идет рядом с нами, постоянно уворачиваясь, чтобы пробраться через толпу. Взглянув на него, я вижу, что его выражение лица холодно как камень.

Не нужно было приводить их сюда. Я не понимала, каким опасным может оказаться путь по разуму Ноля.

Но сейчас уже слишком поздно размышлять над этим.

Наконец мы доходим до входа в универмаг. Модель отстраненно улыбается нам. Она протягивает нам купон, но в отличие от всех остальных, я отхожу и не смею прикоснуться к нему. Так же поступают и Хидео с Рошаном.

Ее улыбка исчезает. Тревожный знак. Вдруг посетители вокруг начинают приближаться к нам на пугающей скорости.

– Он нашел нас, – бросает Хидео через плечо. – Поспешите! – Он хватает меня за руку и тянет вперед. Рошан тоже бросается бежать.

В противоположном конце этажа мерцает дверь, и мы спешим к ней. Немые прохожие с пустыми лицами продолжают бежать за нами.

Хидео добирается до двери и толчком открывает ее. Мы забегаем внутрь. Последнее, что я вижу, это бесчисленные лица,

решительно приближающийся к нам. Затем я захлопываю дверь, оставляя их позади.

Я вся дрожу. Хэмми больше нет. Эшера больше нет. И если мы не доберемся до конца как можно скорее и не вернем разум Ноля Сасукэ, они могут никогда и не очнуться.

После странного безмолвия в иллюзии Сибуи, эта улица кажется такой спокойной, что в ушах звенит от тишины. Ее освещают лишь уличные фонари и золотисто-желтый свет из окон домов.

Это улица, на которой живут родители Хидео, но ночью все кажется другим. Вокруг нас плавает легкий туман. Дыхание Хидео вырывается в виде пара.

– Это до того, как папа посадил ель во дворе перед домом, – говорит он тихим голосом. – И дверь другого цвета.

Я это помню. Когда я посещала его дом, дверь была темно-красного цвета, но в Воспоминании Хидео дверь была голубой. И сейчас она такого же цвета.

Хидео колеблется, словно боится подойти ближе. Это кошмар, в ловушке которого он находится. Ноль так же когда-то воспользовался моим худшим Воспоминанием против меня.

Рошан направляется к дому.

– Эми, – говорит он тихо, – вы с Хидео держитесь позади. У меня есть щиты, так вы будете в большей безопасности. Несомненно, и здесь нас ждут роботы-охранники.

Хидео качает головой и делает шаг вперед.

– Присмотри за Эми, – отвечает он, а потом взмахивает рукой. Появляется сетка меню. – Я неотъемлемая часть этой сцены и легко затеряюсь в ней. Ноль не найдет меня.

Мы подходим к дому. Приблизившись, я слышу внутри шум приглушенных голосов, узнаваю тихий голос матери Хидео и низкий бас его отца. Хидео подходит к дому, открывает дверь и заводит нас внутрь.

Это теплое, уютное место, такое же аккуратное и чистое, как я и помню, – только здесь нет скульптур, которые позже сделает отец Хидео в память о Сасукэ. В действительности тут много портретов Сасукэ на стенах, фотографии его и Хидео с родителями. Скорее всего, это Воспоминание тех времен, когда он был еще дома.

– Хидео-кун!

Мы одновременно поворачиваемся, услышав голос матери Хидео. Она резко отличается о той, которую я видела лично, – здесь она похожа на солнце, а не на тень, с прямой спиной и ярким блеском в глазах, на ее губах веселая и жизнерадостная улыбка. Больно видеть ее такой до исчезновения Сасукэ.

Рядом со мной Хидео делает инстинктивный шаг к ней, но заставляет себя остановиться, сжимая кулаки. Он знает, что это иллюзия.

Пол под нами на мгновение сотрясается. Рошан опирается о стену и обменивается тревожным взглядом с Хидео. Хидео уже знаком показывает нам отступать.

Мать Хидео останавливается и хмурится при виде сомневающегося сына.

– В чем дело? – говорит она, я читаю перевод. Она оглядывается на кухню, подзывая кого-то. – Иди помоги брату.

Я удивленно моргаю. И тогда мать Хидео исчезает, словно ее там никогда и не было. Хидео наблюдает, как из кухни появляется человек – не Сасукэ, а Ноль. Его черные доспехи блестят в приглушенном свете, когда он слегка наклоняет голову. Под нами земля сотрясается все сильнее.

Он смотрит прямо на Рошана, потом на Хидео, а затем на меня.

– Вот вы где, – говорит он низким и холодным голосом.

Он не должен видеть нас за кодами, не прикоснувшись к нам – мы должны быть невидимыми для него. Но вот он или какая-то его оболочка, прокси. Чем бы он ни был, он знает, что мы здесь.

– Дом, – внезапно бормочет Хидео, и я тут же все понимаю. В этот раз ловушкой был весь дом, и мы все втроем открылись, как только зашли внутрь.

Ноль поворачивается к брату. А потом бросается вперед.

Рошан реагирует раньше меня. Он поднимает скрещенные руки, и сияющий голубой щит поднимается защитной аркой перед ним и Хидео. Ноль врезается в него – сила удара разрубает щит пополам. Ноль хватает Рошана за горло и с силой бьет о стену.

Рошан вскрикивает, сопротивляясь. Я бросаюсь к Нолю, чтобы оттащить его, но Хидео хватает меня за запястье.

– Сасукэ, – яростно и хрипло кричит он. – Остановись.

Ноль бросается взгляд на Хидео.

– Я знаю, почему вы здесь. Знаю, что вы ищете. – Он роняет Рошана и тот падает на пол, держась за горло.

Я бегу к нему, но Рошан вскидывает руку, предупреждая меня держаться подальше. Он уже замирает, его глаза становятся пустыми и лишенными эмоций. Его рука медленно опускается. Когда это происходит, мир вокруг меня быстро вспыхивает Воспоминанием.

Рошан ждет в больничной палате, в которой лежит Тримейн, подключенный к куче проводов. Голова Рошана лежит на его руках, локти тонут в кровати. В одной его руке лежат чётки, и

теперь он неосознанно проводит большим пальцем по каждой бирюзовой бусинке. Его темные кудри в диком беспорядке – свидетельство того, что он, переживая, взъерошивал их.

Мой взгляд возвращается к Тримейну. Его рана выглядит так же, как я помню, голова все еще перемотана бинтами. Рядом, в соседней комнате, другие «Всадники» и «Демоны» наконец прощаются на ночь и выходят на лестницу.

Это Воспоминание того вечера, когда я ушла из больницы и отправилась на встречу с Хидео.

В комнате тихо, помимо регулярного биения пульса на мониторе. Присмотревшись к Рошану, я вижу, что он сжимает в кулаке скомканную бумажку. Это список наспех записанных дат, которые наступят через несколько дней, одна за другой – контрольные приемы, дополнительные операции и физическая терапия. Возможно, это план лечения Тримейна, даты, когда Рошан планирует находиться здесь, в этой комнате.

Сначала мне кажется, что Тримейн все еще без сознания, но потом его потрескавшиеся губы слегка приоткрываются. Рошан поднимает взгляд от своих рук и встречается с глазами Тримейна под слоем бинтов. Оба смотрят друг на друга и обмениваются кривыми улыбками. Теперь я вижу, как опухли и отекли глаза Рошана, а под ними залегли темные круги.

– Ты все еще здесь, – хрипло говорит Тримейн.

– Вот-вот собираюсь уйти, – отвечает Рошан, хотя я понимаю, что он несерьезно. – Эти стулья – самые неудобные, на которых я когда-либо сидел.

– Ты и твой чувствительный зад, – Несмотря ни на что, Тримейн все еще может закатывать глаза. – Ты, бывало, жаловался и на кровать в общежитии «Всадников».

– Да, она была отстойной. Если у тебя и была причина покинуть «Всадников», так это из-за той чертовой кровати.

Повисает пауза.

– Где Кенто? – наконец спрашивает Тримейн.

При этих словах Рошан садится прямее, четки возвращаются на его запястье.

– Летит в Сеул с двумя товарищами по команде, – отвечает он. – Ему нужно вернуться, чтобы успеть на парад в их честь. Он передает тебе пожелания скорейшего выздоровления.

Тримейн отвечает на эти слова лишь кашлем и зажмуривается от боли. После долгой паузы Рошан снова облокачивается на кровать.

– Эми сказала тебе держаться подальше от файлов института, – говорит он.

– Не взлом выдал меня, – отвечает Тримейн. – Я наткнулся на

тупое растение в коридоре, ваза упала и разбилась. Такая фигня.

– Ну да, но ты не сможешь пережить несколько дыр в голове. – Рошан хмурится и снова опускает взгляд. Он молчит, но я вижу его злость в сжатых челюстях, в крепко сцепленных руках.

– О чем ты думаешь? – тихим голосом спрашивает Тримейн.

Рошан качает головой.

– Я думаю, что хочу попросить прощения, – отвечает он.

– За что?

– За то, что вообще попросил тебя помочь Эми. Я волновался, что она снова отправится туда одна, будет все скрывать. Я не должен был вкладывать эту идею в твою голову.

Тримейн раздраженно выдыхает.

– Если бы ты этого не попросил, я был все равно так поступил. Думаешь, охотник решит отказаться от погони всей его жизни? Да ладно тебе. Не бери на себя слишком много.

Глаза Рошана снова полны слез, и он быстро вытирает рукой лицо.

– Ты действительно хочешь знать, о чем я думаю? Я думаю о том, что все уже ушли, я все еще здесь, у твоей постели, словно какой-то идиот. Врачи сказали, что твое состояние стабилизировалось, сказали мне идти домой. Чего я здесь жду? Не знаю.

Тримейн просто смотрит на него. Не могу сказать, *что* мелькает в его бледных глазах, но, когда он говорит, он не встречается взглядом с Рошаном.

– А знаешь, о чем думаю я? – бормочет он. – Я думаю о том, что, если бы ты лежал в постели вместо меня, вся твоя семья была бы здесь. Твой брат, и его жена-герцогиня, и их ребенок. Твоя сестра. Твоя мать и твой отец. Все твои кузены и кузины, племянники и племянницы, все до последнего. Места бы свободного не осталось. Они бы прилетели все вместе на частном самолете и толпились бы здесь, волнуясь и ожидая, когда ты сможешь выйти из палаты.

Он колеблется, словно боится продолжать.

– Я знаю, что ты теперь с Кенто. Я знаю, что он во всем лучше меня. Но я думаю, что хоть никто в моей семье не хочет посещать меня, хоть ты единственный сидишь здесь, мне наплевать, потому что ты все равно что весь чертов мир.

Он кривится в последующей тишине от смущения.

– Помнишь тот момент после моей речи, когда я хотел бы подойти прямо к тебе или покинуть комнату в грандиозном финале? Только вот я привязан к этой тупой кровати, так что теперь мне просто неловко. Знаешь что? Забудь, что я сказал. Это было просто…

Рошан берет руку Тримейна в свою и крепко сжимает. Он ничего не говорит долгое время, но почему-то эта спорная тишина кажется как раз тем, что и нужно услышать.

– Ты знаешь, я никак не могу забыть тебя, – наконец бормочет Рошан.

– И я тебя, – отвечает Тримейн. Он слегка поворачивает голову, насколько может, и закрывает глаза, когда Рошан наклоняется, чтобы поцеловать его.

Воспоминание исчезает, словно все, что я только что видела, произошло за секунду. Рошан остается сидеть, прислонившись к стене, его пустые глаза устремлены вперед.

Ноль уже знает, что мы делаем и куда пытаемся добраться. Он даже поставил здесь ловушку, воспользовался этой игрой против нас, чтобы выследить нас. Он знал, что Хидео вернется сюда, в их старый дом.

Я вскидываю голову и сердито щурюсь, глядя на Ноля. Он просто смотрит на меня через свой непрозрачный шлем, молча изучая меня, прежде чем снова обратить внимание на Хидео. К моему удивлению, он не касается его.

Вместо этого он поворачивается и бросается на меня.

Хидео спешит ко мне. Он добирается до меня быстрее Ноля и встает передо мной, стиснув зубы, готовый к нападению брата. Ноль останавливается прежде, чем Хидео успевает дотянуться до него. Снова кажется, что он уворачивается от брата, словно его прикосновение может вызвать тот же ядовитый эффект, что и разум Ноля, контролирующий любого из нас.

– Тронешь ее, и я убью тебя, – рычит Хидео.

– Ты не убьешь Сасукэ, – отвечает Ноль прохладным голосом.

– Ты не Сасукэ.

Земля под нами еще больше трескается. Я теряю равновесие и падаю на колени. Прямо на моих глазах огромная трещина пробегает по полу. Я пытаюсь встать на ноги и бросаюсь на Ноля.

Но уже слишком поздно. Пол уходит из-под ног, и мы все падаем во тьму.

31

Я понятию не имею, где мы. Темнота всепоглощающая, и я слышу лишь дыхание Хидео где-то рядом со мной. Его дыхание хриплое, и когда он говорит, его голос звучит слабее.

– Хидео? – шепчу я, а потом произношу его имя громче. – Хидео?

Он не отвечает сразу же. Одно страшное мгновение я думаю, что Ноль каким-то образом добрался и до него, и что моя новая теория совершенно ошибочна. Хидео перестанет говорить. Возможно, он уже смотрит в пространство этой тьмы, лишенный эмоций.

Или, может быть, в настоящей жизни он умирает, истекая кровью. Мы оба в ловушке в убежище, а за дверью – охрана Ноля. В любой момент они могут ворваться и схватить нас, и я почувствую грубую хватку на моих руках. Я почувствую холодное дуло пистолета, приставленного к моей голове.

А затем Хидео шепчет:

– Эмика.

– Я здесь, – шепчу я в ответ.

Он вздыхает, кажется, с облегчением.

– Прости меня, – бормочет он. – Я должен был понять, что он поставит ловушку как раз в том месте, куда я бы я точно нас привел.

Постепенно кромешная тьма вокруг нас проясняется. Сначала я вижу лишь землю под ногами. Она кажется потрескавшимся бетоном. А потом едва заметные силуэты вокруг нас превращаются из обычных теней в стволы деревьев, а темные стены становятся возвышающимися зданиями. Мой взгляд поднимается все выше и выше – мир проясняется.

Это похоже на незаконченный город.

Небоскребы с пустыми интерьерами, лишенными света. Улицы с разбитыми тротуарами. Это призрачная версия Токио, без толп людей, которые я видела в предыдущей иллюзии Сибуи. Неоновые вывески, не включенные, висят на торговых центрах и магазинах. У зданий есть окна, но через стекло я вижу лишь пустые комнаты с осыпающимися стенами. Картины на стенах не закончены. Когда я присматриваюсь к ним, то вижу, что на них изображены сцены из старой жизни Ноля. Здесь и силуэт, напоминающий часть их старого дома, только похожий на грубый набросок, и портрет семьи, но у них нет лиц.

Это самый центр разума Ноля: опустошенная версия Воспоминаний Сасукэ, миллион фрагментов с вырванными

сердцами.

Ноль появляется перед нами, его темная фигура почти невидима на таком фоне, лицо скрыто и непроницаемо. Вместе с его появлением возникают и десятки – сотни – роботов-охранников, все они стоят на карнизах зданий, крышах и углах улиц, безмолвно наблюдая за нами.

– Вы зря теряете время, – говорит Ноль, вздыхая. Его голос эхом отдается в пространстве.

– Если ты так в этом уверен, то почему пытаешься нас остановить? – отвечаю я.

Он слегка склоняет голову набок, но потом игнорирует меня и обращает свое внимание на Хидео.

– Как иронично, – спрашивает он, – увидеть свое творение в руках кого-то другого, не так ли? Ты действительно думал, что оно всегда будет под твоим контролем?

Я буквально вижу, как его слова бьют Хидео в грудь. Он вздрагивает, но его глаза все еще прикованы к фигуре в доспехах, разговаривающей голосом его брата.

– Сасукэ, пожалуйста, – говорит он.

Ноль делает шаг к нам. Мир сотрясается от его движения.

– Ты ищешь того, кто больше не существует.

Хидео смотрит на него в отчаянном поиске.

– Может ты и не тот, кем был раньше, но ты все еще создан из моего брата. Ты знаешь мое имя и знаешь, кто сделал это с тобой. Мне нужно верить, что часть тебя помнит. – Его голос становится хриплым. – Парк, в котором мы играли. Игры, которые ты придумывал. Ты все еще помнишь синий шарф, что я подарил тебе, тот, который я обвязывал вокруг твоей шеи?

Поза Ноля напрягается, но когда он снова говорит, его голос не меняется.

– Это вызов?

Когда он это произносит, мир снова содрогается, а потом алые и сапфировые камни появляются всюду, повисая в воздухе словно шарики-бонусы, их поверхность отражает ландшафт вокруг них. Его роботы, окружающие нас, напрягаются, их лица повернуты в нашем направлении, словно готовы напасть.

По коже пробегает холодок. Здесь тоже видно руку Сасукэ – у Ноля нет причин играть с нами в эту игру. Но, кажется, его хватка слабеет, когда роботы Ноля продолжают прибывать.

Оглушительный рев раздается вокруг нас. Я смотрю на Хидео, который тоже приготовился, сжал кулаки. Под нашими ногами пол превратился в живое существо: бетонные плиты открываются и закрываются, как челюсти, и с каждым движением из них вырываются красные лучи.

Это иллюзия. Я напоминаю себе, как и каждый раз, когда захожу в мир Warcross, но сейчас это не совсем правда. Мы не просто в каком-то случайном виртуальном месте. Мы стоим внутри самого могущественного разума в мире.

Секунда непереносимой тишины.

А потом все роботы бросаются к нам на невероятной скорости.

Во мне просыпаются все инстинкты. Я тянусь к последней динамитной шашке и кидаю ее перед нами. Она взрывается, отбрасывая нападающих. Но за этими еще сотни. Тысячи. И все несутся к нам.

У нас нет шансов. Но я все равно быстро завязываю петлю на веревке кабельного гарпуна и бросаю ее Хидео. Он ловит ее, даже не глядя на меня. Подбрасывает в воздух, где лассо цепляется за уличный фонарь, а потом поднимает себя как раз в тот момент, когда роботы сжимают кольцо вокруг него.

Я несусь в противоположном направлении. Когда первый робот приближается и бросается на меня, я уворачиваюсь от его хватки и бегу к ближайшему зданию. Добираюсь до него, ставлю ногу на подоконник и карабкаюсь наверх, пока не попадаю на карниз второго этажа. Там у меня получается подтянуться и вылезти на навес.

Где меня ждет Ноль. Он бьет кулаком по одному из двух шестов, удерживающих навес. Шест разламывается на мелкие кусочки. Я теряю равновесие и лечу к земле, когда Ноль тянется к моему горлу.

Хидео появляется раньше, чем я успеваю его заметить. Он бросается на Ноля, когда тот приземляется и направляет кулак в его сторону, но легко уворачивается. Он использует алый камень против Хидео – свет вырывается из его руки. Хидео отлетает и ударяется спиной о стену.

Хидео подпрыгивает и бьет ногами в плечо брата. Это заставляет Ноля отпустит воротник Хидео. Он легко приземляется на ноги и снова бежит к Нолю. В его глазах та же ярость, которую я видела, когда он занимался боксом; когда впервые взглянул в глаза Тейлор.

Я бросаюсь к первому же бонусу, который могу найти. Это неоновая желтая сфера.

– Хидео! – кричу я. Он бросает на меня быстрый взгляд. И тут я выпускаю бонус.

Ослепляющий свет поглощает все пространство вокруг. Даже сквозь закрытые веки, мне хочется зажмуриться из-за яркости. Все вокруг нас омыто белым светом.

Ноль на секунду останавливается. Не думаю, что его может

ослепить что-то подобное, но, скорее всего, он реагирует на большое исчезновение данных – словно всё перед его глазами временно исчезло.

А потом свет гаснет так же быстро, как и появился. Хидео не упускает этот шанс. Он уже несется к Нолю. Ноль выбрасывает руку и хватает брата, но у Хидео есть преимущество, и он использует вес Ноля против него самого: склоняется и перебрасывает Ноля через себя.

Через долю секунды Ноль снова оказывается на ногах, перевернувшись и плавно подскочив. Он бежит к Хидео, хватает его за горло и прижимает к стене.

– Ты дурак, раз все еще пытаешься, – говорит Ноль, его низкий голос эхом раздается вокруг нас и в моей голове. Он кажется удивленным, но за этим скрывается кипящая ярость – нет, что-то другое – отчаяние. – Почему бы тебе не вернуться домой? У тебя есть все деньги мира теперь, разве нет? Забудь про это и позаботься о родителях.

Хидео держится за металлическую руку, сжатую на его шее и ничего не говорит. Он серьезно смотрит в непрозрачный черным шлем.

Я наставляю один из ножей на него и бросаю со всей силы.

Нож врезается в шлем и разбивает его.

Но Ноль просто исчезает и появляется в нескольких футах от нас. Он не кажется обеспокоенным.

– Для тебя так будет легче, – говорит он. – Ты же не хочешь причинить боль родителям? Твоя бедная мать, медленная и забывчивая. Твой отец, болезненный и хрупкий. Ты же не хочешь, чтобы им навредили?

И тут я понимаю, что это совсем не слова Ноля. Это слова Тейлор – я узнаю ее по дразнящим вопросам. Должно быть она когда-то говорила это Сасукэ, угрожая его семье, чтобы не дать сбежать.

Хидео смотрит на Ноля, сжав челюсти.

– Ты никому не навредишь, – огрызается он. – Потому что ты не настоящий.

Почему-то Хидео не теряет себя, как остальные: он все еще здесь, в сознании и готовности. Он прижимает Ноля к полу и бьет в лицо.

Ноль исчезает и появляется снова. Я бегу к нему и понимаю, что он может исчезать постоянно. Как мне добраться до него и пробиться сквозь доспехи, чтобы установить в него данные Сасукэ? Это невозможно. Я бросаю отчаянный взгляд на Хидео в тот момент, когда несколько роботов Ноля добираются до него. Крик бурлит в моем горле.

К моему удивлению, они обходят его, вообще его не касаются. Такое впечатление, что они позволяют Нолю разобраться с Хидео самому.

Но в смятении я подпускаю одного робота слишком близко к себе. Я реагирую недостаточно быстро. Он выбрасывает руку и хватает меня за запястье. Он такой холодный, словно сделан изо льда. За моей спиной раздается крик Хидео.

– Эмика!

Я разворачиваюсь, сжав зубы, и бью ногой в черный шлем. Мой ботинок пробивает стекло. Робот сразу же растворяется.

Я крепко сжимаю свое запястье. Холод прикосновения остается, прожигая меня до самого разума. Я качаю головой. Мир вокруг меня снова двигается, когда я бегу.

Я моргаю. Где я? Город был похож на пустой Токио, но внезапно я вижу пересекающиеся улицы, в которых узнаю Нью-Йорк. Теперь я прохожу по Таймс-сквер, только вот это совсем не Таймс-сквер – вообще нет огней и толп пешеходов на улицах. Рядом я замечаю Центральный парк.

В этом совсем нет смысла, думаю я, направляясь бегом к Нолю. Скорее всего Сасукэ никогда не был в Нью-Йорке. И планировка совершенно бессмысленная, ведь Центральный парк находится не рядом с Таймс-сквер.

Это мой дом – мои Воспоминания.

Мне становится плохо, когда я понимаю, что роботы Ноля попали в мой разум, точно так же, как это случилось с моими друзьями – ледяная хватка на запястье – и теперь он проникает в мой разум.

Я дико осматриваюсь в поисках Хидео, желая позвать его, но весь мир вокруг превратился в Нью-Йорк. В Центральном Парке я вижу фигуру. *Хидео. Ноль*. Я бросаюсь к ней.

Подойдя ближе, я резко останавливаюсь. Человек, идущий через парк, не Хидео или Ноль. Это мой отец.

– Папа, – шепчу я. Он здесь, я дома.

Я бегук его силуэту. Это он: его костюм идеально сидит, а волосы элегантно уложены после дневного концерта в Карнеги-холл. Он идет рядом с юной девочкой в легком платье, напевающей мелодию из концерта. Даже отсюда я слышу полный жизни напев, не попадающий в ноты и пение девочки. Я практически чувствую запах сладкого жареного арахиса, который он отдает ей, ощущаю бриз, колышащий листья вокруг них.

Где я была до этого? В какой-то незаконченной иллюзии города. Но это? Это настоящее, которое находится прямо здесь.

Где-то во мне включается предупреждение, пытаясь сказать, что здесь что-то не так. Но я отмахиваюсь от него и иду к папе и

маленькой себе. На дворе осень, так что листья плавно опускаются вниз. Папа все еще жив, он идет, держа меня за руку, через парк. Звук его громкого смеха так знаком мне, что я практически чувствую силу его радости. Я ускоряю шаг.

Но они так и не становятся ближе, как бы быстро я не шла. Я перехожу на бег, но такое впечатление, что мои конечности увязли в патоке. Маленькое предупреждение в голове продолжает звенеть. Это было очень давно, постепенно понимаю я – прогулка по парку, звук папиного смеха, запах жареного арахиса.

Не сейчас.

Слишком поздно я начинаю понимать, что случилось с остальными: воспоминания окружили, как только роботы-охранники Ноля коснулись их и попали в их разум. Это не настоящее, и я попала в ту же ловушку. Мое дыхание становится отрывистым. Я уже чувствую, что замираю в панике, что моим мыслям становится сложнее за что-то цепляться. Где-то вдалеке я слышу голос Хидео, зовущий меня.

Пройти весь этот путь и все это сделать лишь чтобы провалиться здесь, в конце, когда мы были так близко. Оставить этот пазл незаконченным, дверь – закрытой. Мой разум пробегается по другим вариантам, но голову начинает заполнять туман, и я вижу, как замедляюсь. Вместе с этим приходит странное ощущение отсутствия чувств.

Испытывал ли все это Сасукэ в последний день эксперимента? Когда он отдал свой последний вздох и разум. Чувствовал ли, что все человеческое в нем превратилось в данные?

Где-то впереди появляется фигура и приближается ко мне. Это Ноль, скрытый под своей броней, останавливается в футе от меня. Мгновение он изучает меня.

Ты только все усложнила для себя, говорит он.

Только. Все. Усложнила. Мой разум с трудом обрабатывает каждое слово. Теперь я стала частью алгоритма, объединилась с разумом Ноля и «НейроЛинка».

Объединилась с разумом Ноля.

Подождите. Искра освещает туман, просачивающийся в меня. Я думаю о том, что он сделал со всеми в мире, что он сделал с Эшером, Хэмми и Рошаном – он объединил их с алгоритмом, с «НейроЛинк», и это означает, что его разум стал единым со всеми этими данными. Когда он блокирует чье-то сознание, так это происходит потому, что он проник туда и взял контроль.

Но информация в «НейроЛинком», однажды сказал мне Хидео, может двигаться в обоих направлениях.

Во время нашей схватки Ноль намеренно избегал касаться

Хидео. Словно боялся это сделать. Возможно, он не хочет видеть, что там – эхо его детства, их отношений или счастливых воспоминаний, или их родителей и того, что случилось с ними после его исчезновения. Он боится впитать это, также как кто-то боится нажать на прикрепленный файл из-за страха скачать вирус.

Все становится на свои места. Ноль не знает, что у меня есть более старые версии Сасукэ в аккаунте. Если его разум войдет в мой, тогда он впитает и эти файлы в свои данные.

У меня немного времени – я быстро угасаю, словно медленно засыпаю. Я слабо ощущаю, что в настоящей жизни, опускаясь на пол убежища, то же самое я делаю и перед Нолем в виртуальном мире. Пол подо мной кажется холодным и металлическим. Собрав последние остатки сил, я достаю файлы о Сасукэ.

Они появляются передо мной, в этот раз не в виде куба данных, а синего шарфа.

Ноль напрягается. Теперь он видит все, происходящее в моей голове, а это означает, что он видит и шарф. Я выдавливаю улыбку. Он слишком поздно понял, что́ я загрузила в него.

Я беру шарф в руки, медленно поднимая их перед собой, словно я танцую глубоко под водой. И во сне я тянусь к Нолю. Я накидываю шарф ему на шею. И когда последняя частичка меня исчезает, я чувствую, как данные Сасукэ соединяются с разумом Ноля, становясь его частью.

Его лицо в шлеме – последнее, что я замечаю. Хотя я не вижу его выражения лица, я чувствую его злость через «НейроЛинк».

Вор.

Нет, отвечаю я последней мыслью. *Я охотник за головами.*

32

Ноль замирает, словно он всего лишь металлическая оболочка. У него вырывается странный вздох и впервые я понимаю, что раньше я не слышала, как он дышит. В этом вздохе я слышу не глубокий, насмешливый, бездушный голос Ноля, к которому привыкла, а голос ребенка.

– Ni-chan?

Брат? Перед моими глазами появляется перевод. И тут Хидео оказывается рядом со мной, на коленях, и я пытаюсь повернуть голову, чтобы взглянуть на него. Глаза Хидео прикованы к Нолю.

Он тоже услышал тот вздох. Намек на узнавание мерцает в его глазах.

– Сасукэ? – говорит он.

– Ты не похож на Хидео.

Голос принадлежит маленькому мальчику, его темные глаза прикованы к фигуре Хидео, склонившейся над теперь безжизненным роботом. Когда он появился? Ноля нигде не видно. Яркий синий шарф крепко обвязан вокруг шеи мальчика, и когда он делает несколько шагов вперед, я вижу цветное пластиковое яйцо, зажатое в его ручке.

Это юный Сасукэ, первая его стадия, *настоящая*.

По лицу Хидео пробегает дрожь при виде него. Он не отводит глаз от Сасукэ, пока его брат, колеблясь, двигается вперед. Он с сомнением смотрит на молодого человека, склонившегося перед ним.

– Сасукэ, – говорит Хидео. В его голосе появляется дрожь. – Эй, это я.

Но Сасукэ в сомнении склоняет голову, глядя на него. Кажется, он не понимает, что он плод данных, призрак Воспоминания, и Хидео тоже этого не понимает. Сейчас он здесь.

– Ты не похож на него, – снова говорит Сасукэ, хотя продолжает подходить ближе. – Мой брат лишь немного выше меня, и он был в белой куртке.

Я помню, в чем был Хидео в день исчезновения – на нем действительно была белая куртка. Теперь Хидео вытирает глаза и с губ срывается глухой смех. Его щеки мокрые.

– Ты помнишь, во что я был одет?

– Конечно. Я помню все.

– Да. – Снова раздается дрожащий смех Хидео, полный боли. – Конечно же.

– Если ты мой брат, то почему ты такой высокий?

Хидео улыбается, когда маленький мальчик наконец

останавливается перед ним.

– Потому что я искал тебя очень долго и в какой-то момент подрос.

Сасукэ моргает от этих слов, словно они запустили в нем какое-то воспоминание. Вот он снова меняется и внезапно больше не маленький мальчик, исчезнувший в парке, а старше и выше, возможно одиннадцати или двенадцати лет, таким я видела его в некоторых записях. На нем все еще шарф, но пухлые детские щечки исчезли. Он что-то ищет в глазах Хидео, стоя там и пытаясь понять происходящее.

– Я думал, что ты забыл обо мне, – говорит он. Его голос на этой промежуточной стадии, высокий, низкий и ломающийся, дрожащий. – Я ждал тебя, но ты не пришел за мной.

– Прости меня, Сасукэ-кун, – шепчет Хидео, словно сами эти слова пронзают его.

– Я пытался пойти к тебе, но они меня заперли. И теперь я не знаю, где я. – Он хмурит свое юное личико. – Я больше ничего не помню, Хидео. Это слишком тяжело.

Мне кажется, что мое собственное сердце разрывается, глядя на него. Он – функционирующий разум, навсегда замороженный в данных, и он не может вспомнить что-то как настоящий человек, или думать точно как он. Он – призрак, навсегда пойманный в ловушку замкнутых кругов, обреченный на существование в вечном «половинчатом» состоянии.

– Мы искали тебя повсюду, – говорит Хидео. Теперь он плачет по-настоящему и даже не вытирает слезы. – Я хотел бы… хотел бы, чтобы ты это знал.

Сасукэ наклоняет голову, глядя на Хидео, этот жест я так хорошо знаю. Он остался, даже когда его человечность забрали. Он протягивает руку и касается пальцами лба брата.

– У тебя те же глаза, – говорит он. – Ты все еще переживаешь.

Хидео склоняет голову, смеется сквозь слезы. Потом он тоже протягивает руки, притягивает младшего брата к себе и крепко обнимает.

– Прости, что потерял тебя, – шепчет он. – Прости за то, что они сделали с тобой. – Его голос надрывается снова и снова, пока он плачет. – Прости, что не смог спасти тебя.

Сасукэ крепко обнимает брата за шею. Он ничего не говорит. Возможно, он и не может, будучи данными. Он достиг границ того, что может делать.

Кажется, время замерло. Наконец, когда Сасукэ отстраняется, он снова меняется, в этот раз принимая форму подростка. Еще более высокий и долговязый. Под его глазами темные круги. На нем больше нет шарфа.

Но он узнает брата.

– Ni-san, – говорит он, вставая, глядя на склонившуюся перед ним фигуру. Хидео поднимается, чтобы встретиться с ним взглядом. – Ты создал «НейроЛинк» из-за меня.

– Все, что я когда-либо делал, было для тебя, – отвечает Хидео.

Если бы не исчезновение Сасукэ, «НейроЛинк» мог бы никогда не появиться. И если бы не «НейроЛинк», Сасукэ бы не стоял здесь, как призрак из машины. Странный замкнутый круг.

Юный Сасукэ снова исчезает и наконец на его месте стоит та единственная версия, которую я знаю: Ноль, одетый в черные доспехи с головы до пят, молчаливый и холодный. Он стоит над сломанным, бездушным роботом, с которым сражался Хидео.

Я дрожу при виде него. Возможно, мы и смогли объединить его с Сасукэ, но решения за него принимать не нам, а только ему самому. Я понятия не имею, что он сейчас сделает. Решит ли Сасукэ продолжать то, что так безжалостно преследовал Ноль? Бессмертие и контроль? Может, так и будет, и тогда это все станет бессмысленным.

– Что ты будешь делать? – спрашивает его Хидео тихим голосом.

Ноль отвечает не сразу. Теперь он колеблется, и в этих колебаниях я вижу разные версии его прошлой жизни, соединяющиеся в нем, заполняющие ту часть колодца, которая была опустошенной такое долгое время. Кажется, он больше не знает, чего хочет.

– Если у меня не будет физической формы, – наконец произносит он, – буду ли я все еще настоящим?

Пока я продолжаю наблюдать, происходит что-то странное. Передо мной появляется отец в такой знакомой черной одежде и начищенных ботинках, с пестрыми татуировками. Его волосы мерцают на свету.

Конечно же, это не он. «НейроЛинк» каким-то образом создал эту галлюцинацию, используя кусочки Воспоминаний, оставшиеся у меня.

Но сейчас он смотрит на меня, одаривая той чудаковатой улыбкой, которую я так хорошо помню. Такое впечатление, что он действительно здесь, словно вообще не умирал.

– Привет, Эми, – говорит он.

Привет, папа.

Глаза застилают слезы, настоящие слезы, я чувствую, как они текут по лицу.

Его улыбка становится мягче.

– Я так горжусь тобой.

Это не его настоящие слова. Это слова – симуляция, созданная системой, собирающей вместе то, что она знает о моем отце, чтобы создать этот призрак. Но мне все равно. Я не задумываюсь над этим. Я лишь сосредотачиваюсь на его фигуре, стоящей передо мной. Отец небрежно засунул руки в карманы, словно вообще никогда никуда не уходил. Возможно, если я выйду отсюда, он пойдет со мной, и все станет так, словно он всегда был здесь.

– Обещаю, что буду скучать по тебе вечно, – шепчу я.

– Обещаю, что буду скучать по тебе вечно, – эхом отвечает он. Возможно, система способна только на это.

Он держится на расстоянии от меня, а я – от него. И прежде, чем я успеваю что-то сказать, прежде чем успеваю спросить, останется ли он, он исчезает. В мгновение ока.

Если вы бы раньше спросили меня, может ли виртуальная реальность проникнуть в реальность, я бы покачала головой и не согласиласьы. Для меня очевидно, что настоящее и что нет, что должно быть и чего не должно.

Но существует точка, где границы начинают размываться, и сейчас я стою в том самом месте, пытаясь что-то увидеть в сером свете. Возможно, вот здесь сбилась с пути и Тейлор, когда искала что-то благородное и оказалась во тьме.

Настоящее. Мой отец был настоящим, как был и Сасукэ, как и есть Сасукэ сейчас, хотя у него нет физической формы. Он настоящий из-за того, как Хидео смотрит на него, потому что его любили и по нему скорбели, потому что он любил и скорбел по другим.

– Ты однажды спросил меня, чего бы я пожелал, если бы мог попросить что угодно, – наконец говорит Ноль брату. – Ты это помнишь?

Хидео кивает.

– Я пожелал бы, чтобы ты вернулся.

Он замолкает, чтобы глянуть на меня, прежде чем посмотреть на Хидео.

– Нет, это не так, – отвечает он. – Мир уже изменился из-за прошлого. Убедись, что он изменился к лучшему.

– Увижу ли я тебя снова? – спрашивает его Хидео. Сейчас он снова тот убитый горем мальчик, который вырос с серебряной прядью в волосах.

И вот тогда я понимаю, что в конце концов, мы все бы пожелали одного.

Еще немного времени.

Сасукэ снова меняется. Непрозрачный черный шлем, скрывающий его, опускается, пластина за пластиной, и открывает

его лицо – то же лицо, что я видела, когда впервые присоединилась к «Черным Плащам». Это словно смотреть на Хидео в зеркале и видеть, каким мог стать Сасукэ. Он долгое время смотрит на брата.

Я задерживаю дыхание, гадая, что он теперь выберет.

Он поднимает руку. Мир вокруг нас разрушается, здания, небо и парк превращаются в цифры и данные. Код стирается.

Я выдыхаю. Внезапно мое тело снова принадлежит мне и ледяное онемение, поглотившее разум, исчезает.

Сасукэ решил разрушить то, что строил Ноль.

А потом наконец и он исчезает. Хидео движется вперед, словно каким-то образом может удержать брата здесь, но Сасукэ не появляется вновь. Виртуальный мир вокруг нас – темное небо и разрушенный, незаконченный город – тоже исчезают, и мгновение спустя мы возвращаемся в убежище, одни.

Каждый дюйм моего тела кажется живым и болит. Просыпается ли остальной мир, держатся ли Хэмми, Эшер и Рошан за головы и стонут? Может, они и не вспомнят, что все это случилось. Произошедшее уже кажется не реальностью, а ночным кошмаром.

Я делаю долгий вздох. Мои конечности снова принадлежат мне и покалывание пробегает по телу, словно я просто спала на руках и ногах слишком долго. Виртуальный мир полностью исчез, оставив меня с чувством потери ориентации в пространстве настоящего мира. Возле меня Хидео все еще облокачиваются о стену, его лицо бледное и мокрое от слез.

Я подползаю к нему и касаюсь его лица:

– Эй, – шепчу я.

Он слабо поворачивается ко мне. Теперь, когда вся его энергия потрачена и всё, что мы собирались сделать, сделано, он склонился под невыносимым грузом. Его взгляд прыгает между одним состоянием сознания и другим.

– Ты здесь, – выдыхает он, а потом закрывает глаза в усталом облегчении.

– Хидео, – говорю я, держа в руках его лицо, но он ускользает, его дыхание замедляется.

Громкий стук в дверь заставляет меня резко поднять голову и посмотреть в ее направлении. Сквозь слезы я вижу, как дверь в убежище наконец открывается, впуская поток искусственного света.

Моя рука мгновенно подлетает к лицу, чтобы защитить глаза. Здание снова подключили к электричеству.

Внутрь проникают фигуры в черном. Сначала я думаю, что это охрана Ноля, может, все еще под каким-то влиянием, но

потом замечаю значки на их рукавах. Это совсем не охрана Ноля, а полиция, освободившаяся от хватки алгоритма. Должно быть, здесь их десятки. Их крики оглушают. Я даже не могу посчитать, сколько пистолетов поднято и направлено на нас, пока нас не покрывает полотно из красных точек.

– Он ранен! – слышу я свой крик, мой голос хриплый, слезы все еще текут по моему лицу. – Осторожно, он ранен!

Полиция окружает его безжизненную фигуру и я вижу, как в тумане, что парамедики проверяют пульс Хидео. Офицеры ставят меня на колени и застегивают наручники за спиной. Я не протестую – просто смотрю, как тело Хидео кладут на пол, а потом поднимают, и он исчезает в ослепляющем свете вне убежища. Мои конечности кажутся онемевшими, когда меня ставят на ноги и выводят в коридор. Я замечаю девушку с серебряными волосами, ее серые глаза смотрят на меня. А потом Джэкс исчезает, и я не уверена, привиделась ли мне она или нет.

Полиция повсюду, их глаза живые, их движения и мысли принадлежат им. Мои мысли принадлежат мне. И хотя все со мной разговаривают, кричат вопросы мне в лицо, я слышу лишь то, что звенит в моей голове.

У нас получилось.

Я цепляюсь за эту мысль, пока меня ведут по коридору и выводят из здания. На данный момент этой мысли достаточно, главное, что она моя.

Тиёда
Токио, Япония

33

Отпечатки пальцев.

Допросы.

Куча новостных камер.

Я провожу следующие несколько недель в тумане активности, словно живу в другой реальности. Новости – что Хидео использовал «НейроЛинк», чтобы контролировать разум и волю, менять взгляды и мешать людям делать то, что они хотят – захватили мир, словно шторм. В выпусках показывают записи, как полиция уводит Хидео, все еще хромающего после раны в боку, в наручниках. Желтая пресса печатает на обложках журналов мужественное лицо Хидео, когда он выходит из зала суда. Тысячи сайтов демонстрируют скриншоты палитры разумов, которые создал и контролировал алгоритм, данных, собранных Henka Games для изучения преступников и обычных людей.

Кенна тоже арестовали вместе с Мари Накамура. «НейроЛинк» закрыт, пока власти обыскивают каждый уголок Henka Games. СМИ пытаются связаться со мной каждый день, чтобы собрать по частям этот громоздкий пазл. Но я не разговариваю ни с кем. Даю показания только полиции.

Кажется странным жить в мире, где больше недоступен «НейроЛинк». Это означает, что больше нет виртуальных слоев, красочных иконок или виртуальных лиц, никаких символов, парящих над зданиями, и золотых линий, рисующих на земле путь. Все стало суровым, серым и в то же время более осязаемым.

И все же…

Несмотря на все недостатки «НейроЛинка», мне грустно без него. Хидео создал то, что изменило жизни нас всех, зачастую к лучшему. Это было творение, которое, скорее всего, спасло мне жизнь. И все же я здесь.

Может, я и должна чувствовать себя героем, но это не так. Всегда легче разрушать, чем создавать.

* * *

Лето в самом разгаре в день, когда я наконец выхожу из машины перед Верховным судом Японии.

Это внушительное сооружение из прямоугольных бетонных блоков. Последние несколько недель территория перед его входами забита толпами зевак, желающими увидеть кого-нибудь знакомого. В воздухе повисла влажность. Когда я выхожу из

машины, камеры начинают сходить с ума. Я держусь спокойно, на моих глазах солнцезащитные очки.

Я сегодня в суде только по одной причине: услышать показания Джэкс.

Внутри здание просторное, его тишину нарушает лишь напряженное жужжание голосов. Я молча сижу в передней части главного зала. Странно находиться в таком организованном месте после всего того, что случилось. Здесь заседают судьи Верховного суда в черных мантиях, их пятнадцать человек. Здесь есть аудитория – присутственный зал для послов и представителей практически всех государств мира. Здесь есть я. Несколько людей из Henka Games. В том числе Дивия Капур, новый исполнительный директор компании. Совет директоров не терял времени зря и назначил нового лидера.

Я сажусь рядом с Тримейном. Он все еще поправляется после ранения, и его голова забинтована, но взгляд такой же пронзительный, как всегда. Мы не обмениваемся ни словом. Мы и так уже все знаем.

Наблюдаем, как выводят девушку в наручниках с короткими серебряными волосами. Сегодня ее губы розовые, а не темные, и на ее поясе нет пистолета, за который бы она могла держаться, поэтому она просто сцепляет руки вместе. Она не смотрит на нас. Вместо этого ее взгляд перемещается туда, где сидит с Хидео со своими адвокатами.

Я тоже смотрю на него. Может, сегодня он и в наручниках, но на нем безупречный костюм – если бы мы не были в Верховном суде, рассматривающем дело о его преступлении, я бы подумала, что он стоит в своей штаб-квартире или поднимает бокал в честь мира. Его секреты спрятаны в его глазах.

Но сегодня Хидео сидит молча. Джэкс будет давать показания против него и откроет все, что «Черные Плащи» знали об алгоритме и что сделало его их целью.

Эта мысль заставляет меня оторвать от него взгляд. Всю свою жизнь я пыталась что-то исправить, но теперь, когда мы наконец здесь, когда правосудие восторжествует, я внезапно чувствую, что ничего не исправила. Все это не кажется правильным. Тейлор, из-за которой все это случилось, уже мертва. Джэкс, никогда не знавшая другой жизни, отправится в тюрьму за убийства, к которым ее готовили с самого детства. Ноль – последнее, что осталось от Сасукэ, украденного мальчика, – исчез. Я разрушила «НейроЛинк», эпицентр современного общества, краеугольный камень всей моей юности.

И Хидео, мальчик, ставший самым могущественным человеком в мире ради брата, которого у него забрали, который

делал неправильные вещи по правильным причинам, сидит теперь здесь, готовый встретиться с судьбой.

Начинается допрос. Джэкс отвечает спокойным голосом, когда на нее начинают сыпаться вопросы.

Была ли Дана Тейлор вашей приемной матерью? Сколько лет вам было, когда она вас удочерила?

Какие у вас были отношения с Сасукэ Танака?

Как часто он говорил о Хидео Танака?

Даже сейчас она остается спокойной. Думаю, после всего, через что она прошла, суд кажется практически скучным.

Наконец один из судей спрашивает о Хидео.

Что собирался Хидео сделать с помощью «НейроЛинка»?

Джэкс и Хидео смотрят друг на друга. Такое впечатление, что между ними повис призрак Сасукэ, мальчика, который перевернул их жизни. Слова, которые Джэкс отчаянно кричала нам во время побега в институте, снова всплывают в моей голове. Не могу сказать, что она испытывает прямо сейчас, в этой обстановке, ненависть ли это, ярость или сожаление.

– Алгоритм Хидео никогда не предназначался для контроля населения, – говорит Джэкс. Ее голос эхом раздается по залу суда.

Присутствующие начинают шептаться. Я удивленно моргаю, обмениваясь взглядом с Тримейном, чтобы убедиться, что я все расслышала правильно. Но он выглядит таким же озадаченным, как и я.

– Это «Черные Плащи» хотели использовать «НейроЛинк» во зло, – продолжает Джэкс, – превратить его в машину, способную причинять людям вред, направить их против себя самих или других. Это всегда было целью «Черных Плащей», и Тейлор во что бы то ни было хотела удостовериться, что мы доведем это до конца. Вы уже слышали, что она сделала со мной и с Сасукэ Танака. – Она колеблется, а потом решительно заявляет: – Хидео Танака использовал алгоритм, чтобы найти пропавшего брата.

Я сижу как в тумане, едва в силах понять, что слышу. Джэкс здесь не чтобы убедиться, что Хидео накажут за неспособность защитить брата. Она здесь, чтобы защитить Хидео своими показаниями против «Черных Плащей».

– И его намерения всегда были такими? – теперь спрашивают судьи.

– Да, Ваша честь.

– Он никогда не делал ничего с помощью алгоритма против всего населения с намерением навредить?

– Нет, Ваша Честь.

– Тогда в какой именно момент алгоритм стал инструментом зла?

– Когда «Черные Плащи» украли его у Хидео и установили в его систему коды взлома.

– И вы можете назвать всех «Черных Плащей», напрямую несущих ответственность за этот план? – спрашивает один из судей.

Джэкс кивает. Мы с Тримейном слушаем в изумленном молчании, как она начинает перечислять имена. Все до единого.

Тейлор.

Лаборанты инновационного института, которые знали о ее проектах.

Рабочие, помогавшие Тейлор проводить эксперименты, которые забрали Джэкс и Сасукэ и украли их жизни.

Другие «Черные Плащи», разбросанные по всему миру, – хакеры, наемники, каждый, с которым она когда-либо работала на Тейлор.

Она называет всех.

У меня кружится голова. Я снова смотрю на Джэкс. Хоть Сасукэ здесь нет, я чувствую его присутствие в этой комнате, словно исчезнувший мальчик наконец обрел в Джэкс голос, чтобы рассказать свою историю.

> После неожиданного решения, принятого Верховным судом Японии сегодня, с Хидео Танака, основателя Henka Games, были сняты все обвинения в преступном сговоре и совершении преступления особой тяжести, караемого смертной казнью. Он был обвинен в убийстве второй степени доктора Даны Тейлор, а также нелегальном использовании своего создания «НейроЛинк» в расследовании исчезновения брата. Местные власти нагрянули с проверкой в Японский инновационный институт технологий, но обнаружить вещественные доказательства, фигурирующие в свидетельских показаниях, так и не удалось. Среди них доспехи, детально описанные свидетелями Эмикой Чен и Джэксон Тейлор.
>
> *THE TOKYO DIGEST*

34

Прошло две недели с вынесения приговора Хидео.

Они казались вечностью теперь, когда «НейроЛинк» больше не функционирует. Люди просыпаются и входят в интернет, так как делали раньше, до того, как очки Хидео покорили мир. Больше нет виртуальных схем, когда мне нужно получить направление, нет переводов слов людей, которых я не понимаю. В нашей жизни пропало то, что сложно описать. Но, кажется, люди теперь лучше видят мир.

Когда начинают опускаться сумерки, я пускаюсь в путь на своем электрическом скейтборде, чтобы найти Эшера, Рошана и Хэмми. Без «НейроЛинка» я полагаюсь на старомодное обмундирование – толстовки, кепки и темные очки. Миллионы журналистов пытаются выследить меня. Если бы я была поумнее, то взяла бы машину.

Но я все равно становлюсь на борд и направляюсь в город. Чувствую, что здесь мое место. Подставив лицо ветру, наслаждаюсь движением, мое чувство равновесия отточено за годы одиноких путешествий по запруженным городским улицам. Вокруг меня поднимается Токио, поезда бегут по мостам, а небоскребы возвышаются в облака, храмы тихо прячутся между шумящими районами. Я улыбаюсь, когда все это проносится мимо меня. Может, мое время в Токио и приближается к концу, но я не знаю, куда хочу дальше отправиться. Через несколько головокружительных месяцев это место стало казаться домом.

К счастью, меня никто не останавливает, когда я добираюсь до сада, спрятанного глубоко в тихом районе в Меджиро. Здесь всего пара людей и никаких любопытных глаз. Я спрыгиваю с доски, закидываю ее на плечо и смотрю на элегантный вход в простой белой стене, омытой розовым светом заката. А потом я захожу.

Это красиво обустроенное место, огромный пруд с декоративными карпами окружен аккуратно подстриженными деревьями и круглыми камнями, арками мостов и текущими водопадами. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, погружаясь в запах ели и цветов.

До меня доносится голос.

Маленькая пагода находится на другом конце сада, и возле ее колонн ждут Рошан, Хэмми и Эшер с бутылками содовой в руках. Они машут мне. Моя улыбка становится шире, и я направляюсь к ним. Я ускоряю шаг, подхожу к ним и резко останавливаюсь.

– Привет, – говорю я Рошану.

Он улыбается в ответ.

– Привет.

И тут мои друзья по команде стискивают меня в объятиях.

Я прижимаюсь к ним, не произнося ни слова. После всего, что случилось, когда моя жизнь перевернулась, это лучшее.

Несколько минут спустя мы вчетвером сидим в ряд на каменном пороге пагоды, с которой открывается вид на пруд с карпами, наши ноги свисают над водой. Солнце уже полностью село, разбавив оранжевое и золотое небо мягкими оттенками фиолетового и розового.

– Вот и все, – говорит Эшер, первым нарушая тишину. Он бросает взгляд на то место в нескольких футах от нас, где припарковал свою коляску. – Больше не будет турниров Warcross. Не будет «НейроЛинка».

Он пытается произнести это спокойно, но его голос обрывается и затихает.

– Что ты теперь будешь делать? – спрашиваю я его.

Он пожимает плечами.

– Думаю, мы все заключим договоры с кинокомпаниями, будем давать интервью и сниматься в документалках. – Он, кажется, не в восторге от этого.

Рошан отклоняется назад и проводит рукой по темным кудрям.

– Я возвращаюсь в Лондон, – говорит он таким же удрученным голосом. – Хорошо будет снова увидеть семью, спокойно провести время вместе с ними, а потом попытаться понять, чем буду теперь заниматься.

– Но Тримейн же едет с тобой, как я слышала, – добавляет Хэмми, пихая его достаточно сильно, чтобы он потерял равновесие.

Легкая улыбка расцветает на губах Рошана. Он пытается спрятать ее, глядя на пруд.

– Ничто еще не решено, – говорит он, но Хэмми лишь шире улыбается и тыкает его в ребра.

Он стонет. Мы смеемся.

Хэмми наклоняется вперед, чтобы рассмотреть карпов, плавающих под нами.

– Я возвращаюсь в Хьюстон, – говорит она. – И к жизни до Warcross.

Эшер толкает ее.

– И? – добавляет он.

Она робко подмигивает ему.

– И частым поездкам в Лос-Анджелес. Без причин.

Он улыбается ее словам.

Жизнь до Warcross. Я представляю маленькую квартиру, в которой я жила с Кирой в Нью-Йорке, ежедневную борьбу. Большинство охотников за головами лишатся работы теперь: больше не нужно охотиться на людей, нелегально играющих в Warcross или заходящих в «Темный мир». Всегда будут преступники, но они вернутся к работе с обычным интернетом. И в настоящей жизни.

Что теперь буду делать я? Вернусь в Нью-Йорк? Как мне вернуться к нормальной жизни? Я представляю, как подаю документы в колледж, прохожу собеседование на работу, сижу в офисе. Представлять это странно и сюрреалистично.

– Warcross не был тем, чем мы все являемся, – говорю я, в основном самой себе.

– Нет, – соглашается Рошан. Затем следует долгая пауза. – Это то, что мы сделали.

И конечно же он прав. Он был бы ничем без них – нас – делающих его особенным. Без нас он действительно был бы просто игрой.

– Это не изменится, – отвечает Рошан, обводя рукой всех нас. – Вы же понимаете, да? Мы теперь связаны навсегда.

Он поднимает свою стеклянную бутылку, предлагая тост. Хэмми присоединяется к нему, а потом и Эшер. Я тоже поднимаю бутылку.

– За настоящих друзей.

– За поддержку друг друга.

– За то, что будем держаться вместе, какой бы апокалипсис не наступил.

– За нашу команду.

Мы чокаемся. Звук раздается по саду, а потом уносится в небо.

* * *

Когда я ночью добираюсь до отеля, на ночном столике меня ожидает записка. Я смотрю на нее секунду, прежде чем поднять и поднести к свету. Это телефонный номер, оставленный мне консьержем отеля, и просьба позвонить.

Я снова проверяю свой телефон. В суде, будучи в компании друзей, я вообще на него не смотрела. Теперь понимаю, что пропустила несколько звонков с того же номера. Я набираю его, подхожу к окну и подношу телефон к уху.

На другом конце провода отвечает женский голос.

– Мисс Чен? – говорит она.

– Кто это? – отвечаю я.

– Я – Дивия Капур, новый исполнительный директор Henka Games.

Я выпрямляюсь. Это женщина, которую я видела в Верховном суде.

– Да?

На другом конце повисает краткая смущенная пауза.

– Мисс Чен, от имени Henka Games я бы хотела принести вам извинения за все, что случилось. Как вы знаете, о действиях Хидео не было известно никому в студии, и я шокирована, как и весь мир, этими обвинениями. Благодаря вашей помощи мы избежали полной катастрофы. Мы вам многим обязаны.

Я молча слушаю ее. Не так давно я входила в офис Henka Games, чувствуя себя полным изгоем.

– Вы позвонили мне только чтобы принести извинения Henka Games? – говорю я, а потом сразу же кривлюсь. Я не хотела, чтобы слова прозвучали так обвинительно. Думаю, некоторые вещи не меняются.

– Есть еще кое-что, – добавляет Дивия. Она снова колеблется, прежде чем продолжить. – Мы в процессе удаления всех ошибок в «НейроЛинке». Но хотим найти способ отстроить его заново.

Отстроить его.

– Слишком много всего зависит от «НейроЛинка», – продолжает она. – Полное отключение не просто вариант, которого не вынесет глобальная экономика, но это так же невозможно. Такие технологии просто так не исчезают, даже после того, что случилось. Кто-то другой воссоздаст их.

Я сглатываю и слушаю, как она описывает разные вещи, привязанные к системе. В одном только Токио, рухнули тысячи компаний, вращающихся вокруг «НейроЛинка». Компании, которые создавали и продавали виртуальные продукты. Образовательные услуги. Университеты. И это не включая компании, связанные с самими играми Warcross, которые исчезли без «НейроЛинк». Но это даже не самое главное в словах Дивии.

Раз созданная технология не может быть уничтожена. То, что построил Хидео, продолжит существовать. Кто-то другой изобретет новую виртуальную и дополненную реальность, которая сможет делать то же самое, что и изначальный «НейроЛинк». Может, даже перейдет его границы. Кто-то заполнит дыру, оставленную «НейроЛинком».

Вопрос только «кто». И что они с ней сделают.

– Нам нужно перестроить систему, но как вы знаете, мы не можем построить ее такой же, какой она была раньше. Теперь это будет сделано под надзором государств и людей, в открытую.

Будет сделано честно.

– И как это связано со мной? – спрашиваю я.

Дивия делает глубокий вздох.

– Я звоню вам, чтобы узнать, заинтересованы ли вы в том, чтобы помочь создать нам команду. Мы хотим обратить внимания на недостатки, убрать недочеты и сделать из этого что-то лучшее. И вы… ну, вы причина, по которой мы в первую очередь узнали об этих недостатках.

Отстроить «НейроЛинк». Отстроить Warcross.

Моей целью было остановить Хидео, а это означало остановить «НейроЛинк». Моя жизнь изменилась и перевернулась из-за Warcross, и я только что попрощалась с товарищами по команде, приготовилась к возвращению в Америку, не имея понятия, что делать дальше.

Но моей второй мыслью было…

Даже если в системе есть изъяны, это не значит, что она не достойна существования. Возможности этого инструмента, как и любых других, зависят от тех, кто его использует. Он изменил к лучшему миллионы жизней. И может, сейчас с правильными людьми и пониманием, которое приходит с опытом, мы сможем сделать «НейроЛинк» лучше.

У каждой проблемы есть решение. Но после каждого решения появляется новая проблема, какой-то новый вызов, который нужно принять. Вы не останавливаетесь, решив одну задачу. Вы продолжаете, находите новый путь и новый способ, пытаетесь сделать лучше, создать что-то новое. Разрушение чего-то – не конечная цель; скорее создание чего-то великого или хорошего, чего-то правильного. Ты чего-то достигаешь, а потом двигаешься дальше, готовый решать следующую задачу. Ты разбираешься с одной проблемой за другой, пока не изменишь мир.

До этого момента цели моей жизни были ограниченными: остановить то, что неправильно. Теперь мне дают шанс участвовать в другом аспекте исправления неправильного: шансе что-то создать.

После моей затянувшейся паузы Дивия тактично покашливает:

– Ну, – в ее голосе все еще звучит извинение и почтительность, – я дам вам время подумать. Если вас заинтересует предложение, сразу же звоните напрямую мне. Мы готовы без промедления взяться вместе с вами за дело. Но если вы не готовы, мы тоже поймем. Вы сделали больше, чем кто-либо должен был.

Мы коротко прощаемся. Потом она кладет трубку, а я остаюсь в комнате, прижав телефон к себе, и смотрю на ночной пейзаж за

окном.

Мой телефон снова звонит. Я смотрю на входящий вызов.

Тогда я включаю динамик и знакомый голос заполняет пространство. Когда-то этого голос наполнял меня страхом. Но не теперь.

– Ну, – говорит Ноль. – Что ты ответишь?

Я слегка улыбаюсь.

– Ты все это подслушивал?

– Я повсюду в сети, – отвечает он. – Мне сложно не слышать телефонные разговоры.

– Знаю. Тебе просто нужно научиться определять границы.

– Ты все равно рада, что я его услышал, – говорит он. – Я слышу это по твоему голосу.

Он кажется таким же, как и обычно, но в его словах теперь есть что-то человечное. Та часть его, нетронутая благодаря разуму Сасукэ.

После того, как полиция устроила облаву на институт и нас с Хидео забрали из убежища; когда пропал костюм Ноля и новости сообщили об этом, в интернете стали ходить слухи, что в аккаунтах людей появлялась фигура в доспехах. Что кто-то оставлял везде, куда бы ни пошел, зашифрованные маркеры с нолями в подписи. Что Джэкс, когда ей дают телефон или компьютер, болтает с кем-то, кого не существует.

Конечно же никаких доказательств нет. Большинство думает, что это проделки шутников в интернете и неопытных хакеров.

Но я знаю. В виде данных, информации, бегущей по проводам и электричеству, Ноль – Сасукэ – продолжает жить.

– Перестань анализировать меня, – отвечаю я.

– Я не анализирую. – Он делает паузу. – Ты знаешь, что я поддержу тебя, если ты решишь присоединиться к ней.

– Мне поддержка может понадобиться.

– Ну? – Это часть разума, принадлежащая Сасукэ, яркая, любопытная и добрая. – Так что ты ей тогда ответишь?

Я улыбаюсь. Улыбка становится все шире. Я открываю рот и уверенно отвечаю.

– Я в игре.

35

Главный вход в штаб-квартиру полиции «Токио Метрополитан Полис» этим утром, как и в течение многих недель, окружен толпами людей. Когда подъезжает моя машина, люди поворачиваются и начинают собираться вокруг нее, их камеры и внимание прикованы теперь ко мне. Я смотрю на море лиц. Они все еще здесь, потому что сегодня Хидео увезут из этого места для начала исполнения приговора.

Все собрались здесь, надеясь услышать какие-нибудь новости. Пока не было никаких официальных объявлений по поводу его приговора.

В мою сторону суют микрофоны, когда открывается дверь машины, а воздух наполняют крики. Я наклоняю голову, а телохранители расталкивают толпы, чтобы я могла пройти. Я не поднимаю глаз, пока не попадаю внутрь здания. Там я быстро киваю офицеру полиции и следую за ним к лифту.

Какая-то женщина приветствует меня у выхода из лифта.

– Чен-сан, – говорит она, низко кланяясь мне в приветствии. Я возвращаю этот жест. – Пожалуйста, следуйте за мной. Мы вас ждали.

Она ведет меня по коридору в комнату с длинным стеклянным окном, где проводятся допросы. Вдоль стены стоит полдюжины полицейских, их суровые лица смотрят вперед. Такое впечатление, что они охраняют самого опасного преступника в мире. Может они и правы – через окно я вижу знакомую фигуру, одиноко сидящую за столом в ожидании. Это Хидео.

Они склоняют головы, увидев меня, а потом открывают дверь, чтобы впустить. Когда я захожу, он поднимает взгляд и слегка улыбается, из-за чего по телу пробегает волна тепла.

Я не понимала, как сильно скучаю по нему.

Комната маленькая и простая. На одной стене стеклянное окно, которое я видела снаружи, а на другой огромный черный экран от потолка до пола. В центре комнаты стол с двумя стульями. Хидео сидит на одном из них.

– Привет, – говорю я, садясь напротив него.

– Привет, – отвечает он.

Все в этом моменте должно напоминать мне, как я встретилась с ним в Henka Games, будучи маленькой охотницей за головами, нервной и неуклюжей. Хидео выглядит так же безупречно, как всегда; я сижу напротив него и гадаю, о чем он думает.

Однако в этот раз серебряные наручники сковывают руки

Хидео. Его рана в боку все еще не затянулась и под идеально сидящей рубашкой я вижу намек на бинты, обмотанные вокруг его талии. Я больше не одета в порванные джинсы и черную толстовку – теперь на мне строгий, сшитый на заказ костюм. Хэмми помогла мне убрать волосы в высокий пучок. Это зеркальное отражение нашей первой встречи.

Есть и другие важные различия. Он выглядит усталым, но глаза живые, его выражение лица более открытое, чем когда-либо.

Мы что-то ищем в глазах друг друга. Он замечает изменения в моем внешнем виде, но не комментирует их. Вместо этого он говорит:

– Не думал, что ты придешь повидать меня.

– Почему это?

Он слабо улыбается, удивленно и смущенно.

– Думал, ты уже направляешься назад в Штаты.

По словам понятно, что он сломлен, и мне становится грустно. Я вспоминаю, как он повернул ко мне лицо в убежище, что он пробормотал, когда думал, что произносит последние слова. Думаю о том, как он обнимал младшего брата, говорил сквозь слезы. *Прости, что не смог спасти тебя.*

Теперь, после всего того, через что мы прошли, он сомневается, что мы сможем найти путь назад к нашему началу. Он готов к наказанию.

Я вздыхаю:

– Ты сегодня отправляешься домой?

Он кивает. Может быть, технически Хидео и получил тюремный срок, но полиция не может удерживать кого-то его статуса в обычном исправительном учреждении из-за всего внимания и беспорядка, которые это вызовет. Как и другие выдающиеся люди этого мира, он будет отбывать приговор под домашним арестом, с небольшой армией полиции вокруг его имущества и государством, внимательно следящим за тем, что он делает.

Хидео качает головой и мгновение просто смотрит на стеклянное окно, погрузившись в мысли. Мне не нужно ничего говорить, чтобы понять, что он думает о брате.

– Мы никогда не были идеальной парой, не так ли? Нет такого варианта развития нашей истории, который изначально не был бы обречен. Если бы мне снова пришлось это все сделать, я снова преследовала бы тебя, Хидео.

– Знаю.

Я мгновение молчу.

– Это не означает, что у меня не осталось к тебе чувств.

Он поворачивается и внимательно смотрит на меня, а я лишь

могу думать о том, каким был бы мир, если бы Тейлор никогда не заинтересовалась его братом. Если бы мой отец не умер молодым и я не нуждалась так отчаянно в деньгах. Как эта цепочка событий привела меня сюда, где я теперь сижу напротив Хидео, наши роли поменялись, а вопрос “если” повис в воздухе?

– Мне жаль, Эмика, – говорит он. – Действительно. – И боль в его глазах, дрожь, которую он пытается скрыть, говорят мне, что он искренен.

Я делаю глубокий вздох.

– Миз Капур позвонила мне. Новый исполнительный директор Henka Games. Они собираются отстроить «НейроЛинк» и пригласили меня. Я приняла приглашение.

Сначала я не могу понять, что чувствует Хидео по поводу этих новостей. Удивление? Смирение? Возможно, он всегда знал, что «НейроЛинк» не может умереть полностью, что в конце концов кто-то снова возьмет на себя управление им. Но я не уверена, что он испытывает насчет того, что этот кто-то – я.

Но теперь он смотрит на меня.

– Она разумно поступила, выбрав тебя. Ты знаешь о нем столько же, сколько любые люди, когда-либо работавшие над разработкой системы.

– Мне дали задание создать команду, чтобы помочь отстроить «НейроЛинк».

– Ты уже выбрала эту команду?

– Я пришла сюда сегодня не только, чтобы повидать тебя.

Молчание. Он скептически вскидывает бровь.

Я молча киваю.

– Эмика, меня приговорили за то, что я сделал. Ты сама охотилась на меня.

– Это не значит, что я не думаю, что ты создал что-то выдающееся. – Я наклоняюсь вперед над столом, бросаю взгляд на черный экран, занимающий всю стену. – Включите записи.

Когда Хидео поворачивается, экран включается.

Это подборка видео, новостей и воспоминаний прошлых лет.

Тут кусочек о старой женщине, оказавшейся в ловушке не реагирующего ни на что тела, которая смогла связываться с семьей благодаря «НейроЛинку». Интервью, в котором журналист отправляется на разрушенную войной границу, где молодые беженцы используют очки, чтобы продолжать обучение в школе или говорить с родственниками, с которыми их разделили. Детская больница, которую однажды посещал Хидео, где коридоры, по которым ходят дети, это не просто белые помещения: они выглядят, как фантастические миры, комнаты наполнены волшебными созданиями, заставляющими их

смеяться. Пациенты с синдромом Альцгеймера могут положиться на запись их памяти «НейроЛинком». Люди, оказавшиеся в ловушке горящего здания, смогли воспользоваться сеткой «НейроЛинк», чтобы найти путь спасения. Эти видео бесконечны.

Хидео смотрит их, не произнося ни слова. Возможно, на его плечах всегда будет груз, вина из-за того, что он сделал не так, потери брата. Но он не отворачивается от видео и когда они заканчиваются, ничего не говорит.

– Хидео, – мягко говорю я, – ты изменил мир навсегда, когда создал «НейроЛинк». И хотя никто неидеален, это не значит, что мы не прислушиваемся. Не становимся лучше. Еще нужно сделать миллионы хороших вещей и к ним можно подойти ответственно, продуманно и с уважением, не забирая то, что прекрасно в этом мире.

Он смотрит на меня.

– Не знаю, заслуживаю ли я участвовать в этом, – говорит он.

Я качаю головой.

– Это не значит, что за тобой не будут внимательно наблюдать. Или следить за тобой. Ты не сможешь напрямую работать с чем-то, писать коды или быть официальной частью компании. Будет много правил, это я тебе обещаю. – Я встречаюсь с ним глазами. – Но ты знаешь «НейроЛинк» лучше, чем кто-либо. Прежде чем он стал принадлежать миру, он был твоим. Так что я все еще верю в ценность твоего совета, что мы можем выиграть от твоих знаний и помощи.

Теперь в глазах Хидео искра, которую я узнаю из его первых интервью. Это блеск создателя, волшебство, не дающее тебе уснуть по ночам, наполняющее потенциалом и обещаниями.

– Однажды ты сказал, что устал от ужасов этого мира, – говорю я. – Ну, и я тоже. Мы все еще можем найти способ бороться с ними, правильно. Мы можем найти этот способ вместе.

Хидео долгое время ничего не говорит. А потом улыбается. Это не тайная или подозрительная улыбка. Наоборот, она – все, на что я надеялась. Искренняя, честная, полная тепла, как у маленького мальчика, которым он когда-то был, сидящего у лампы в мастерской отца и собирающего то, что изменит мир навсегда. Это улыбка, которая, бывало, появлялась на моем лице, когда отец подзывал меня и показывал, как пришивать нежные кусочки кружева, один за другим, на шлейф платья. Та же улыбка была у меня, когда я склонялась над ноутбуком в приюте, чувствуя, что впервые контролирую свою жизнь.

Может у нас получится найти способ двигаться вперед, с новой страницы. Отыскать способ быть вместе.

Я наклоняюсь к этой зеркальной версии нашей самой первой

встречи. Мой взгляд встречается с его.

– Итак, я хочу предложить тебе работу, – говорю я ему. – Хочешь услышать подробности?

> Эмика Чен приняла предложение стать исполнительным директором Henka Games. Она собирается отдавать бо`льшую часть своих доходов благотворительному фонду, который занимается поддержкой проектов молодых женщин, выросших в трудных условиях… Госпожа Чен держала за руку с Хидео Танака, когда они вместе покидали местный ресторан на прошлой неделе, что укрепило слухи об их отношениях.
>
> *TOKYO LIFESTYLE MAGAZINE*

Благодарности

Если Warcross был послушным ребенком, то Wildcard все время оказывался в кабинете директора. Я часто сидела за работой от рассвета и до рассвета, чтобы придать форму этой истории. Она стала книгой, которой я очень горжусь, и я бы никогда не сделала этого без помощи команды гениальных людей.

Кристин Нельсон – всегда первая, кого я упоминаю в моих книгах, но особенно это актуально для Wildcard и Warcross. Я никогда не забуду, с каким энтузиазмом и поддержкой она отнеслась к этим книгам с первого дня, и, учитывая, насколько близка история Эмики моему сердцу и интересам, я вечно буду тебя благодарна. Спасибо за веру.

Спасибо моим невероятным редакторам, неподражаемой Кейт Мельтцер, Джен Бессер и Джен Клонски – огромное спасибо за мудрость и гениальные отзывы, за то, что протащили меня сквозь темные воды этой книги, и за то, что с вами было так здорово работать. Спасибо Энн Хослер, я правда не знаю, что бы делала без твоего острого взгляда и руководства. Посвящаю сцену на яхте тебе!

Как всегда, спасибо Putnam Children's, Puffin и Penguin Young Readers, вы все – настоящая команда мечты. Спасибо Терезе и Вес за просто потрясающую обложку, Маризе Расселл, Шанте Ньюлин, Эрин Бергер, Андреа Круиз, Дане Лейдиг, Саммер Огата, Фелисити Волленс и Ванессе Карсон – я бесконечно благодарна за все, что вы делаете!

Кэсси, никогда не смогу отблагодарить тебя в полной мере за то, что была со мной и продвигала эту серию с самого начала. Мне так повезло работать с тобой.

Спасибо Тахире Мафи, одному из самых любимых в мире людей: ты первая прочитала Wildcard и поддерживала меня, когда я нуждалась в этом. Спасибо Сабе Тахир и нашему дьявольскому педикюру печалей истории, где ты помогла мне понять все нюансы Ноля! Я всегда буду ассоциировать салоны ухода за ногтями с твоей гениальностью. Эми Кауфман: каждый раз, когда мне нужно опереться на чье-то плечо, ты всегда рядом. И, конечно, Ли Бардуго, сильнейшей из подобных ей, вдохновившей на серебряные волосы Джэкс и ведьминско-черную помаду. Ноль бы взломал любую систему ради тебя.

Спасибо Примо, партнеру по истории и лучшему мужу, который всегда первым читал эти главы и знает о них больше, чем кто-либо другой. Спасибо моей семье и друзьям за любовь и

поддержку.

И наконец моим читателям. Вы вдохновляете меня каждый день. Совершайте великие вещи и бросайте вызов миру.

notes

Примечания

1

Потрясающе! (*япон.*)